

СЛОВЕНСКИЙ

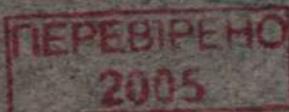

РЕВЫНЕ ЦРЬКЪВЫНЗІН СЛОВЕНСКІН

ІАГІКЪ.

С.М.К ўЛЬБАКИНА.

ХАРЬКОВЪ.

ЛДГА.

РЕВНЕ-ЦЕРКОВНО-СЛОВЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Проф. С. М. Кульбакина.

Введение. Фонетика.

ХАРЬКОВЪ.
Типо-Литографія М. Зильбербергъ и С-вья.
Довець-Захаржевская ул., с. д. № 6.
1911.

Предисловіе.

Настоящая книга, посвященная научной грамматикѣ древне-церковно-словянскаго языка, представляетъ попытку заполнить пробѣль, наличность котораго въ русской научной литературѣ врядъ-ли кто либо изъ специалистовъ станетъ отрицать.

При весьма незначительномъ количествѣ пособій на русскомъ языке, которая можно рекомендовать для ознакомленія съ предметомъ въ высшей школѣ, трудъ автора, быть можетъ, не окажется лишнимъ. При этомъ онъ надѣется, что живое преподаваніе облегчить изучающему усвоеніе научнаго материала, если онъ подчасъ, быть можетъ, сухо изложенъ или труденъ для пониманія.

Издаваемая книга представляетъ 1-й номеръ въ задуманной авторомъ серии научныхъ грамматикъ, посвященныхъ словянскимъ языкамъ,—авторъ вѣрить въ исполненіе своей мечты, хотя и знаетъ, какъ часто мечты разбиваются жизнью.

Для этихъ, имѣющихъ послѣдовать, номеровъ настоящая книга является естественнымъ введеніемъ; вотъ почему авторъ пашель нужнымъ въ началѣ книги дать краткія свѣдѣнія о всѣхъ словянскихъ народностяхъ и о взаимномъ отношеніи словянскихъ языковъ, а въ дальнѣйшемъ изложениіи отдѣлилъ отъ древне-церковно-словянскихъ фактovъ—факты и явленія прасловянскаго языка, такъ какъ эти послѣдніе должны служить историческимъ фономъ не только для древне-церковно-словянскаго, но и для другихъ словянскихъ языковъ.

Авторъ извиняется въ нѣкоторыхъ недостаткахъ техническаго характера: въ началѣ печатанія своей работы онъ не располагалъ еще нѣкоторыми типографскими знаками, кои затѣмъ были

IV

пріобрѣтены; такъ, напримѣръ, нѣкоторыя литовскія слова приведены, въ виду затрудненій типографскаго характера, безъ ударенія, слоговой характеръ сонорныхъ оставался въ началѣ книги безъ обозначенія.

Въ заключеніе авторъ считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать чувство глубокой признательности Историко-Филологическому Факультету Императорскаго Харьковскаго Университета, ассигновавшему средства для изданія настоящей книги.

Сердечная благодарность И. М. Эндзелину за товарищескіе совѣты и чтеніе корректуръ.

5 Ноября 1910 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Введение	1—32
I. Словянская семья языковъ. II. Древне-церковно-словянский языкъ. III. Деятельность Кирилла и Меодія. IV. Народность древне-церковно-словянского языка. V. Значеніе др.-ц.-словян. языка въ науцѣ словянского языкоznанія. VI. Словянскія азбуки. VII. Сравнительная древность словянскихъ азбукъ (кириллицы и глаголицы) и ихъ происхождение. VIII. Памятники др.-ц.-словянскаго языка. IX. Пособія къ изученію др.-ц.-словянскаго языка.	
Фонетика	33—124
I. Прасловянскіе звуки и звуковыя явленія	33—83
§ 1. Возстановленіе звуковъ прасловянскаго языка. § 2. Понятіе прасловянской эпохи.	33—35
Прасловянская система звуковъ.	35—39
§ 3. Звуки прасловянскаго языка эпохи, предшествовавшей его распаденію. § 4. Гласные а, о, у, е, і; согласные. § 5. Прасловянское у. § 6. Прасловянское ё. § 7. Прасловянскіе носовые. § 8. Прасловянскіе ъ, ь. § 9. Прасловянскіе сонорные г, л. § 10. Замѣчанія объ иныхъ согласныхъ. § 11. Прасловянское количество и удареніе.	
Отношеніе прасловянскихъ звуковъ къ индо-европейскому.	39—49
§ 12. Прасл. о. § 13. Прасл. а. § 14. Прасл. е. § 15. Прасл. ё. § 16. Прасл. ъ. § 17. Прасл. і. § 18. Прасл. ъ. § 19. Прасл. у. § 20. Прасл. ү. § 21. Прасл. носовые гласные. § 22. Прасл. сонорные г, л. § 23. Прасл. сонорные ш, п. § 24. Прасл. губные р, в. § 25. Прасл. зубные т, д. § 26. Прасл. к, گ. § 27. Прасл. в. § 28. Прасл. с. § 29. Прасл. з. § 30. Прасл. ч. § 31. Прасл. ж. § 32. Прасл. с, dz, ё, ց.	
Чередованіе гласныхъ въ прасловянскомъ языке.	50—58
§ 33. Понятіе о чередованіи. § 34. Формы чередованія въ индо-европейскомъ праязыкѣ. § 35. Сокращенія унаследованныхъ чередованій въ прасл. языкѣ. § 36. Чередованіе е:ё:о:ô:ъ въ прасл. языкѣ. § 37. Чередованіе гласныхъ въ положеніи предъ г, л. § 38. Чередованіе гласныхъ въ положеніи предъ т, п. § 39. Чередованіе гласныхъ въ положеніи предъ неслоговыми і. § 40. Чередованіе въ положеніи предъ неслоговыми ү. § 41. Чередованіе ё:ô:զ. § 42. Новые чередованія, созданныя аналогіей. § 43. Новые чередованія, возникшія въ силу прасловянскихъ звукоизмѣнений.	

<i>Прасловянскія звуковыя явленія</i>	58—83
§ 44. Общий обзоръ прасловянскихъ звуковыхъ явленій.	
§ 45. Совпаденіе а и ѿ. § 46. Образованіе носовыхъ гласныхъ въ срединѣ слова. § 47. Образованіе носовыхъ гласныхъ въ концѣ слова. § 48. Сочетаніе <i>гласный + носовой</i> въ конечномъ слогѣ предъ согласнымъ. § 49. Общая оценка фактовъ, относящихся къ носовымъ гласнымъ. § 50. Вопросъ объ измѣненіи конечнаго о + с въ и + с. § 51. Измѣненіе є въ я. § 52. Переходъ дифтонговъ въ монофтонги. § 53. Измѣненіе задне-небныхъ к, г, ч предъ палатальными гласными. § 54. Измѣненіе тѣхъ же согласныхъ предъ палатальными изъ дифтонговъ. § 55. Измѣненіе тѣхъ же согласныхъ подъ влияніемъ предшествующихъ палатальныхъ гласныхъ. § 56. Измѣненіе и.-европ. с въ ч. § 57. Явленія, связанныя съ влияніемъ ј насосѣдній гласный или согласный. § 58. Согласные ѡ и ѿ новаго происхожденія. § 59. Нѣкоторыя, болѣе мелкія, явленія въ области согласныхъ (1. группы тѣ, тг; 2. группы бс, рс, тс, дс; 3. группа кс; 4. группа кст; 5. группа рт, бт; 6. группа кт; 7. группа ст; 8. группа бп, рп, тп, дп; 9. группа сс, 10. группа дм; 11. группа бв; 12. группа скн; 13. группа ср). § 60. Явленія въ области количества и ударенія.	
II. Звуки древне-церковно-словянского языка.	84—124
§ 61. Система звуковъ др.-ц.-сл. языка.	
<i>Отношеніе звуковъ др.-церк.-слов. языка къ прасловянскимъ . .</i>	84—87
§ 62. Гласные а, о, ѿ, ѿу, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ. § 63. Со- норные ф, л, м, н, согласные взрывные п, б, д, т, к, г, длительные ѿ, ѿ.	
<i>Формы чередованія гласныхъ въ др.-и.-слов. языкахъ</i>	87—88
§ 64. Чередованія ѿ—и—и; ѿ—и—и; ѿ—ю—ю; ѿ—ю; ра—ро—ро; и—и; ѿ—ю.	
<i>Замѣчанія объ отдельныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ др.- церк.-слов. языка</i>	88—124
§ 65. Гласный а. § 66. Гласный ѿ. § 67. Гласный ѿ. § 68. Гласные ѿ, ѿ. § 69. Гласные ѿ, ѿ изъ ѿ, ѿ въ положеніи предъ ѿ. § 70. Носовые гласные. § 71. Сочетанія ф, л + ѿ, ѿ. § 72. Сочетанія ра, ла, фк, лк. § 73. Согласный ѿ или неслогово- ое ѿ. § 74. Сонорные ф, л, м. § 75. Губные согласные п, б, к, м. § 76. Согласные ш, ж. § 77. Согласные ш, ж новаго происхожденія. § 78. Группы шт, жд. § 79. Соглас- ные слитные ц, с, ч. § 80. Группы ц—ст и за. § 81. Группы цк, ск, тк, шк. § 82. Ассимиляція согласныхъ; упрощеніе группъ согласныхъ; вставка. § 83. Мнимо-вставное в.	

СОКРАЩЕНИЯ.

- авест.=авестійскій.
Arch.=Archiv für slavische Philologie.
B. B.=Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen, herausgegeben von Dr. A. Bezenberger und Dr. Prellwitz.
Бернекеръ, Slav. Etym. Wörterb.=Berneker, Slavisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg.
Вондракъ, Vergl. Sl. Gr.=Vondrák, Vergleichende slavische Grammatik. Göttingen. I—II.
Гебauer, H. Ml.=Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého.
Glag. Cloz.=Glagolita Clozianus (Сборникъ Клоца).
Götting, gelehrt. Anzeig.=Göttingische gelehrte Anzeigen.
греч.=греческій.
Das Ostbulgar.=Miletic, Das Ostbulgarische. Schriften der Balkankommission. Linguistische Abtheilung. II (1903 г.).
Denkschriften der K. Ak. d. Wiss. phil.-hist. Cl.=Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe.
др.-и.=древне-індійскій.
др.-и.-сл.=древне-церковно-словянскій.
Ж. М. Н. Пр.=Журналъ Министерства Народного Просвещенія.
индо-евр.=індо-европейскій.
Изв.=Ізвѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.
И. Р. А. И.=Ізвѣстія русскаго археологическаго института въ Константиноіолѣ.
I. F.=Indogermanische Forschungen.
Изслѣдованія по русскому языку.=Изслѣдованія по русскому языку. Издание Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.
K. Z.=Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen.
K. V. Gr.=Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. 1904 г.
Cloz.=Glag. Cloz. (см. выше).
лат.=латинскій.
латыш.=латышскій.
List. Fil.=Listy Filologické. Praha.
лит.=литовскій.
Ляпуновъ, Изслѣдованіе=Ляпуновъ, Изслѣдованіе о языке Синодального списка 1-ой Новгородской лѣтописи. 1900 г.
Maced. Stud.=Oblak, Macedonische Studien. Sitzungsberichte der Kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Classe. Band CXXXIV.
Мар.=Маріїнское Евангеліе.

VIII

Mat. i. pr.=Materyaly i prace komisyi językowej Akademii umiejętności w Krakowie.
Meillet, Introduction=Meillet, Introduction à l'étude comparative des langues indo-européennes.

M. S. L.=Mémoires de la Société de Linguistique de Paris.
Остр.=Остромирово Евангелие.

P. Br. B.=Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, herausgeg.
von H. Paul, W. Braune und E. Sievers.

прасл.=прасловинскій.

P. Ф. В.=Русский Филологический Вестникъ.

R. Sl.=Rocznik slaw.=Rocznik slawistyczny. Kraków.

Савв.=Саввина книга (свягельскихъ чтений).

Сб. Н. У.=Сборникъ за народни умстворения, наука и книжнина. София.

Сборн. Отд.=Сборна. Отд. р. яз. и слов. Н. А. Н.=Сборникъ Отдѣленія русскаго языка
и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Сборникъ статей по славяновѣдѣнію=Статьи по славяновѣдѣнію. Подъ редакціей акад.
В. И. Ламанского. Издание второго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Сборникъ Ягича=Zborník u slavu Vatroslava Jagića. Berlin 1908.

Sitzungsber. d. K. Ak. Wien=Sitzungsberichte des Kais. Akademie der Wissenschaften
in Wien. Philosophisch-historische Classe.

Sprawozdania Akad.=Sprawozdania z czynności i posiedzeń Akad. Umiejętności w
Krakowie.

Томсонъ, Общ. языков.=Томсонъ, Общее языковѣдѣніе.

Хиланд. лл.=Хиландарскіе листки.

Чтения И. О. И. и Др. Р.=Чтения въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей
российскихъ.

Шахматовъ, «Къ исторіи»=Шахматовъ, Къ исторіи русскаго языка. О полногласіи и
нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ. 1903.

Щепкинъ, Разсужденіе=Щепкинъ. Разсужденіе о языке Саввины книги. 1899 г.

Jagić, Zur Entstehungsgeschichte=Jagić, Zur Entstehungsgeschichte der altkirchenslavischen Sprache.

ВВЕДЕНИЕ.

I. Среди обширного круга языков индо-европейского корня более тесную семью составляют *славянские языки*.

Въ семью эту входят языки: русский, болгарский, сербский, словинский, чешский со словацким нарѣчіемъ, серболужицкій, польский и кашубскій.

Къ этой же семье относится и вымерший полабскій языкъ, о которомъ исследователь можетъ судить лишь по скучнымъ нѣмецкимъ записямъ конца XVII и XVIII вѣка, да по полабскимъ именамъ, встрѣчающимся въ латино-нѣмецкихъ грамотахъ и лѣтописяхъ средневѣковья.

Примѣчаніе. Русскимъ языкомъ,—который дѣлится на три главныхъ нарѣчія: великорусское, малорусское въ бѣлорусское,—помимо русского населения Россіи говорятъ въ Австро-Венгрии: въ восточной части Галаціи, въ западной части Буковины и сѣверо-восточномъ углу Венгрии.

Словяне, говорящіе болгарскимъ языкомъ, живутъ въ восточной части Балканского полуострова—въ королевствѣ Болгаріи и нѣкоторыхъ вилайетахъ Турціи (адрианопольскомъ, салоникскомъ и битольскомъ); кроме того болгарская населенія находятся въ Румыніи (въ Добруджѣ), въ Россіи (въ бессарабской, херсонской и тавріческой губерніяхъ), въ Банатѣ въ Семиградской области (Венгрия). Численность ихъ превышаетъ 5 миллионовъ: по исчисленію Флоринскаго 5,440,000, по Нидерле—5,000,000.

Сербскимъ или сербо-хорватскимъ языкомъ говорятъ словянское племя, живущее, главнымъ образомъ, въ западной части Балканского полуострова: въ королевствѣ сербскомъ, въ княжествѣ Черногоріи, въ нѣкоторыхъ вилайетахъ Турціи (новобазарскій, призренскій, Косово поле, скадрекій и скопійскій санджакъ), въ областяхъ Босніи и Герцеговинѣ, недавно аннексированныхъ Австро-Венгрией, въ австрійскихъ провинціяхъ Истріи и Далмациі, въ венгерскихъ провинціяхъ Хорватіи, Славоніи, Срѣмѣ, Бачкѣ, Банатѣ и Приморѣ, наконецъ на островахъ Адриатического моря: Рабъ, Керкѣ (Веллья), Оссорѣ, Брачъ, Хваръ, Мљтъ, Корчула. Флоринскій исчисляетъ сербо-хорватъ въ 9,135,000, Нидерле—въ 8,550,000.

Словинцы или словенцы, небольшой словянскій народъ (около 1½ миллиона) обитаетъ, главнымъ образомъ, въ австрійскихъ провинціяхъ—Крайнѣ, Штиріи и Хорутаніи, отчасти же въ Венгрии (въ саладской, жехѣзной и вѣс-примской жупаніяхъ) и Италии (Резьянская долина).

Чехи или чехо-мораваисе населаютъ Чешское королевство, Моравію и нѣкоторые части Силезіи въ Нижней Австріи; ихъ насчитываютъ 7 слишкомъ

миллионовъ (7,237,200). Къ чешескому языку ближайшимъ образомъ примыкаетъ словакское нарѣчіе, коимъ говорятъ словяне, живущіе къ востоку отъ чехо-моравій—въ сѣверной Богемії и юго-восточной Моравіи (всего, считая и эмигрантовъ, живущихъ въ Америкѣ и Россіи, насчитываютъ 2,671,000).

Сербы-лужичане,—остатокъ, когда то обширной вѣтви славянства, нынѣ насчитывающей немногимъ болѣе полутораста тысячъ (157,000) человѣкъ, живущихъ по верхнему течению р. Шпрѣ, въ предѣлахъ Пруссіи и Саксоніи. Ихъ языки складываются изъ двухъ нарѣчій: верхнелужицкаго и нижнелужицкаго.

Языкомъ польскимъ говорить словянскій народъ, въ политическомъ отношеніи раздѣленный на три части: одна входитъ въ составъ Россіи (Царство Польское), другая—въ составъ Пруссіи (герцогство Познанское, часть Восточной Пруссіи, а также часть Западной Пруссіи и восточная часть Силезіи до р. Ниссы) и третья въ составъ Австріи (восточная часть Силезіи или т. н. Тѣшебинское Княжество и западная часть Галиціи). Численность поляковъ, по вычисленіямъ Флоринскаго, доходитъ до 19—20 миллионовъ, по Нидерле—17,500,000.

Кашубскимъ языкомъ говорить небольшой народецъ, живущій на южномъ берегу Балтийского моря—въ предѣлахъ Западной Пруссіи и Цюгераніи. Считая и кашубовъ, живущихъ въ Америкѣ, ихъ вчисляютъ приблизительно въ 365 тысячъ. Кашубы являются потомками словянскаго племени поморянъ, на западѣ отъ которыхъ, въ предѣлахъ нынѣшняго Мекленбурга и Голштейна, въ старину помѣщались ближайше родственныя имъ вѣтви подабскихъ (т. е. живущихъ по Лабѣ-Эльблѣ) словянъ: бодричи и лютчи. Ср. Т. Д. Флоринскаго «Славянское племя». 1907 г., Нидерле, «Обозрѣніе современного славянства», 1909.

Всѣ эти языки были нѣкогда говорами одного языка, который въ наукахъ принято называть *прасловянскимъ*; языкомъ этимъ говорили единый въ смыслѣ языковомъ и культурномъ словянскій народъ, жившій, по новѣйшимъ выводамъ науки, на территории, ограничиваемой съ сѣвера Прицистью, съ запада Вислой, съ юго-запада Карпатами, съ востока приблизительно Днѣпромъ и Десной и съ юга степной полосой, на которой съ незапамятныхъ временъ кочевали народы иранскаго корня.

Примѣчаніе. О прародинѣ словинъ ср. Niederle «Slovanské starozitnosti» I, 1902, 3—34 с.с. Иначе Розводовскій, Sprawozdania Akad. въ Краковѣ 3 т. 2 с.

Расширяясь постепенно въ различныхъ направленіяхъ, встрѣчаясь въ различныхъ мѣстахъ съ различными этническими и культурными вліяніями, словянскій прародъ распался съ теченіемъ времени на отдѣльные, самостоятельные народы, которые въ настоящее время довольно рѣзко отличаются другъ отъ друга какъ языкомъ, такъ и складомъ политической жизни и культуры.

Былые говоры, развиваясь и измѣняясь на длинномъ протяженіи вѣковъ, постепенно сложились въ самостоятельные языки. Однако старыя отношения между этими языками,—отношенія говоровъ одного языка,—

не стерлись совершенно, и более тесное родство между ними, былое единство без труда можно установить научнымъ путемъ и въ настоящее время. Мало того: перемѣщаясь съ территорией прародинъ на новыя мѣста, говоры эти очень долгое время еще находились въ сношеніяхъ другъ съ другомъ,—а сношения поддерживаютъ единство,—долгое время сохраняли прежнюю картину взаимныхъ отношеній; удивительнымъ образомъ, современные отношения между славянскими языками соответствуютъ тѣмъ отношениямъ между ними, которыхъ можно предполагать встарину въ виду данныхъ историко-географическихъ.

Языки—болгарский, сербский и словинский въ настоящее время обнаруживаютъ взаимную близость въ такой мѣрѣ, которая позволяетъ думать, что говоры: болгарский, сербский и словинский были на славянской прародинѣ ближайшими соседями.

Примѣчаніе. Ср. однообразную вокализацию звуковыхъ сочетаний, соответствующихъ русскому полногласию (серб. болг. брада, слов. brada=русс. борода), слоговые г, л въ соответствии русскому ор, ол (въ словахъ горло, волкъ и т. п.), твердые гласные въ положеніи предъ гласнымъ е (въ русскомъ смягченныхъ: небо и т. п.); совпаденіе въ законахъ развитія количества между сербскимъ и словинскимъ языками, а съ другой стороны нѣкоторыми сходными явленіями удивленія и количества въ болгарскомъ и словинскомъ.

Русский языкъ нѣкоторыми своими чертами сближается съ болгарскимъ, иными съ польскимъ.

Примѣчаніе. Русское сонъ (ред. сна) и западноболгарское сон; болгарский постпозитивный членъ (гостъ, главата) и то же явленіе въ великорусскомъ говорахъ: крикотъ, избата, маслого и т. п. ср. Изв. 1901, № 3, 139 и сл. Съ польскимъ русский сближается, напримѣръ, въ смягченіи согласныхъ предъ е (пол. піево, но чеш. пѣво), въ судьбѣ праслов. слоговыхъ г, л (р. горло, пол. gardlo, чеш. lerdlo, серб. грао), также въ словарномъ отношеніи.

Точно такъ-же чешскій языкъ съ одной стороны образуетъ одну группу западно-славянскихъ языковъ съ лужицкими, польскими и кашубскими (поморскими), сближаясь съ ними въ цѣломъ рядѣ пунктовъ.

Примѣчаніе. Ср. звуки с, dz (или уширение его з) на мѣстѣ праслов. tj, dj (русское ч, ж: ночь, межа), непосредственное смягченіе тубныхъ согласныхъ (пол. ziemia, чеш. země=русс. земля), kv—gv (русс. цв, зв) и др.

Съ другой стороны, однако, чешскій языкъ въ нѣкоторыхъ чертахъ своей фонетики подаетъ руку южнославянскимъ языкамъ.

Примѣчаніе. Ср. чеш. brada: ср. серб. слов. brada, болг. брада; чеш. твердые согласные предъ е: пѣве; слоговые г, л.

Наконецъ, лужицкія нарѣчиya занимаютъ промежуточное положеніе между чешскими и польскими языками, а кашубскій, близко подходя къ польскому въ большинствѣ характерныхъ чертъ своихъ, нѣкоторыми своими особенностями связанъ съ былымъ полабскими языками (камъ, кагва=пол. krova, русск. корова).

Если сопоставить эти нынѣшнія соотношенія между словянскими языками съ ихъ географическимъ положеніемъ въ настоящее время и съ ихъ географическимъ положеніемъ въ проплому, то можно предполагать, что взаимное положение говоровъ словянского прайзыка на ихъ прародинѣ было слѣдующимъ:

Говоры болгарскій, сербскій и словинскій примыкали къ южной и юго-западной границѣ словянской территории, и, соответственно своему положенію, носители ихъ вносясь въ движение въ юго-западномъ направлениі, просачиваясь постепенно чрезъ ущелья Карпатъ въ подунайскую равнину и затѣмъ на Балканскій полуостровъ; предки чехомораванъ и словаковъ, поляковъ, лужичанъ, кашубовъ и полабянъ двигались въ западномъ и сѣверо-западномъ направлениі; предки русскихъ—на сѣверъ и востокъ. Новые отношенія—по выселенію изъ прародины, были, такимъ образомъ, продолженіемъ старыхъ.

Приимѣчаніе. Въ IX вѣкѣ южно-словянскія племена (болгарскія, сербскія и словинскія) занимали почти весь Балканскій полуостровъ, за исключеніемъ небольшихъ полостей, принадлежавшихъ грекамъ и албанамъ, и почти всю подунайскую равнину; на сѣверо-востокѣ, какъ и встарь, они примыкали къ русскимъ племенамъ, на сѣверо-западѣ поселенія словинцевъ доходили до Дуная, на противоположномъ берегу которого сидѣли представители чехоморавскаго племени, надъ чехомораванами сидѣли лужичане и поляки, еще сѣвериѣ полабцы и поморяне, къ востоку отъ поляковъ русские; такимъ образомъ, въ IX вѣкѣ словинская территорія представляла почти сплошь замкнутый кругъ словянскихъ народій, находившихъ въ томъ же отношеніи другъ къ другу, какое мы предполагаемъ для прасловянской эпохи. Ср. „Карту разселенія славянъ въ IX вѣкѣ“ Кочубинскаго 1885 г. или „Карту разселенія славянъ во второй половинѣ IX вѣка“ Флоринскаго 1907 г.

II. Единство словянскихъ языковъ по происхожденію обусловливаетъ единство науки словянского языкоznанія. Какой бы изъ словянскихъ языковъ мы ни изучали исторически, для полнаго и яснаго пониманія

его историческихъ основъ и его исторической жизни намъ необходимо широкое знакомство съ остальными славянскими языками: только сравнительное изученіе всѣхъ славянскихъ языковъ можетъ решить задачу научной реконструкціи ихъ общаго родоначальника,—праславянскаго языка, а безъ такой реконструкціи праславянской системы звуковъ и формъ нельзя освѣтить корней исторической жизни отдельныхъ славянскихъ языковъ.

Очень важное значеніе въ такой реконструкціи, въ сравнительномъ изученіи славянскихъ языковъ имѣть грамматика древне-церковно-славянского языка. Для того, чтобы было ясно это значеніе, нужно прежде всего выяснить самый терминъ—«древне-церковно-славянскій языкъ», а для этого необходимо нѣсколько остановиться на дѣятельности первоучителей славянскихъ Константина и Меѳодія, съ коей неразрывно связано самое возникновеніе этого древне-церковно-славянского языка.

Примѣчаніе. Дѣятельность первоучителей освѣщается цѣлымъ рядомъ источниковъ какъ славянскихъ, такъ и греческихъ и латинскихъ. Среди нихъ важнѣшими являются такъ называемыя панонскія житія Константина и Меѳодія на славянскомъ языке, по мнѣнію нѣкоторыхъ исследователей однако представляющія словянскій переводъ съ греческаго (ср. Вороновъ „Кирилль и Меѳодій. Главнѣшіе источники для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія“. 1877). Составлены эти житія были, повидимому, въ IX или X вѣкѣ. Издание ихъ можно найти: житія Константина въ *Denkschriften der Kaiserl. Akad. d. Wiss. ph.-hist. Cl.* XIX B. 1870. Wien (Дюмидель и Миклошичъ); житіе Меѳодія издано Миклошичемъ также въ 1870 г.: *Vita Sancti Methodii ed. Fr. Miklosich*; другія изданія указаны Лавровымъ въ статьѣ „Свв. Кирилль и Меѳодій...“, въ „Кнагѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ“ (подъ ред. Виноградова) вып. 2 где данъ русскій переводъ житій, а также въ предисловіи къ его собственному изданію житія Меѳодія 1898 г. (въ Чтеніяхъ въ И. О. И. и Др. Р. 1899 г.); ср. еще изданію житій въ книжѣ Пастрнека *Dějiny slovanských apoštolů Cyrila a Methoda*, 1902, Praha, где текстъ ихъ данъ въ искусственно-арханизированной формѣ (ср. Ж. М. Н. Пр. 1902 г., № 8, 454 и сл.). Изъ новой литературы житій ср. Вондрача (Vondrák) *Studie z oboru cirkevněslovanského písemnictví*, Ламанскаго „Славянское житіе св. Кирилла..“ въ Ж. М. Н. Пр., 1903, Лаврова „Die neuesten Forschungen...“ Arch. XXII, 1905, Голубинскаго въ Изв. XII 2, 368—80.

Изъ общихъ пособій по кирилломеѳодіевскому вопросу кромѣ отмѣченныхъ выше работъ Воронова и Пастрнека,—изъ старыхъ—Малышевскаго (свв. Кирилль и Меѳодій, 1885 г.), Гохубинскаго (Святые Константинъ и Меѳодій... 1885 г.), Гетца (Goetz) *Geschichte der Slawenapostel...* 1897, Ягича (Jagić) *Zur Entstehungsgeschichte der kirchen-slavischen Sprache*, 1900: *Denkschriften d. Kais. Ak. d. W. in Wien, ph.-hist. Cl.* B. XLVII.

III. Въ 863 году къ императору византійскому Михаилу II явилось посольство отъ моравскаго князя Ростислава: по словамъ житія Константина,—съ просьбой прислать ему такихъ учителей, которые бы научили его народъ христіанской вѣрѣ на его родномъ языке; мораване въ это время не были уже язычниками, но, будучи обращены въ хри-

стіанство латино-нѣмецкимъ духовенствомъ, имѣли богослуженіе на латинскомъ языке.

Если мысль, дать народу богослуженіе и христіансскую проповѣдь на понятномъ ему языке, организовать национальную церковь, definitelyально принадлежала Ростиславу, то она была не безъ связи съ его желаніемъ уничтожить церковную зависимость Моравіи отъ нѣмецкаго епископа и его политическими планами. Вероятно, возможно, что мысль о славянскомъ богослуженіи, вопреки разсказу житія, не принадлежала Ростиславу, и посольство его имѣло цѣлью лишь заключить политической и церковный союзъ съ Византіей, въ противовѣсь такому же союзу нѣмцевъ съ Болгаріей. Ср. Златарскій «Извѣстията за българитѣ»... Сб. Н. У. XXIV, 58 и сл.; ср. Изв. XII, 2 кн. 375—6.

Моравская миссія была предложена братьямъ Константину и Меѳодію. Сыновья знатного греческаго вельможи, Константина и Меѳодія были уроженцы города Солуна, который въ ту эпоху былъ окружёнъ славянскими поселеніями; житіе Меѳодія влагаетъ въ уста императора Михаила слѣдующія слова, обращенные къ братьямъ: «вы оба—солуняне, а слуянне все говорять хорошо по славянски» (*ко юста геноуиница да слауналии быси чисто словѣнскіи киѣдоуютъ*; изд. Лаврова).

Руководящая роль въ миссіи принадлежала младшему брату Константину, который, принадлежа къ духовному сословію, въ то же время извѣстенъ былъ въ моментъ прибытія моравскаго посольства своею ученостью.

Предъ отправленіемъ въ Моравію, Константина, по свидѣтельству его житія, «*сложи писмена*», т. е. составилъ славянскую азбуку и началъ переводъ евангелія-апракосъ: начать *киѣдоу писати євангелѣкоу* испрѣка чѣ моко и т. д.; именно этими словами,—ченіемъ изъ св. Йоанна I, 1—25, начинается неполное евангеліе т. е. сборникъ евангельскихъ членій, употребляемыхъ на богослуженіи въ воскресные и праздничные дни.

Прибывъ въ Моравію, братья работали здѣсь надъ организацией моравской церкви болѣе 3 лѣтъ, по сообщенію житія Константина,—40 мѣсяцевъ. Эта работа состояла, конечно, главнымъ образомъ въ славянскомъ перевода богослужебныхъ книгъ и въ подготовкѣ учениковъ, которые должны были дать первый кадръ служителей национальной церкви—славянскихъ священниковъ и прочихъ лицъ духовнаго званія; для этого ихъ приходилось, конечно, обучать славянскому членію и письму, равно какъ и церковному шїнию, пріемамъ богослуженія и, быть можетъ, также иконописи.

Послѣ этой трехлѣтней работы братья должны были въ силу историческихъ обстоятельствъ отправиться въ Римъ: ихъ организаціонная дѣятельность въ Моравіи была, такъ или иначе, вмѣшательствомъ въ

еферу вліянія римской церкви, и по желанію ли папы, или князя, или наконецъ по собственному почину,—имъ приходилось дать отчетъ въ этой дѣятельности римскому престолу.

Но дорогъ въ Римъ Константинъ посѣтилъ словянское княжество Коцела на Блатенскомъ озерѣ, въ исторической Панноніи (между верхнимъ Дунаемъ, Дравой и Муромъ) и организовалъ здѣсь также славянскую церковь: принять же и подоучь Коцѣль кнезъ панонійскии, и бѣзлюбъ кельми словѣнскыи книги наоучити се наць вѣда до "и" ученикъ обучити се имъ (житіе Константина, XV); по національности подданныхъ Коцела, давшаго Константину 50 ("и") учениковъ, должно опредѣлить, какъ словинцевъ.

Путешествіе братьевъ въ Римъ, по разсказу житія, было удачно: словянская литургія была признана папой, и ученики Константина были посвящены въ священники, вмѣстѣ съ ними и Меѳодій. Однако Константина въ Римѣ заболѣлъ, принялъ монашество подъ именемъ Кирилла и умеръ въ 869 году. Меѳодій же возвратился сперва въ Паннонию: житіе его разсказываетъ, что бѣзъ этого Коцѣль хлопоталъ у папы; затѣмъ онъ попадаетъ въ руки архіепископа Зальцбургскаго Адалвина и епископа Фрейзингенскаго Германриха, которые заключаютъ его въ тюрьму; отсюда онъ освобождается лишь чрезъ 3 года—въ 873 году по настояніямъ папы и снова является въ Моравію, где между тѣмъ обстоятельства существенно измѣнились: Ростислава смѣнили на моравскомъ престолѣ его племянникъ Святополкъ, не раздѣлявши симпатій своего предшественника къ словянской церкви. Меѳодію приходится бороться съ нѣмецкимъ духовенствомъ до самой смерти—въ 885 г.

Послѣ смерти Меѳодія его ученики, представители словянской церкви въ Моравіи, изгоняются Святополкомъ, словянская литургія исчезаетъ въ Моравіи и Панноніи и переносится учениками Константина и Меѳодія въ Болгарію; здѣсь перенизываются кирилломеѳодіевскіе оригиналы богослужебныхъ книгъ, и въ то же время продолжается литературная—переводческая дѣятельность.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что занятые довольно сложнымъ дѣломъ организаціи словянской церкви въ Моравіи и Панноніи Константинъ и Меѳодій не могли перевести на словянскій языкъ всего Священнаго Писанія.

Житіе Меѳодія разсказываетъ, что Меѳодій вмѣстѣ съ братомъ перевелъ Евангеліе, Псалтырь, Апостолъ и ізѣрнныи глѹжбы црквиныи, а самъ онъ съ помощью двухъ священниковъ-борзописцевъ перевелъ въ 6 мѣсяцевъ весь Ветхій Завѣтъ, за исключеніемъ книги Маккавеевъ; послѣднее извѣстіе можно признать вѣроятнымъ развѣ въ томъ смыслѣ, что ими были переведены лишь сборникъ ветхозавѣтныхъ членій, необходимыхъ для богослуженія т. е. Паремейникъ; и дѣйствительно, дошедшіе

шіе до настъ древніе списки Паремейника, напр. Паремейникъ Григоро-вича, изданный Брандтомъ, обнаруживають въ общемъ тотъ-же подборъ формъ и словарного материала, что и древнійшіе списки Евангелія и Апостола; но того же самаго нельзя сказать о дошедшемъ до настъ цѣломъ переводѣ отдельныхъ частей Ветхаго Завѣта. (Иначе Лавровъ Изв. VI, кн. 1, 268 и сл.).

Такимъ образомъ, оставался просторъ для переводческой дѣятельности учениковъ словянскихъ первоучителей на новой исторической аре-иѣ—въ Болгаріи. Эпохой расцвѣта на этой новой аренѣ древнеперковно-словянской письменности было царствование болгарскаго царя Симеона (893—927 г.), которое называется золотымъ вѣкомъ болгарской литературы.

IV. Краткій исторический очеркъ возникновенія словянской письменности, данный выше, въ извѣстной мѣрѣ уже выяснилъ значеніе термина *древне-церковно-словянскій*. Подъ этимъ терминомъ разумѣется древнійшій литературный языкъ словянского племени, языкъ первого словянского перевода Священнаго Писанія, совершенного Константиномъ и Меѳодіемъ во 2-й половинѣ IX вѣка.

Этотъ языкъ легъ въ основу церковнаго и шире-литературнаго языка не одного словянскаго народа: отъ болгаръ словянскія богослужебныя книги, написанныя этимъ языккомъ, перешли къ сербамъ и русскимъ; сербскіе и русскіе писцы, переписывая древніе церковно-словянскіе оригиналы, вносили въ работу черты своего живого—народнаго языка, и съ течениемъ времени получился особый церковный языкъ у русскихъ—русскій типъ церковно-словянскаго языка и особый церковный языкъ у сербовъ—сербскій типъ церковно-словянскаго языка; точно такъ же и на болгарской почвѣ древній церковно-словянскій языкъ не оставался неизмѣннымъ: болгарскій языкъ переживалъ новыя явленія въ области звуковъ и въ области формъ, и эти измѣненія новыми пластами ложились на древнюю систему звуковъ и формъ языка словянскихъ первоучителей.

Въ отличіе отъ такого церковно-словянскаго языка нового типа—болгарскаго, сербскаго, русскаго,—предметъ этой книги и называется *древне-церковно-словянскимъ*. Задача ея, задача грамматики древнеперковно-словянскаго языка,—охарактеризовать и освѣтить научно, исторически литературный языкъ словянъ, какимъ онъ былъ въ первый пе-ріодъ своего существованія.

Однако данное разъясненіе предмета не вполнѣ еще его опредѣляетъ. Остается вопросъ о народности древнеперковно-словянскаго языка, такъ-какъ единий словянскій языкъ въ IX вѣкѣ давно уже не су-ществовалъ, а были на лицѣ, каждый со своими особенностями, отдельные словянскіе языки: русскій, болгарскій, словинскій, чешскій и т. д.

Всякій литературный языкъ въ извѣстной мѣрѣ искусствененъ.

Въ извѣстной степени искусственнымъ можно признать и древне-церковно-словянскій языкъ; если онъ не былъ чехо-моравскимъ, то играя роль органа церковной и литературной жизни, онъ долженъ быть принять нѣкоторый отпечатокъ мѣстныхъ условий, отпечатокъ окружающей жизни въ формѣ моравскихъ словъ или укоренившейся здѣсь уже раньше церковной терминологіи латино-нѣмецкаго происхожденія.

Тѣмъ не менѣе въ его основѣ, какъ въ основѣ всякаго литературного языка, конечно, лежалъ народный языкъ, лежало одно изъ живыхъ словянскихъ нарѣчій второй половины IX вѣка.

Какое же изъ нарѣчій IX вѣка лежало въ основѣ литературного языка Константина и Меѳодія, какова народность этого языка?

Въ настоящее время на вопросъ этотъ можетъ быть только одинъ, и вполнѣ увѣренный, отвѣтъ. Однако отвѣтъ этотъ признанъ всѣми лишь въ недавнее сравнительно время, и вопросъ о родинѣ или народности древне-церковно-словянскаго языка имѣть за собой длинную и сложную исторію.

Чтобы отвѣтить на него, примемъ прежде всего во вниманіе нѣкоторые исторические моменты, уже отмѣченные въ приведенномъ выше очеркѣ дѣятельности Константина и Меѳодія.

Какъ мы видѣли выше, Константинъ уже до отправленія въ западнословянскія области началъ переводить Евангеліе на словянскій языкъ; ни съ языкомъ Моравіи, ни съ языкомъ Панноніи онъ не былъ въ это время знакомъ. Очевидно, если вѣрить сообщенію житія, языкъ перевода былъ тѣмъ языкомъ солунскихъ словянъ, который былъ Константину знакомъ съ дѣтства, какъ солунянину. Это былъ языкъ той словянской вѣтви, которая въ настоящее время извѣстна подъ именемъ болгаръ.

Во всякомъ случаѣ языкъ церковно-словянскій не есть языкъ чехо-моравскаго племени, такъ-какъ его звуковыя и формальныя особенности, насколько онѣ отражаются въ древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ памятникахъ, совершенно не совпадаютъ съ особенностями, съ основными чертами чехо-моравскаго языка.

Остается еще одна возможность: что Константинъ и Меѳодій положили въ основу своего литературного языка нарѣчіе паннонскихъ словянъ. Однако такое предположеніе исторически невѣроятно: мы видѣли, что первые 3 года своей миссіи солунскіе братья посвятили Моравіи, и только черезъ 40 мѣсяцевъ, когда необходимыя на первыхъ порахъ богослужебныя книги были переведены, по дорогѣ въ Римъ посѣтили Паннонію.

Ясно, что историческія соображенія, если не прибѣгать ни къ какимъ искусственнымъ и необоснованнымъ предположеніямъ, вродѣ того,

что княжество Ростислава въ IX вѣкѣ было населено не мораванами, а тѣми же словинцами, что и Паннонія (см. ниже примѣч.),—примо указываютъ на словянское нарѣчіе окрестностей Солуя, какъ на народную основу церковно-словянского языка.

Къ тому же выводу приводятъ изслѣдователя и соображенія чисто языкового характера. Одна изъ самыхъ характерныхъ звуковыхъ чертъ церковно-словянского языка, какъ онъ рисуется намъ по древнѣйшимъ памятникамъ, это—сочетанія шт и жд на мѣстѣ прасловянскихъ ѹ, дж и kt, gt въ положеніи предъ палатальными гласными: ц.-с. ношть, лежда, скѣшта, рождытво; въ русскомъ мы имѣемъ въ такихъ случаяхъ н и ж: ночь, лежда, сельца, рожество (рождество—церковная форма). Эти сочетанія шт, жд въ соотвѣтствіи съ прасл. ѹ, дж, kt, gt—въ то же время служать однимъ изъ характерныхъ признаковъ болгарского языка, тогда какъ въ словинскомъ языкѣ на мѣстѣ указанныхъ прасловянскихъ сочетаній находимъ звуки ѕ (ч) и ѡ; въ древнѣйшемъ памятнике словинского языка,—такъ называемыхъ Фрейзингенскихъ отрывкахъ,—на мѣстѣ прасл. ѹ находимъ звукъ, выражаемый латинской буквой с или к (напр. uzmogoki=ци-сл. късемогьшти).

Другія звуковыя черты церковно-словянского языка также вполнѣ совпадаютъ съ діалектическими чертами болгарского языка; такъ буква ъ, какъ мы увидимъ ниже, въ говорѣ Кирилла и Меодія произносилась вѣроятнѣе всего, какъ широкое ѿ, звукъ близкій на слухъ къ звуку та (я); такое произношеніе ъ мы находимъ и нынѣ въ нѣкоторыхъ солунскихъ говорахъ, какъ указалъ въ 1896 г. Облакъ.

Прижъчаніе. Такъ произносится ъ въ говорѣ Сухо: ср. Macedonische Studien Облака, 25 с.

Звукъ dz, слитный согласный, для которого въ церковно-словянской азбукѣ существуетъ особая буква, отличающая его отъ простого зубного z,—также извѣстенъ до сихъ поръ македонскимъ говорамъ.

Прижъчаніе. Macedonische Studien, 51 с.

Такимъ образомъ, и съ точки зрењія языковой вопросъ о родинѣ или, иначе говоря, народности церковно-словянского языка можетъ быть решаемъ только въ пользу болгаро-македонского нарѣчія.

Прижъчаніе. Вопросъ о родинѣ или народности церковно-словянского языка былъ поставленъ въ наукѣ словянской филологии при ея зарожденіи. Основатель этой науки, Добровскій, отвѣчалъ на него въ сущности такъ же, какъ и мы въ настоящее время, хотя и не могъ обосновать своего отвѣта, какъ твердое научное положеніе. Для Добровскаго церковно-словянский языкъ былъ языкъ „несмѣшанный болгаро-сербо-македонскій“;—формула, которая находитъ себѣ объясненіе въ тогдашнемъ состояніи словянской этнографіи: болгары и сербовъ еще не различали, и терминъ „сербы“ обозначалъ въ то время всѣхъ

словинъ къ югу отъ Дуная. Неопределенность приведенной формулы Добровского искупается его основнымъ соображеніемъ при решеніи данного вопроса: основатель славистики указываетъ на то обстоятельство, что Константий и Меѳодій были уроженцы полугреческаго—полусловянскаго города Солуня; следовательно, заключаетъ Добровский, ихъ словянская рѣчь была скорѣе всего языккомъ словянъ, жившихъ вблизи Солуна.

Эта вѣрная точка зрѣнія Добровского не нашла однако столь горячихъ послѣдователей и защитниковъ, какъ иная теорія: паннонскаго, т. е. словинскаго, происхожденія церковно-словянскаго языка,—теорія, долгое время едва ли не господствовавшая въ наукѣ благодаря тому, что защитниками ея являлись такие крупные слависты, какъ Конитарь и Миклошичъ.

Уже Конитарь въ обоснованіе этой теоріи ссылался на тотъ исторический фактъ, что Паннонія или княжество Коцела входила въ епархію словинскихъ первоучителей; въ то же время онъ подчеркивалъ присутствіе въ церковно-словянскомъ языке словъ западнаго, латино-немецкаго происхожденія, какъ-то: алтаръ, цѣкарь, онѣтъ, (лат. acetum), постъ (др.-верхн.-нем. fasta), попъ (др.-врх.-нем. pfaffo).

Эти слова въ составѣ церковно-словянскаго языка были въ глазахъ Конитара ясными указаніемъ, что языкъ этотъ принадлежалъ народу, жившему вблизи латино-германскаго міра, находившемуся въ сфере его влиянія. Такимъ народомъ могли быть жители Панноніи, но не болгарскіе словяне.

Теорію Конитара развилъ Миклошичъ, присоединивъ къ указаніямъ своего учителя новые аргументы.

Эти аргументы съ одной стороны имѣли въ виду доказать невозможность болгаризма церковно-словянскаго языка, а съ другой—возможность его паннонского происхожденія. Миклошичъ указывалъ на то, что въ церковно-словянскомъ языѣ *ж* и *ь* измѣнились въ о и е: *гонъ* (изъ *гонъ*), *день* (изъ *дѣнь*), тогда какъ въ болгарскомъ находимъ глухой *ж* на мѣстѣ старого *ж*: *мыгъ* (церк.-сл. *мыгда*), *стѣкъ* (ср. ц.-сл. *стѣклъникъ*, *стѣкъникъ*), *сынъ* (церк.-сл. *г҃нъ*, въ памятникахъ также въ формѣ *гонъ*).

Различіе между церковно-словянскимъ и болгарскимъ Миклошичъ видѣть и въ рефлексахъ прасловянскихъ носовыхъ гласныхъ; въ церковно-словянскомъ они сохранялись, какъ носовые гласные (*м*, *н*), тогда какъ въ болгарскомъ носовыхъ гласныхъ не находимъ. Наконецъ, въ соотвѣтствіи церковно-словянскимъ звуковымъ сочетаніемъ *шт*, *жд*, — указывалъ Миклошичъ, — въ македонскихъ говорахъ, къ числу которыхъ относится говоръ солунскихъ братьевъ, находимъ смѣгченныя *к'*, *ч'*, *г'*, *д'*.

Въ то же время Миклошичъ приписывалъ языку бытаго населенія Панноніи и церковно-словянское *шт*, *жд*, въ носовые, хотя современный словинскій языкъ не имѣть первыхъ, а вторые не оставилъ никакихъ следовъ въ большинствѣ словинскихъ говоровъ. Въ данномъ случаѣ Миклошичъ опирался на языкъ нынѣшняго населения Панноніи,—мадьярскій (венгерскій), въ которомъ находимъ заимствованный изъ словянскаго слова со слѣдами бытыхъ носовыхъ гласныхъ и сочетаній *шт*, *жд* (*шт*, *жд*): *galamb* (д.-сл. *голльба*), *rend* (ц.-сл. *рѣдъ*), *pentek* (ц.-сл. *пятъка*), *Pest* (произносится, какъ *реѣт* т. е. *Пешт*, название города; ц.-сл. *пешть*, русск. *пень*), *roszda* (произносится, какъ *роѣда*, ц.-сл. *рожднє*, производное отъ *роѣга*).

Ко всемъ этимъ соображеніямъ Шафарикъ, первоначально бывшій сторонникомъ болгаризма церковно-словянскаго языка, а позже примкнувшій къ Миклошичу, присоединилъ еще одно указаніе: въ древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянскаго языка онъ находилъ цѣлый рядъ такихъ словъ, которыхъ въ настоящее время встречаются лишь въ языкахъ словинскомъ, въ чешскомъ, да въ нарѣчию хорватскаго Приморья, жители которого представляютъ потомковъ паннонскаго населения, бѣжавшаго сюда послѣ нашествія мадьяръ. Слова эти, на которыхъ ссылался Шафарикъ, слѣдующія: локка (дождь), отокъ (остатокъ), рѣкнота (истина), кални (врачъ), натроути (напитать), ашоутъ (напрасно), ближника (родственника), братръ (брать), година (часъ), отокъ (островъ), спіти (напрасно), крижъ (крестъ), кмоторъ (кумы) и др.: изъ нихъ *година*, *братръ*, *кмоторъ* — находимъ и нынѣ въ чешскомъ языке; брагоръ встречаемъ также въ древнѣйшемъ словинскомъ памятнике — Фрейзингенскихъ отрывкахъ; *спіти* — также содержится въ чешскомъ имени *Spijihnev*; выраженію ашоутъ соответствуетъ др.-чеш. *ještiňú*, локка часто встречается, какъ название места въ озера, въ Хорватіи и Крайнѣ, отокъ находимъ у словинцевъ и жителей Приморья; рѣкнота — въ словинскомъ.

Въ древнѣйшихъ церковно-словинскихъ текстахъ употребляются прилагательные *небесны*, *земны*, а не *небесны*, *земны*, въ эти образования помощью суффикса — *sk* и до сихъ поръ преобладаютъ у словинцевъ, хорватъ и чеховъ (напр. чешск. *nebeský*, *zemský*).

Аргументація панноністовъ была бы неполна и даже теряла бы въ свое значеніе, если бы они помимо всего вышеуказанного не отвѣтили на одинъ, весьма существенный, вопросъ: какъ могли солнечные братя переводить богослужебныя книги на языкъ словинскаго населения Панноніи для мораванъ, среди которыхъ они провели первые 3 года своей миссіи?

Это существенное препятствіе для паннонской теоріи должна была устранить гипотеза чѣмѣцкаго историка Дюммера, что въ эпоху Кирилла и Меѳодія не только Паннонія, но и противоположный, лѣвый берегъ Дуная былъ занятъ предками словинцевъ, что нынѣшнее населеніе этой мѣстности, чехо-моравское, пришло сюда позже.

Эту гипотезу Миклошичъ стремился поддержать слѣдующими указаніями: въ латинскихъ источникахъ X вѣка встречается имя моравскаго князя *Zuennibaldus*, первая часть которого (словинское *světъ* — скатъ) указываетъ на сохраненіе въ ту эпоху въ языке моравскихъ словянъ иносовыхъ, тогда какъ въ чехо-моравскомъ иносовомъ не находимъ (*svaří* = *světъ*). Отсюда выводъ: въ Моравіи въ X в. жили не чехо-мораване. Второй аргументъ: словаки, живущіе къ востоку отъ мораванъ въ сѣверной Бенгріи, и нынѣ называютъ свою страну *Slovensko*, а свой языкъ — *slovenský*.

Таковы доказательства, приводившіяся панноністами въ пользу своей теоріи. Историческая гипотеза Дюммера, мадьярскія заимствованія слова, да невѣрные ссылки на болгарскій языкъ были главными основаніями панноніской теоріи.

По мѣрѣ того, какъ подвигалось впередъ изученіе болгарскаго языка, теорія эта теряла подъ собой почву, причемъ особия заслуги въ дѣлѣ этого изученія принадлежатъ Облаку, родомъ словинцу, какъ и Копитарь и

Миклошачъ. После появления его исследования о македонскихъ говорахъ (Macedonische Studien 1896 г.) кредитъ паннонской теоріи былъ окончательно подорванъ.

Начать съ того, что историческая гипотеза Дюмилера не имѣть за себѣ ни одного серьезного основанія: если чешскій языкъ въ настоящее время не имѣть носовыхъ гласныхъ, то ихъ не имѣть въ большинствѣ своихъ говоровъ и словинскій; уже въ древнейшемъ памятнике словинскаго языка находимъ: zodni = съдьбы Zе = съ, zueti = скатки и т. п.; и въ древнейшую эпоху — въ IX—X вв. чешскій языкъ въ такой же мѣрѣ могъ знать носовые гласные, въ какой и словинскій. Что касается имени slovensko у словаковъ, то это — фактъ повторенія въ различныхъ уголкахъ словинскаго мѣра общаго имени словянъ, ровно ничего не говорящій; иного пониманія этого факта и быть не можетъ, такъ-какъ языки словаковъ вовсе не обнаруживаютъ близости къ словинскому языку, а представляютъ скорѣе переходъ отъ чехо-моравскаго къ малорусскому и польскому.

Подобно исторической гипотезѣ Дюмилера и всѣ остальные основанія паннонской теоріи оказываются въ настоящее время несостоятельными.

Минимая различія между церковно-словянскими и болгарскими языками, указанными Миклошичемъ, въ действительности не существуютъ: западно-болгарскіе говоры имѣютъ такой же переходъ къ въ о (сон) и ѿ въ е (ден), какъ и церковно-словянскіе памятники; въ восточно-болгарскихъ говорахъ слѣды старого различія между ѿ и ѿ также сохранились: ѿн и ден; между тѣмъ въ словинскомъ всюду ѿ и ѿ совпадаютъ въ одномъ звуке е и а, съ различиемъ по говорамъ: san и dan или же sen и den. Слѣды того, что македонскіе говоры, какъ и некоторые восточно-болгарскіе, имѣли въ древности носовые, сохранились и до сихъ поръ: Обыкъ отмѣчаетъ въ македонскомъ говорѣ Сухо слоговые ѿ, и на иѣстѣ церковно-словянскихъ носовыхъ: ѿп (зѣбъ), ѿѣба (гѣбъ), ѿтѣл'ѣ (грѣбъ), гѣка (рѣка) и т. п.; въ говорахъ, расположенныхъ на єврѣрь отъ Солуна: ѿѣбъ (зѣбъ). Mased. Stud. 19, 21 с.с. Наконецъ, тѣ же македонскіе говоры имѣютъ ѿ и јд на иѣстѣ церковно-словянскихъ ѿ и јд ів. 123, 124, 125 с.с.

Въ то же время ссылки паннонистовъ 1) на церковно-словянскую терминологію латино-немецкаго происхождѣнія, 2) на церковно-словянскія слова-параллели которыми находятся въ словинскомъ, чешскомъ и хорватскомъ, и 3) на мадьярскія слова, заимствованныя изъ словинскаго, съ группами ѿ (ѿ) и јд (ѧ) и слѣдами носовыхъ,—такъ же ничего не доказываютъ.

Церковно-словянскій языкъ — есть языкъ литературный и потому въ извѣстномъ смыслѣ искусственный; никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что нашъ русскій литературный языкъ въ своей основе есть нарѣчіе великорусское, а не малорусское и не бѣлорусское; однако въ немъ можно найти и слова малорусского происхождѣнія, можно найти и слова латинскія, французскія, немецкія. Наличность въ церковно-словинскомъ языке западной церковной терминологіи вполнѣ понятна: солунскіе братия, прибывть въ Моравію, нашли здѣсь населеніе, уже привыкшее къ извѣстной церковной терминологіи, къ словамъ омтаръ, оцикъ, попъ и т. п.; эта терминология, естественно, вошла и въ первокный словянскій языкъ, словянскій переводъ Писания, законченный въ Моравіи. Точно такъ же понятно пропикновеніе въ этотъ языкъ отдѣльныхъ выражений западно-словянскаго характера; народная основа церковно-словянскаго языка, особенно звуковая, тѣмъ не менѣе остается болгарской.

Къ этому можно присоединить еще одно замѣчаніе: въ иѣкоторыхъ случаѣхъ слова, принимаемыя за исключительно свойственныя словинскому, хорватскому или чешскому языку, могли быть извѣстны и болгарскимъ говорамъ: такъ, слово СОКАЧИ (поварь), которое раньше считали „паннонизмомъ“, встрѣчается въ юго-западныхъ болгарскихъ говорахъ, ср. Цоневъ, Сборникъ Н. У. XVIII, 359 с.

Мадьярскія слова, заимствованныя изъ словянскаго, со слѣдами носовыхъ и сочетаніями Št, Žd, конечно — фактъ безспорный; но чѣмъ можно доказать, что слова эти заимствованы мадьярами именно изъ словинскаго? и если словинскому языку были свойственны въ древности сочетанія Št, Žd изъ прасловянскихъ tj, dj, то какъ объяснить ихъ измѣненіе въ современные словинскіе Č и j? Историческіе источники передаютъ, что передъ самимъ прішествіемъ мадьяръ территоріей между Дунаемъ и Тиссой владѣли болгаре; очевидно мадьяре заимствовали слова съ Št, Žd еще раньше прибытія своего въ Паннонію именно отъ болгаръ: ядро мадьярскаго народа первоначально находилось именно между Дунаемъ и Тиссой; соприкосновеніе мадьяръ съ болгарскими словинцами предъ приходомъ въ Паннонію не подлежитъ, такъ какъ образомъ, ни жадѣйшему сомнѣнію. Ср. Ягичъ, Zur Entstehungsgeschichte, 35 с.

Нелишне отмѣтить, что при обычномъ Št въ мадьярскихъ заимствованныхъ словахъ, въ которыхъ отразилось прасловянское сочетаніе tj, есть случаи, когда вместо Št имѣется Č (ч): lencse = ц.-сл. Аѣшта (чечвица), szerencse = ц.-сл. сирашта. Такую двойственность въ передачѣ словянскаго tj:Št и Č иѣкоторые исследователи были склонны понимать въ томъ смыслѣ, что заимствованія съ Št на мѣстѣ прасловянскаго tj — получены мадьярскими языками отъ словянъ болгарскихъ, заимствованія же съ Č — позже отъ словинцевъ Панноніи: Ягичъ, Облакъ, Вондрачъ. Однако эта точка зѣнія на мадьярское lencse, szerencse, подвергнутая подробному критическому разсмотрѣнію мадьярскими славистами Ашботомъ, должна быть отвергнута: какъ объясняетъ Ашботъ, эти слова съ Č — результатъ простого звукового измѣненія на мадьярской почвѣ: сирашта дало szerensle т. е. serenšte и затѣмъ въ силу перестановки согласныхъ szerentse т. е. serentše или по современному правописанію szerencse (cs=č); такъ же lenste дало lentše (или lencse).

Прчину звукоизмѣненія Ашботъ видѣтъ въ положеніи Št послѣ согласного: „st (т. е. Št, Žt) послѣ согласныхъ и въ началѣ слова было трудно произносимо для органовъ венгерского языка“⁴. Изв. VII т. (1902) 4 кн. 249 въ сх.

Нами разсмотрѣны все болѣе или менѣе существенныя указанія теоріи паннонизма. Въ результате всего, что выше сказано по вопросу о народности церковно-словянскаго языка, можно твердо установить положеніе о его болгаро-македонскомъ происхожденіи.

Въ послѣднее время сдѣлано еще одно указаніе, подтверждающее болгаро-македонскую теорію, — Фасмеромъ: иѣкоторые церковно-словянскія слова греческаго происхожденія являются въ памятникахъ въ такой формѣ, которая свидѣтельствуетъ не о книжномъ ихъ проникновеніи въ церковно-словянскій языкъ, а о непосредственномъ переходѣ изъ устъ народа; такъ ц.-сл. сѣбата съ носовымъ соответствуетъ не греческому литературному σιβάτον (лат. sabbata, птм. Sabbat, ср. польск. sobota), а народному σιβάτον греческихъ говоровъ и современному македонскому сѣбата; ц.-сл. κρѣбато соответствуетъ не ли-

тературному *χρήστος*, а народному греческому *χρέωστα* (ср. серб. крёвет, по русски кровать); ц.-сл. *нараскеня*, *лектина*, *лекити* соответствует не литературному *παρασκευή*, *λειτίτης*, а народнымъ греческимъ *παρασκευή*, *λευτίτης*, ср. Изв. XI (1906), 2 кн. 388 с.

Ср. по вопросу о народности древне-церковно-словянского языка Jagic' *Zur Entstehungsgeschichte...* и обширный рефератъ объ этой книгѣ Лаврова Изв. 1901 г. № 1, 242—324 с.с.

V. Итакъ, древне-церковно-словянскій языкъ есть литературный языкъ, въ основѣ которого лежитъ живое народное нарѣчіе македонскихъ словянъ второй половины IX столѣтія.

Его значеніе въ наукѣ словянского языкознанія опредѣляется его давностью: ни одинъ изъ словянскихъ языковъ, ни одно изъ словянскихъ нарѣчій не было фиксировано письменностью столь рано; такъ, черты русского народного языка отражаются письменностью впервые со 2-й половины XI вѣка, притомъ отражаются рѣбко—въ памятникахъ, представляющихъ копію съ церковно-словянскихъ текстовъ; сербскихъ памятниковъ—нѣть древнѣ XII вѣка, чешскихъ—нѣть древнѣ XIII, польскихъ—древнѣ XIV ст. Очень важно знать, какой видъ имѣла система звуковъ и формъ хотя бы одного словянского нарѣчія въ эпохѣ, болѣе раннюю: по аналогіи можно судить и о болѣе древней стадіи въ развитіи русского и другихъ словянскихъ языковъ; легче составить себѣ приблизительное представление и о системѣ звуковъ и формъ прасловянского языка, имѣя подъ руками факты, относящіеся къ эпохѣ IX—X вѣковъ, чѣмъ по материаламъ XI, XII и послѣдующихъ вѣковъ. Должно оговориться: кирилломеѳодіевскихъ оригиналовъ мы не имѣемъ,—они не дошли до насъ; древнѣшіе памятники церковно-словянского языка, которые имѣются,—XI вѣка, самое раннєе конца X вѣка; тѣмъ не менѣе и эти памятники, какъ копіи съ болѣе раннихъ церковно-словянскихъ оригиналовъ, сохранили въ себѣ черты болѣе раннаго времени и позволяютъ, хотя бы отчасти, строить предположенія относительно говора, легшаго въ основу литературной работы болунскихъ братьевъ.

VI. Древнѣшіе памятники церковно-словянской письменности, дoshedshie до насъ и являющіеся источниками для построенія грамматики древне-церковно-словянскаго языка, представляютъ оригиналъ явленіе въ томъ отношеніи, что они писаны не одной, а двумя азбуками.

Одна изъ нихъ, такъ называемая кириллица, состоитъ изъ буквъ лежащихъ въ основѣ современного русского, сербского и болгарского шрифтовъ; другая, такъ называемая глаголица (терминъ довольно поздняго происхожденія), представляетъ иными, болѣе вычурными и на первый взглядъ неясными по своему происхожденію начертанія.

Знаки той и другой азбуки находятся въ слѣдующемъ другъ къ другу соотвѣтствіи:

Глаголица: Кириллица: Глаголица: Кириллица: Глаголица: Кириллица:

Ѡ	а	Ѡ	и	ѿ	ч
Ѡ	б	Ѽ	и	ѿ	ш
Ѹ	в	Ӭ	о	Ѹ	х
Ѽ	г	Ѿ	п	Ѹ	ь
ѿ	А	ѿ	ѹ	ѿ	zi
Ӭ	е, ю	Ҩ	ւ	ߡ	ѣ, ѧ
Ҩ	ж	Ҩ	ւ	Ր	յ
߮	ս	߮	տ	߮	ա
߮	զ	߮	օւ	߮	լ
߮, ߮	ւ, ի	߮	Փ	߮	ն
߮	ի	߮	Ա	߮	մ
߮		߮	Խ	߮	ն
߮	ւ	߮	ւ	߮	դ
߮	ա	߮	ւ	߮	ր
		߮	ւ	߮	ւ

Какъ видимъ, оба алфавита не совпадаютъ другъ съ другомъ вполнѣ: въ кириллицѣ есть особый знакъ для е нейотованного и особый--для և нйотованного: ӗ и є; въ глаголицѣ тому и другому знаку соотвѣтствуетъ одно Ӭ; кирилловскимъ двумъ знакамъ, обозначающимъ различные по происхожденію звуки,—ѣ и և,—соотвѣтствуетъ въ глаголицѣ одинъ знакъ—ա; кирилловскимъ двумъ знакамъ для одного звука, и и ի,—въ глаголицѣ соотвѣтствуетъ 3 варианта: ߮, ߮, ߮; въ глаголицѣ есть особый знакъ ߮, который обозначаетъ звукъ, соотвѣтствующій въ за-

имствованныхъ словахъ греческому мягкому г (напр. греч. *ἄγγελος*— слов. ангел).

При наличии этихъ различий замѣчаются однако и сходныя черты между той и другой азбукой: звукъ у (латинская буква—о) и въ глаголицѣ, какъ въ кириллицѣ, передается знакомъ, который, повидимому, представляетъ двойное начертаніе: первая часть этого начертанія, несомнѣнно,— Э, т. е. О; знакъ для глухого шипящаго ж—въ обѣихъ азбукахъ одинъ—ш; знаки цг: въ кириллицѣ и соответствующій Ч въ глаголицѣ очень сходны и даже тождественны по композиції: кирилловское ц предстаиваетъ слитное Ш; глаголическое—слитное Ш, съ упрощеніемъ нижней части; глаголическое ж представляетъ двойное начертаніе, состоящее изъ тѣхъ же частей, что и кирилловское (ж и и или ю).

Точно такъ-же можно указать на иѣкоторыя сходныя черты между глаголическимъ и кирилловскимъ письмомъ въ отношеніи надстрочныхъ знаковъ, напр. титль, т. е. знаковъ, обозначающихъ сокращеніе слова и имѣющихъ форму Т Т Т Т.

Отмѣченныя черты сходства между двумя славянскими алфавитами указывають на несомнѣнную историческую связь между ними, и вопросъ можетъ сводиться лишь къ тому, какого именно характера эта связь.

VII. Вопросъ объ условіяхъ появленія въ церковно-славянской письменности двухъ азбукъ, объ ихъ сравнительной древности и ихъ составителяхъ, равно—какъ и вопросъ объ источникахъ той изъ нихъ, которая называется глаголицей, долгое время былъ столь же крупнымъ и въ то-же время спорнымъ вопросомъ словянской филологии,—сколько вопросъ о народности церковно-славянского языка. Въ настоящее время вопросъ этотъ рѣшается въ наукѣ въ томъ смыслѣ, что тѣль-называемая глаголическая азбука древнѣе по своему происхожденію, чѣмъ кириллица, и что въ основѣ ея лежатъ знаки старой греческой скорописи. Какъ болѣе древняя, азбука эта имѣть болѣе правъ считаться первоначальнымъ орудіемъ кирилло-мѣѳодиевской письменности.

Большая древность глаголического письма явствуетъ уже изъ того, что ея система обозначенія звуковъ древне-церковно-славянского языка менѣе точна, менѣе совершенна, чѣмъ система кириллицы; въ ней нѣть еще особыхъ знаковъ для йотованныхъ гласныхъ је (кирилловское є) и ја (кирилловское я); первый обозначается нейотованнымъ є, второй—знакомъ А=ѣ.

Вполнѣ правдоподобно предположеніе Ягича, что первоначальная глаголическая графика, въ параллель одному Э = є и је, имѣла опять знакъ для ясового е: ЭЄ, все равно, было ли то ж или ја; ср. «Мария-

189

ское Четвероевангелие» 437 с. Знакъ же **Є** въ роли ѿ, т. е. е носового нейотованнаго явился позже; сперва онъ былъ лишь обозначеніемъ носового характера гласнаго; **Ѡ** обозначало носовое о, а **Ѡ** — носовое е.

Далѣе, неоспоримымъ является тотъ фактъ, что древнѣйшіе по лѣзыку памятники древне-церковно-словянской письменности — суть памятники глаголические: языкъ Киевскаго Миссалы, языкъ Зографскаго Евангелія, несомнѣнно, древнѣ языкка Савиной книги или Супрасльской рукописи (ср. ниже).

Въ недавнее время открыта надпись кирилловская 993 года (см. ниже), но эта надпись не опровергаетъ только-что установленнаго положенія, имѣющаго притомъ отношеніе къ памятникамъ словянской літургической письменности. Если бы мы уравняли по палеографическимъ даннымъ старѣйшіе кирилловскіе памятники літургического характера съ надписью 993 года по древности, то Киевскій Миссалъ и Зографское Евангеліе, памятники глаголические,—мы должны были бы по даннымъ языковымъ отодвинуть еще глубже въ древность на иѣсколько десятковъ лѣтъ. Впрочемъ, въ этомъ нетъ надобности: возможно, что кирилловское письмо впервые входило въ житейской обиходъ, тогда какъ въ церковной письменности еще господствовала глаголица; поэтому столь ранній памятникъ кирилловскаго письма, какъ надпись 993 года, никакъ не подрываетъ положенія о большей древности глаголического алфавита.

Съ другой стороны, для настоящаго времени не можетъ быть сомнѣній въ томъ, что основа глаголической азбуки — греческая, т. е. въ этомъ отношеніи глаголица подтверждаетъ тотъ же историко-культурный принципъ, чтд и такъ-называемая кирилица: алфавиты заимствуются известнымъ народомъ у другого, и именно у того, подъ общимъ культурнымъ вліяніемъ котораго онъ находится.

Мысль о греческой основе глаголицы очень стара: еще въ 1777 г. одинъ изъ пионеровъ славистики, Дурихъ, старался вывести фигуру глаголического и изъ греческаго *v.*

Въ 1788 г. Лингартъ далъ первую таблицу, въ которой глаголица сопоставлялась съ греческимъ алфавитомъ.

Примѣчание. Дурихъ въ соч. «De slavo-bohemica sacri codicis versione». Лингартъ въ соч. «Versuch einer Geschichte von Krain», 347—357: указывая на сходство южныхъ словянъ съ болѣе культурными греками, Лингартъ приписываетъ имъ заимствованіе греческаго алфавита, съ некоторыми измѣненіями въ характерѣ буквъ («auf Hieroglyphen gewohnt, verzierten sie das Einfache der griechischen Züge auf eine geschmacklose Art, dass es schwer wurde, das Original an den sonderbaren Figuren zu erkennen»); Лингартъ сопоставляетъ

Греческие курсивные и минускульные буквы VIII-IX-X стол.	Сигалитеские буквы древнейших памятников X-XI стол.	Греческие курсивные и минускульные буквы VIII-IX-X стол.	Сигалитеские буквы древнейших памятников X-XI стол.	Сигалитеские буквы древнейших памятников X-XI стол.
α α α α α α α α α α	† † † † † † †	γ γ γ γ γ γ γ γ γ γ	λ λ λ λ λ λ λ λ λ λ	τ τ τ τ τ τ τ τ τ τ
μ μ μ μ μ μ μ μ μ μ	μ μ μ μ μ μ μ μ μ μ	κ κ κ κ κ κ κ κ κ κ	η η η η η η η η η η	ε ε ε ε ε ε ε ε ε ε
ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ	ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ	ι ι ι ι ι ι ι ι ι ι	θ θ θ θ θ θ θ θ θ θ	α α α α α α α α α α
γ γ γ γ γ γ γ γ γ γ	γ γ γ γ γ γ γ γ γ γ	μ μ μ μ μ μ μ μ μ μ	σ σ σ σ σ σ σ σ σ σ	υ υ υ υ υ υ υ υ υ υ
δ δ δ δ δ δ δ δ δ δ	δ δ δ δ δ δ δ δ δ δ	ν ν ν ν ν ν ν ν ν ν	φ φ φ φ φ φ φ φ φ φ	ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ
ε ε ε ε ε ε ε ε ε ε	ε ε ε ε ε ε ε ε ε ε	π π π π π π π π π π	ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ	π π π π π π π π π π
τ τ τ τ τ τ τ τ τ τ	τ τ τ τ τ τ τ τ τ τ	ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ ρ	β β β β β β β β β β	τ τ τ τ τ τ τ τ τ τ
θ θ θ θ θ θ θ θ θ θ	θ θ θ θ θ θ θ θ θ θ	α α α α α α α α α α	η η η η η η η η η η	θ θ θ θ θ θ θ θ θ θ
χ χ χ χ χ χ χ χ χ χ	χ χ χ χ χ χ χ χ χ χ	τ τ τ τ τ τ τ τ τ τ	σ σ σ σ σ σ σ σ σ σ	χ χ χ χ χ χ χ χ χ χ
ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ	ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ	μ μ μ μ μ μ μ μ μ μ	φ φ φ φ φ φ φ φ φ φ	ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ
φ φ φ φ φ φ φ φ φ φ	φ φ φ φ φ φ φ φ φ φ	χ χ χ χ χ χ χ χ χ χ	η η η η η η η η η η	φ φ φ φ φ φ φ φ φ φ
χ χ χ χ χ χ χ χ χ χ	χ χ χ χ χ χ χ χ χ χ	ω ω ω ω ω ω ω ω ω ω	θ θ θ θ θ θ θ θ θ θ	χ χ χ χ χ χ χ χ χ χ
ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ	ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ	ω ω ω ω ω ω ω ω ω ω	η η η η η η η η η η	ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ ψ
η η η η η η η η η η	η η η η η η η η η η	ι ι ι ι ι ι ι ι ι ι	η η η η η η η η η η	η η η η η η η η η η
ι ι ι ι ι ι ι ι ι ι	ι ι ι ι ι ι ι ι ι ι	η η η η η η η η η η	η η η η η η η η η η	ι ι ι ι ι ι ι ι ι ι
η η η η η η η η η η	η η η η η η η η η η	η η η η η η η η η η	η η η η η η η η η η	η η η η η η η η η η

пенеца на Модестин тааке къ хоупатам, и въ хима оира унинечеа
трагонина, а то кингтина. Лепкорно-корнечеа инкакеноччя браа не-
въ силе огасчата въ Абренфилъе ахъ оглажонччя инкакеноччя браа не-
хартияччя. Депройничеи, гифжаретеи, отъ гинтаретччя, то
корнакини огасчами, въ хотопакъ депронакътии оира упидопади
каргинеекъ огасчъ, отъ бо касомнъ гайзъ огасчами въ сасен-
тоинеи; Депротиста телота корнакин огасчъ ии заатомъ, пинко-
шаматини депрона-корнечеа азтия, фибредицъ Миссатъ, — гифжуну
рею огахохимъя въ Мисъ, можио инкоеиницъ и хима, Депропади
согре упектю и юююю «инпинчи». Къ аломъ сооджакенчи, деприте
гиче огасчъ и юююю «инпинчи». Азтия огасчъ инкакеноччя азфарнта
стремно оио бирнечеа парыппандо и Тынчаро трагонинеекъ азфарнта
гито праао сълак-хинчарено мунгинччя. Гаодопотъ, ингрие ере-
моктъ, то кагао корнакин мунгинччя, ногемене лохетанччя,
птио ои ненодио монегие трагонине огасчъ въ боладин, ехъ ипфено-

<http://www.hochtarifny.com/party>

Kartə addyka sorte işperənə, təmə küngrünlə, nə takı-ke, kənər nə möcithənə, təpəcəkənə nəfəxoxekənə, rəzəfənə, etçətənə, mökəttə

Conocerá mejor la geología y la historia natural de su país, en la impresionante geografía, que uno tiene y dirá, en la impresionante geografía.

Die spätere Konkurrenz der *Yerbabuena* ist nicht mehr nachweisbar.

Hypoxanthine-guanine-phosphoribosyltransferase deficiency (Gurnett et al., 1984; Gurnett & Nichols, 1987). The latter, a rare disease, is characterized by progressive neurological degeneration, mental retardation, and death before the age of 2 years.

Латиница підтримує таємницю таємного підприємства. Іпонексокур'єри використовують її для засування писем та зберігання їх у складі. Але вони не можуть зберігати їх у складі більше, ніж на певний період часу.

Hypuanarie, Taylor, über den Ursprung des gallo-italischen Alphabets, Arch. V., 191 c.

именно глаголическая письменность, а не кирилловская, какъ свидѣтельствуютъ ихъ богослужебныя книги, напечатанныя глаголическимъ шрифтомъ и употребляющія и до сихъ поръ.

Прижъданіе. Вопросъ о словянскихъ азбукахъ, подобно вопросу о народности церковно-словянского языка, ведеть свое начало отъ первыхъ дней существованія славистики. Основатель ея, Добровскій, считалъ глаголицу очень позднимъ явленіемъ,—приблизительно XIV вѣка,—и относилъ возникновеніе ея къ Хорватіи: кирилловское письмо, какъ носившее ясный отпечатокъ Византіи, подвергалось гонениямъ со стороны Рима; стремясь сохранить богослужебныя книги на родномъ языкѣ, хорваты придумали глаголицу. Такой взглядъ на глаголицу господствовалъ до 1836 года и впослѣдствіе соответствовалъ тогдашнимъ научнымъ даннымъ: глаголическая рукописи древнѣ XIV вѣка и нехорватскія не были извѣстны. Ралинѣ защитникамъ глаголицы, т. е. ея древности, какъ Добнеру, приходилось оперировать въ своей аргументации апріорными соображеніями о грубости глаголическихъ начертаній, объ ихъ оригинальности, которая болѣе соответствуетъ древнимъ свидѣтельствамъ о *новыхъ письменахъ*, изобрѣтенныхъ Константиномъ.

Въ 1836 году впервые дана была реальная основа для мысли о высокой древности глаголицы открытиемъ и изданиемъ глаголической рукописи, извѣстной подъ именемъ *Glagolita Clozianus* (ср. ниже, въ главѣ объ источникахъ церк.-слов. грамматики).

Этотъ памятникъ, представлявший глаголическое письмо болѣе округлой формы, пожеля хорватское, своимъ языкомъ не оставлять сомнѣній въ извѣстности глаголицы *богараша*, и притомъ въ очень древнюю эпоху. На основаніи показаний этого памятника издатель его, Конитарь, выставилъ гипотезу болѣе древности глаголицы сравнительно съ «кириллицей», считая первую изобрѣтеніемъ Константина (Кирилла). Конечно, выводъ этотъ въ 1836 году не покрывался фактами. Но посѣдующія научные открытия все болѣе и болѣе утверждали мысль Конитара. Въ 40-хъ годахъ русской слависты, В. И. Григоровичъ, вывелъ изъ своего путешествія на Аеонъ и Балканскій полуостровъ цѣлый рядъ данныхъ по глаголическому вопросу; имъ были открыты: глаголическое четвероевангеліе Зографское, глаголическое евангеліе Маринское, греческое житіе св. Климента, въ которомъ сообщалось, что св. Климентъ изобрѣлъ новую, «богѣ ясную» азбуку; кирилловский памятникъ XIII вѣка (по Григоровичу XII)—такъ называемый Боянскій палимпсестъ, въ которомъ нѣкоторыя страницы писаны кириллицей, по словамъ Григоровича, поверхъ стертаго глаголического письма, и кирилловскій (Охридскій) апостоль XII вѣка, въ которомъ отдельныя строки и отрывки писаны глаголицей.

Эти открытия подготовили новую точку зренія на вопросъ о взаимномъ отношеніи глаголицы и кириллицы.

Въ 1855 году были открыты Пражскіе глаголические отрывки, съ чешскими чертами въ языке, и этотъ памятникъ, древность которого первоначально пересомнѣли, заставилъ Шафарика, когда-то привлекавшаго къ Добровскому во взглядѣ на глаголицу (Славянскія Древности 1826 г.) пересмотрѣть вопросъ. Результатомъ этого пересмотра были двѣ статьи Шафарика 1858 года—«Ueber d. Ursprung und die Heimath des Glagolitismus», въ которыхъ знаменитый славистъ выставилъ 3 положенія: 1) глаголица древнѣ кириллицы; 2) она есть

изобрѣтеніе Константина; 3) такъ называемая кириллица есть изобрѣтеніе Клиmentа, ученика Первого учителя. Первое положеніе основывалось на болѣйшей древности языка (формъ, лексики «паконского» характера) глаголическихъ памятниковъ сравнительно съ кирилловскими, а также на существованіи глаголическихъ палимпсестовъ (Боянское Еван.), доказывающихъ, что кириллица уже отжила свое, когда входила въ употребленіе кириллица. Изъ болѣйшей древности глаголицы сравнительно съ кириллицей Шафарикъ дѣлалъ заключеніе обѣя приналежности Клиmentу, указывая также на то, что древнѣйшіе остатки словянскаго письма у європ.-западныхъ славянъ, въ средѣ которыхъ работали свв. братья,—именно глаголические: пражскіе отрывки. Указывалъ онъ и на неестественность замѣны ясной и простой кириллицы вычурной глаголицей. Конечно, изъ этихъ 3 положеній Шафарикъ наиболѣе слабымъ было 3-е: оно основано было на показаніи довольно позднаго греческаго житія Клиmentа обѣя изобрѣтеніи имъ «болѣе ясныхъ письменъ».

Но и первыя два положенія Шафарика встрѣчали затрудненія. Первое изъ нихъ заключалось въ ссылкѣ на имя кириллицы: это имя какъ будто бы опредѣляетъ ея происхожденіе. Это затрудненіе Шафарикъ устранилъ указаниемъ на возможность смѣненія потомствомъ названій обѣихъ словянскихъ азбукъ: Шафарику удалось даже найти фактическое подтвержденіе такому допущенію: до нась дошелъ поздній списокъ Пророковъ, представляющій копію текста, написанного въ Новгородѣ въ 1047 году; писецъ дошедшаго до нась списка точно копируетъ запись своего оригинала 1047 г., въ которой писецъ попъ Упырь Лихой отмѣтъ, что писалъ «КНИГЫ ГИА ИС-КОУРИЛОВИЦЪ». Видѣтъ съ тѣмъ и въ дошедшемъ до нась спискѣ встрѣчаются еще глаголические слова и буквы, каковое обстоятельство и приводить къ мысли, что подъ «куриловицей» въ XI вѣкѣ разумѣлась именно глаголица; особая отмѣтка «ис-коуриловицъ» врядъ ли имѣла бы даже смыслъ, если бы писецъ переписывалъ съ оригинала кирилловскаго: кирилловскіе оригиналы были обычны.

Второе затрудненіе, которое встрѣчало положеніе Шафарика о связи глаголицы съ дѣятельностью солунскихъ братьевъ, было болѣе существеннымъ: оно заключалось въ свидѣтельствѣ черноризца Храбра, жившаго въ X вѣкѣ, о томъ, что св. Кириллъ изобрѣтъ тринадцати и осмынъ письмена ова оубо по чиноу грѣческихъ письменъ ова же по глаголицѣ рѣчи. Слова—оубо по чиноу грѣческихъ письменъ вполнѣ подходятъ, по мнѣнію сторонниковъ кириллицы,—къ этой послѣдней, но не подходятъ къ глаголицѣ. Это затрудненіе Шафарикъ устранилъ извѣстнымъ толкованіемъ словъ по чиноу грѣческихъ письменъ, которымъ онъ придавалъ смыслъ: «по сходству словянскихъ звуковъ съ греческими». Но если бы съ этимъ пониманіемъ словъ Храбра и не соглашались, если бы слова эти дѣятельно содержали въ себѣ указаніе на греческий источникъ словянской азбуки, то они потеряли свое значеніе возраженія послѣ появленія теоріи Тейлора, устанавливавшей для глаголицы ту же греческую основу, что и для кириллицы. Теорія эта не можетъ не считаться единственно основательной при объясненіи происхожденія глаголицы, такъ-какъ она базируетъ на единственно вѣрномъ принципѣ научной палеографіи: алфавиты, обыкновенно, не изобрѣтаются, а вырабатываются народными употребленіемъ и представляются, обычно, культурное заимствованіе со стороны одного народа у другого. Упомянутый выше болгарскій писатель X в., Храбръ,

сообщаетъ, что до выступленія Константина (Кирилла) въ качествѣ просвѣтителя словянъ, эти послѣдніе перебивались греческими и латинскими буквами: прежде сѹвшіе глаголікіе не имѣахъ книгъ. ижъ чрѣзъли и рѣзами чѣтѣхъ и гатаахъ погани сѣюще. крѣстивши же тѣ, римскими и греческими письмены налождахъ тѣ глаголікіи рѣчи безъ оустроенія. Это сообщеніе въ высшей степени правдоподобно; тѣ словане, которые находились въ сфере влиянія Византіи, пользовались для своихъ житейскихъ нуждъ знаками греческой скорописи. Конечно, употребленіе этихъ знаковъ не было систематическимъ и устойчивымъ. Роль Константина состояла отнюдь не въ изобрѣтеніи нового алфавита, а въ приспособленіи уже употреблявшагося у слованъ греческого курсивнаго письма къ нуждамъ церковной письменности. Ему принадлежала при этомъ заслуга установления опредѣленныхъ пріемовъ обозначенія специфически-словянскихъ звуковъ, введеніе устойчивости тамъ, где до него были колебанія. Весьмаѣдѣроятно, что стиль скорописныхъ знаковъ, употреблявшихся въ общежитіи у слованъ, былъ при этомъ видоизмѣненъ сообразно новымъ задачамъ: они стали болѣе торжественнымъ и въ то же время вычурнымъ; некоторые знаки, какъ А, Г (см. таблицу Ягича) получили измѣненіе, опредѣляемое требованіями симметріи.

Если принять во вниманіе это обстоятельство, съ одной стороны, а съ другой—то, что между начальнымъ моментомъ глаголической письменности и древнѣйшими, дошедшими до насъ, образцами глаголицы прошло приблизительно около полутора столѣтія, то врядъ ли сопоставленіе глаголическихъ знаковъ, какъ они дошли до насъ въ рукописяхъ конца X—начала XI вѣка, съ греческими курсивными буквами VIII—IX вѣковъ, можетъ бытъ признано неудачнымъ.

Что касается теоріи участія въ глаголицѣ восточныхъ элементовъ, которую встрѣчаемъ еще у Шафарика (1858 г.), то врядъ ли она въ общемъ даетъ болѣе счастливые результаты, чѣмъ теорія Тейлора-Ягича даже въ объясненіи глаголическихъ знаковъ, обозначающихъ специальны словянскіе звуки. По этому вопросу ср. Вс. Миллера «Къ вопросу о славянской азбукѣ» Ж. М. Н. Пр. 1884 г. (теорія сассанидскаго происхожденія дополнительныхъ знаковъ глаголицы); Abicht «Ist die Aehnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall?» Leipzig 1895 (теорія грузинскаго происхожденія глаголицы); Vondrák «Zur Frage nach der Herkunft des glagolitischen Alphabets» Arch. XVIII, XIX (1896—1897); Грунскій «Памятники и вопросы древне-славянской письменности», 1904 г., вып. II; Кульбакинъ—въ разборѣ книги Грунскаго «Памятники и вопросы...» Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 3.

Рядомъ съ попытками объяснить глаголические знаки изъ сассанидскихъ, грузинскихъ, еврейскихъ, коптскихъ и т. д. была также предложена теорія албанскаго происхожденія глаголицы: Geitler «Die Albanesischen und slavischen Schriften» 1883, не давшая подожительныхъ результатовъ. Теорія греческаго происхожденія глаголицы была поддерживаема также Бѣляевымъ: «Исторія алфавита и новое мнѣніе о глаголице» 1886 г. По вопросу о тоиѣ, какъ понимать слова Храбра по чину греческихъ письменъ, и къ какой изъ словянскихъ азбукъ свидѣтельство Храбра относится,—ср. Ягича «Разсужденія южно-словянской и русской старинѣ о церковно-словянскомъ языке» гл. II; Вилинского «Сказаніе Черноризца Храбра о письменахъ славянскихъ» 1901 г. (Одесса); Лаврова въ Изв. 1901 г., 1 кн., стр. 287—289; Погорѣлова въ Изв. 1901 г.,

4, с. 340; Абихта *Das Alphabet Chrabes* въ Arch. XXXI. Доказать, что Храбръ могъ имѣть въ виду только кириллицу, во всякомъ случаѣ не удалось, скорѣе опь имѣть въ виду именно глаголицу; слова по чиноу гръцкыыхъ письменъ, намъ кажется, означаютъ, что Константина, устроивъ славянскую азбуку, устанавливая извѣстные знаки для обозначенія славянскихъ звуковъ, руководился тѣми отношеніями, какія существовали между греческими звуками и буквами греческаго алфавита. Появится—заглянуть въ этотъ процессъ устроенія глаголической азбуки Константина—далъ Лескинъ въ статьѣ *Zur glagolitischen Schrift* въ Arch. XXVII, 161 и сл.

VIII. Источниками для древне-церковно-словянской грамматики являются слѣдующіе дошедшіе до настъ дреинѣшіе памятники.

А. Глаголические:

1. Кіевскій Миссаль,—отрывокъ обѣдни по римскому обряду (7 пергаменныхъ листовъ), найденный въ 1874 году Срезневскимъ въ библіотекѣ Кіевской Духовной Академіи, куда памятникъ попалъ изъ Іерусалима (пожертвованіе архимандрита Аятона). Изданъ несколько разъ, послѣдній разъ—неправно—Ягичемъ: *Glagolitica. Würdigung neu-entdeckter Fragmente*, Wien, 1900. (*Denkschriften der k. Ak. d. Wiss. phil.-hist. Kl. B.* XXXVIII); къ отдельнымъ оттискамъ этого изданія приложены фототипическіе снимки со всего памятника. Вопросъ о происхожденіи Кіевскихъ отрывковъ, спорный въ наукѣ,—имѣеть свою литературу, которая указана въ послѣднихъ работахъ, посвященныхъ этому загадочному памятнику древней церковно-словянской письменности: Грунскій «Памятники и вопросы древне-словянской письменности», т. I, 1904; Vondrák O růvodi Kijevských listů, 1904; ср. также Кульбакинъ, разборъ работы Грунского въ Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 3 и работы Вондраха въ Изв. X (1905) № 4, 320 и сл.

И по чертамъ палеографическимъ, и по чертамъ языка, памятникъ этотъ можетъ быть поставленъ во главѣ всѣхъ церковно-словянскихъ текстовъ, написанныхъ глаголицей.

Примѣчаніе. Въ палеографическомъ отношеніи Кіевскій Миссаль привлекаетъ тѣмъ, что въ немъ мы находимъ древнѣшіе типы нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ, параллели которымъ можно встрѣтить въ большинствѣ случаевъ только въ древнѣшемъ изъ остальныхъ глаголическихъ памятникахъ,—Зографскомъ Евангелии; остальные глаголические тексты даютъ уже болѣе новыя формы: таковы формы *л* (Л), *м* (М); *ш*, *т*, *ю*,—всѣ три буквы отличаются вплотную менышиимъ размѣромъ, чѣмъ остальная буквы; буквы *з*, *ь* являются въ болѣе старой форме, представляющей модификацію звѣчка *о*—*ꙗ*, *ꙙ*; буква *ѹ*—еще съ яснымъ раздѣленіемъ частей; изъ знаковъ посоловъ въ К. М. находимъ лишь 3 знака: одинъ съ глаголическимъ *с* въ первой части обозначаетъ и *а*, и *ѧ*, другой съ глаголическимъ *о* въ первой части обозначаетъ *й*, т. е. носовое *о*, третій соответствуетъ кирилловскому *ѿ*.

Характерно при этомъ, что вторая часть, во всѣхъ трехъ знакахъ общая и обозначавшая, очевидно, носовой характеръгласного,—меньше по размѣрамъпервой части; этой черты не находимъ въ болѣе позднѣхъ памятникахъ. Замѣтательна памятникъ и богатыемъ употребленіемъ надстрочныхъ знаковъ, изъ которыхъ многіе, несомнѣнно, обозначали ударенія. Анализъ этихъ знаковъ можно найти въ указанныхъ выше работахъ. Правописаніе памятника замѣтительно въ вышестоящихъ стечкахъ правильнымъ употребленіемъ знаковъ *ж* и *ь*, какого не найдемъ ни въ одномъ изъ остальныхъ, какъ глаголическихъ, такъ и кириллическихъ памятниковъ. Въ то же время на мѣстѣ типичныхъ церковно-словянскихъ *шт*, *жд*, соответствующихъ русскимъ *ч* и *ж*, находимъ въ К. М. ц и з: *даڙь*, *ٿڙء*, *توُڙىم*, *پروگاڙے*, *وبِقَڙنِي* и т. п. Эта-то черта и подала поводъ къ спорамъ о происхождении памятника: одни видятъ въ немъ копію церковно-словянского оригинала, писанную чехомъ; другіе видятъ въ языкѣ памятника известную прѣльность, которую объясняютъ, какъ отраженіе въ памятнике особаго древне-словянскаго говора, имѣвшаго ц и з на мѣстѣ обычныхъ ц-са, шт и жд; эти двѣ основныя точки зрения формулируются отдѣльными учеными съ различными вариаціями; ср. вышеуказанную литературу вопроса.

2. Зографское Ев., принадлежавшее первоначально Зографскому монастырю на Аѳонѣ, а въ 1860 г. поднесенное Имп. Александру II и нынѣ хранящееся въ Имп. Пуб. Библіотекѣ въ Петербургѣ.

Памятникъ изданъ Ягичемъ въ 1879 г.: *Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, MDCCCLXXIX.* Научная разработка Зографского Евангелія не богата: ср. латинское введеніе Ягича къ его изданію и начатое, но не оконченное изслѣдованіе памятника того же Ягича въ Arch. I—II тт.: «*Studien über das altslov. Zographosevangelium*»: изслѣдованіе это выясняетъ одинъ лишь пунктъ въ языке памятника,—судьбу звуковъ *ж* и *ь*. Ср. также Грунскаго «Къ Зографскому евангелію» Сборн. Отд. LXXXIII, № 3.

Примѣчаніе. Зографское Ев., какъ по палеографическимъ, такъ и по языковымъ чертамъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ церковно-словянскимъ памятникамъ. Въ немъ мы находимъ еще старыя формы буквъ *м*, *а*, *ѹ*, буквы *ш* и *ٿ* несколько менѣе другихъ, буква *ڙ* еще сохраняетъ свою старую угловатую форму, несмотря на общій округлый характеръ письма. Въ употребленіи знаковъ *ж* и *ь*—больше правильности, чѣмъ въ иныхъ древне-церковно-словянскихъ памятникахъ (за исключеніемъ, разумѣется, Киевскаго М.): Зогр. Ев. различаетъ еще группы *rh*, *lh* и *rh*, *lh* между согласными, кончи въ русскомъ языке соотвѣтствуютъ сочетанія *ро*, *ло*, *ре*, *ле*, не только въ такихъ слу-чаяхъ, какъ *брѣкъ*, *корѣкъ*, *пахѣтъ*, *корѣтъ*, но и въ такихъ, какъ *දرکولъ*, *کوستитى*, *گلېتاتى*, *پەبەتى*, *کەنەن*, *گەزى*. Въ Маринскомъ Ев. (ср. ниже) мы находимъ уже *کوستىتى*, *کوستىتىك*, *گەزامى* и т. п.

3. Маринское четвероев., вывезенное изъ аѳонскаго монастыря Пресв. Богородицы Григоровичемъ и хранящееся въ Московскому Румянцевскому Музѣю.

Памятникъ изданъ въ 1883 г. Ягичемъ: Памятникъ глаголической письменности. Мариинское четвероевангелие съ примѣчаніями и приложеніями. Петербургъ. Въ приложеніяхъ Ягичъ далъ общую характеристику памятника съ палеографической и языковой стороны и словоуказатель. Ср. также Милетича: Особенности на езика въ Мариинский памятникъ. Периодическо списание XIX—XX (1886), 210—252.

Примѣчаніе. Въ формахъ буквъ этого памятника замѣчаемъ уже нѣкоторыя отступленія отъ старины, какъ она выражается въ Кіевскомъ М. и Зографскомъ Ев.: такъ знаки *и*, *и*—*и* являются уже въ новомъ видѣ *и*, *и*—*и*, въ буквѣ *оу* обѣ части тѣсно примкнули одна къ другой, буквы *ш* и *т* по величинѣ мало чѣмъ отличаются отъ другихъ буквъ. Въ языке памятника встрѣчаются явленія, которыхъ указываются на писца-серба или на болгаро-македонскій говорѣ XI вѣка, раздѣлявшися нѣкоторыя звуковые черты съ состояніемъ сербскимъ языкомъ: *оу* вм. *ку*, и вм. *и*, *оу* вм. *и*.

4. Такъ называемый *Glagolita Clozianus*—отрывокъ изъ сборника наученій, содержащей 12 листовъ; изъ нихъ 10 найдены были известнымъ славистомъ первой половины XIX ст. Копитаромъ въ библіотекѣ графа Клоца,—откуда название памятника,—и изданы имъ же въ 1836 году; отдельные два листа, повидимому, изъ того же памятника были открыты позже и изданы Миклошичемъ въ 1860 г. Нынѣ часть, открытая Копитаромъ, хранится въ Тридентѣ, а вторая въ Инсбрукѣ. Новое изданіе всего памятника Вондрака освобождаетъ отъ необходимости обращаться къ изданіямъ Копитара и Миклошича: *Glagolita Clozav.* 1893 въ Praze. Изданіе Вондрака съ параллельнымъ греческимъ текстомъ и примѣчаніями снабжено также введеніемъ (на чешскомъ языке), въ которомъ дана общая оцѣнка памятника со стороны палеографической и языковой, словоуказателемъ и снимками (фототипія). Ср. также замѣчанія о памятнике Облака въ статьѣ «Zur Würdigung des Altslovenischen» Arch XV, 338 и сл.

Примѣчаніе. Памятникъ нѣкоторыми чертами языка сближается съ Мариинскимъ четвероевангелиемъ: *оу* вм. *и*, и вм. *и* и наоборотъ; на область сербскую или близкую къ сербо-хорватскому языку указываетъ форма *тѣ* асс. рѣ. вм. *ти* (отъ мѣстоименія *ти*; ср. современное сербское *те*, съ обычной въ сербскомъ замѣнѣй посowego съ чистымъ). Въ формахъ буквъ, какъ и въ остальныхъ памятникахъ,ходимъ отступленіе отъ старыхъ типовъ Кіевского М.: новое *и*, новое *и*, новое *ю*, *оу* (вторая часть,—въ Кіевскомъ М. ясное *о*,—здесь существенно измѣнена и отличается отъ первой); *и* и *и* также—въ новой формѣ.

5. Ассеманіево Ев.—рукопись Ватиканской библіотеки, привезенная въ Римъ въ XVIII столѣтіи ученымъ ориенталистомъ Ассемани,—откуда ся название.

Издана дважды: первый разъ глаголическими буквами хорватскимъ ученымъ Рачкимъ (Rački) въ 1865 году съ обширнымъ введеніемъ Ягича

на сербскомъ языке; второй разъ—латинскими буквами Чернчичемъ (Črnčić) въ 1878 г. Больше поздняя черты въ формахъ буквъ и въ языке сравнительно съ такими памятниками, какъ Киевский М. и Зографское Ев., — обычны.

6. Синайская Псалтырь и

7. Синайский Требникъ (или Эвхологій)—находятся въ библиотекѣ монастыря св. Екатерины на Синае. Оба памятника изданы хорватскимъ ученымъ Гейтлеромъ, повидимому, не вполне исправно: *Psalterium, glagolski spomenik manastira Sinai brda, Agram 1883; Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai brda, Agram 1882.*

Оба изданія снабжены небольшимъ введеніемъ; ср. также у Ятича, Четыре критико-географическія статьи, 1884 г., 43—65 с.—о языке Синайской Псалтыри; Roman Jarosiewicz, Ueber das Euchologium Sinaiticum 1888; Ректор Lang, Jazykovědecký rozbor Euchologia Sinajského 1888. Обѣ послѣднія работы малодоступны: первая была напечатана въ отчетѣ реальной гимназіи въ Коломѣѣ, вторая въ Gymn.-Progr. въ Пражи-брамѣ (Příbram).

Примѣчаніе. Синайская Псалтырь и Синайский Требникъ въ своей палеографической сторонѣ обнаруживаютъ признаки еще болѣе позднаго времени, нежели Ассеманиево Ев. или Мар. Ев., Glag. Sloz.: таکъ буква а—въ Син. Требникѣ—съ сильнымъ удлиненіемъ боковыхъ линій, какового не замѣчается лѣ иныхъ памятникахъ XII вѣка, и каковое находится въ глаголическихъ строкахъ Охридскаго апостола конца XII вѣка; въ букви о Синайской Псалтыри нетъ сближенія до соприкосновенія: **Ѡ**,—то-же имѣеть въ глаголическихъ строкахъ Охридскаго апостола; буква оу представляеть новыя измѣненія сравнительно съ Мар. Ев. или Ассем. Ев.: вм. **Ѡ** (Мар. Ев.) въ Син. Псал. находимъ **Ѡ** или **Ѡ**; параллели этимъ формамъ опять таки находимъ лишь въ поздніхъ памятникахъ, какъ Охрид. ап.; изъ трехъ знаковъ для звука і: **Ѝ**, **Ѝ**, **Ѝ** господствуетъ **Ѝ**, что также является поздней чертой: то-же въ Пражскихъ листахъ, въ поздней страницѣ Кіевскаго М., въ Вѣнскихъ листахъ XII вѣка (ср. Кульбакина, Охридская рукопись апостола конца XII вѣка, XIV с. и сл.).

Къ числу глаголическихъ памятниковъ, которые могли бы быть зачислены въ рядъ источниковъ церковно-славянской грамматики лишь съ извѣстными оговорками, относятся Пражские отрывки, открытые въ 1855 году Гёфлеромъ въ библиотекѣ Пражскаго митрополичьяго капитула; отрывки эти изданы были впервые Шафарикомъ и Гёфлеромъ въ 1857 году, причемъ древность ихъ первоначально была сильно переоцѣнена: Шафарикъ увлекшись ихъ крайне-ветхимъ видомъ, отнесъ ихъ къ періоду 850—862 г., и отчасти подъ вліяніемъ этого открытия измѣнилъ свой

прежний взглядъ на сравнительную древность кириллицы и глаголицы въ пользу послѣдней.

Большое внимательное изученіе памятника выяснило полную ошибочность этого взгляда.

Отрывки относятся къ области чехо-словацкаго языка, но въ то-же время нѣкоторыя черты памятника указываютъ на болгарскій оригиналъ рукописи, и притомъ отнюдь не раннаго времени. Ср. новѣйшее изданіе и изслѣдованіе памятника Вондрака: O původu Kijevských listů a pražských zlomků 1904 и Грунскаго: 1) Памятники и вопросы древне-славянской письменности 1904; 2) Пражскіе глаголические отрывки 1905 въ «Памятникахъ старославянскаго языка» т. I, вып. 4.

Примѣчаніе. Ср. также наши рецензіи на работы Грунскаго и Вондрака, выше уже указанныя,—въ Ж. М. Н. Пр. и Изв. Чехо-словацкое происхожденіе памятника отражается въ замѣнѣ носовыхъ ж, а чрезъ оу, м (а), согласныхъ шт и жд чрезъ ц и з, въ западно-славянской группѣ дл и группѣ шч на мѣстѣ ц-сл. шт; на мѣстѣ ц-сл. з, въ находимъ одно з, что указываетъ на принадлежность чешской копіи по крайней мѣрѣ концу XI вѣка, если не началу XII.

Поздніяя черты замѣчаются и въ начертаніи буквъ: г Пражекихъ отрывковъ напоминаетъ г Охридскаго апостола к. XII вѣка (1-й глаголический почеркъ), є имѣть лишь одинъ язычокъ, какъ въ глаголическомъ письмѣ болгарскомъ и хорватскомъ XII вѣка; и преобладаетъ надъ і и і; оу имѣть позднюю форму, какую находимъ въ Синайск. Пс. и въ главномъ почеркѣ Охрид. апостола (хвостикъ, выходящій изъ спинки буквы, является продолженіемъ нижней петли).

По содержанию Пражскіе отрывки представляютъ отрывокъ вечерни по восточному образу.

Что касается Охридскаго отрывка Евангелія, то онъ не можетъ имѣть особаго значенія для церковно-славянской грамматики уже въ виду крайне небольшого объема: 1½ листа, изъ коихъ 1 листъ сохранился цѣлкомъ, а остальное представляетъ листъ, разрѣзанный въ вертикальномъ направленіи. Притомъ и по палеографическимъ чертамъ, и по чертамъ правописанія—это отрывокъ довольно поздняго происхожденія: быть можетъ,—начала XII вѣка, а самое раннѣе конца XI в., ср. изданіе его въ Изв. XI (1906 г.), 4 кн., 157 с. (Грунскаго). Не можетъ имѣть большого значенія, хотя и небезынтересенъ, и Македонскій глаголический листокъ,—по палеографическимъ признакамъ XII вѣка,—отрывокъ изъ поученій Ефрема Сирпна. Ср. изданіе Ильинскаго: «Памятники старославянскаго языка» т. I, вып. 6-й, изд. Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. 1909 г.

Всѣ допедіе до настъ глаголические памятники древне-церковно-славянскаго языка не имѣютъ хронологической даты, и мы можемъ опредѣлять ихъ древность лишь приблизительно, имѣя въ виду сравнитель-

ную древность ихъ языка по отношенію къ кирилловскимъ памятникамъ, для хронологіи которыхъ у насть все же имются кое-какіе опорные пункты.

По всей видимости, Ассеамаево Ев., Маринское Ев., Glag. Cloz. относятся къ XI вѣку, Синайская Пс. и Синайскій Тр. къ концу XI в., Зографское Ев., если не къ концу X вѣка, то къ началу XI, Киевскій Миссалъ—вѣроятно, не моложе конца X вѣка.

В. Кирилловские памятники:

1. Во главѣ ихъ стоитъ недавно открытая Надпись 993 года, важная не въ отношеніи языка, такъ-какъ она предлагаетъ въ этомъ отношеніи слишкомъ незначительный материалъ, а въ отношеніи палеографическому: ея начертанія, какъ датированныя,—исходный пунктъ для палеографа въ опредѣленіи сравнительной древности кирилловскихъ памятниковъ церковно-словянского языка.

Надпись издана въ И. Р. А. И. 1899 г. (IV) вып. 1 съ приложениемъ статей о ней Флоринскаго и Милетича; ср. также статьи Иречка и Ягича въ Arch. XXI, 543 и сл.

Правая сторона могильной плиты отломана, почему въ надписи проблемы. Она гласитъ:

въ имена штъца и сх
йна и старого дбуха а
зъ самонь рабъ бж(ии)
полагай память (отъцъ)
8 и матери и брат(оу и)
а крѣстъхъ си(хъ)
имена оутспаш(ихъ ии)
кона рабъ бжни (рифими)
ѣ дак(и)да написа (же са въ)
льто отъ сътко(ренна миро)
у ѿфа, инхди(кта з)

Въ скобкахъ помѣщены недостающія, по догадкѣ возстановляемыя, части словъ. Въ 8 строкѣ возстановляли (Флоринскій) (мати), но хроника Скилицы даетъ имя матери Самуила-Рипсима;ѣ въ слѣдующей строкѣ можетъ быть,—окончаніе формы рифимиѣ. Ср. Prokić, Die Zusätze in der Handschrift des Iohannes Skylitzes, München 1906, 20 с.

2. Саввина книга евангельскихъ чтеній, хранящаяся въ московской типографской библіотекѣ, написанная попомъ Саввой, судя по языку и палеографическимъ даннымъ,—въ XI вѣкѣ.

Памятникъ изданъ Щепкинымъ: «Саввина книга» 1903, которому принадлежитъ и изслѣдованіе памятника: «Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги» 1899 г.

Примѣчаніе. Ср. Отчетъ о присужденіи премій имени гр. Толстого въ 1900 г., Ж. М. Н. Пр. 1900, № 2, Arch. XXII, 247 с.

Начертанія буквъ Саввиной книги въ общемъ совпадаютъ съ таковыми въ Надписи 993 года, въ виду чего, быть можетъ, не было бы скѣльмъ полагать, что Саввина книга относится къ первой половинѣ XI вѣка, какъ и другой крупный церковно-словянскій памятникъ кирилловскаго письма—Супрасльская рукопись.

3. Супрасльская рукопись получила свое название по Супрасльскому монастырю возлѣ Бѣлостока, Гродненской губерніи, гдѣ она найдена была въ началѣ XIX вѣка профессоромъ Виленскаго университета Бобровскимъ. Въ настоящее время часть рукописи,—118 листовъ,—находится въ Люблянѣ, въ Лицейской библіотекѣ, куда поступила въ 1845 году въ числѣ книгъ и бумагъ Копитара; другая часть,—151 л.,—находится въ Варшавѣ, въ библіотекѣ графовъ Замойскихъ; наконецъ, третья, небольшая, часть (16 листовъ) была куплена въ 1856 г. акад. А. Ф. Бычковымъ и принадлежитъ его сыну, И. А. Бычкову (въ Петербургѣ).

Памятникъ былъ изданъ въ 1851 г. Миклошичемъ: *Monumenta paleoslovenica e codice Suprasliensi*, но болѣе точнымъ, хотя и небезупречнымъ (ср. Р. Ф. В. 1905 г. № 2, 339 с.) является новое изданіе Северяниова: Супрасльская рукопись, т. I, 1904 г. («Памятники старославянскаго языка», издаваемые Отд. русск. яз. и слов. Имп. Ак., т. II, вып. 1). Этому обширному памятнику (по содержанію—мартовская миная) посвященъ рядъ статей Вондрака въ *Sitzungsber. d. K. Ak. Wien*, 112 т., 122 т., 124 т.

Примѣчаніе. Въ статьѣ *Zur Kritik der altslov. Denkmale*, *Sitzungsber. 112 т.* (1886 г.) Вондракъ остановился на рефлексахъ въ Супр. рук. сочетаній «губной +j», группахъ sk въ положеніи предъ ё и i, ь въ положеніи предъ j и на некоторыхъ грамматическихъ формахъ и лексикальныхъ особенностихъ памятника; въ 1890 г. Вондракъ вернулся къ Супр. рук. въ статьѣ *Altslovenische Studien* въ *Sitzungsber. 122 т.*, остановившись, главнымъ образомъ, на лексикальной сторонѣ памятника; анализъ послѣдней привелъ его къ заключенію, что основа памятника—болгарская, но въ послѣдней редакціи, которую памятникъ получила при перепискѣ, видна рука малоросса. Въ послѣдующемъ, 1891 г. Вондракъ снова посвятилъ Супр. рукописи статью п. з. *Über einige orthographische und lexicalische Eigenthümlichkeiten des Codex Suprasliensis...*—*Sitzungsber. 124 т.*; здѣсь разсмотрѣнъ вопросъ объ x и ѿ въ Супр. рук. въ связи съ наблюдениемъ о языковой неоднородности памятника. Критическая оценка выводовъ Вондрака дана Облакомъ, *Arch. XV*, 338 с. и слѣд.

Старую работу Бема «Историко-филологическое изслѣдованіе о Супрасльской рукописи» 1869 г. оставляемъ въ сторонѣ; съ вѣнѣчной исторіей памятника знакомить статья Бобровскаго: Судьба Супрасльской рукописи, въ Ж. М. Н. Пр.

1887, №№ 10—12. Ср. еще Abicht и Schmidt: Quellen nachweise zum Codex Suprasliensis въ Arch. XV, XVI, XVIII (вопросъ о греческихъ оригиналахъ словянскихъ статей памятника) и Pastrnek: О rukopise Supraslské въ List. Fil. 1897г., 96—109 (сравненіе фотографическихъ снимковъ Люблянской части памятника съ изданіемъ Миклошича).

Кромъ этихъ двухъ крупныхъ памятниковъ кирилловскаго письма: Саввиой книги и Супрасльской рукописи, наука располагаетъ еще нѣ сколькими отрывками, которые также относятся, повидимому, къ XI вѣку. Важнейшими изъ этихъ отрывковъ являются—

4. Хиландарскіе листки, найденные Григоровичемъ въ Хиландарскомъ монастырѣ на Афонѣ. Содержаніе ихъ—отрывокъ поученія Кирилла Іерусалимскаго. Изданы были въ 1852 году Григоровичемъ, въ 1868 году Срезневскимъ, въ 1882 году Ягичемъ, послѣдній разъ со снимками со всего памятника Кульбакинъ въ 1898 году.

Примѣчаніе. Григоровичъ «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-словянской литературы» Изв. II Отд. Имп. Ак. Н. И т. и въ «Статьяхъ, касающихся древняго словянскаго языка» 1852, 71—94 с. Срезневский «Древніе славянскіе памятники юсowego письма»; Ягичъ «Specimina linguae palaeoslovenicae» 64—66 с.; Кульбакинъ «Изслѣдованія по русскому языку», издаваемыя Имп. Ак. Н. И т. Ср. еще Вондржъ въ Arch. XXII, 542—553 с. и Кульбакинъ «Лексика Хиландарскихъ отрывковъ» въ Изв. VI (1901 г.), 4 кн., 131—139 с. Хранятся листки въ библіотекѣ Новороссійскаго университета.

5. Листки Ундельского (отрывокъ евангелія) являются нѣсколькою болѣе позднимъ памятникомъ, сравнительно съ Хиландарскими, съ Супр. и Савв. книгой. Изданы Карскимъ со снимками въ 1904 году.

Примѣчаніе. «Памятники старо-славянскаго языка» I т., вып. 3; ранѣе были изданы Срезневскимъ въ «Древнихъ памятникахъ юсового письма» 1868 г. и Ягичемъ въ Specimina, 48—49; ср. Щепкина «Листки Ундельского» въ Сборникѣ статей, посвященныхыхъ Фортунатову, 1902 года. Среди старыхъ, въ общемъ, типовъ буквы находимъ въ лист. Унд. новое а съ инымъ положеніемъ основной черты и петли, нежели въ Хил., Савв. Супр.: , , (стара форма). Буква ж—съ соединеніемъ частей. На мѣстѣ ж и ѿ—одно ѿ. Буква ѿ употребляется гораздо чаще, чѣмъ въ другихъ памятникахъ XI вѣка,— даже послѣ согласныхъ. Повидимому, лист. Ундельского относится къ концу XI вѣка. Хранится въ Московскому Публичному и Румянцевскому Музѣю.

6. Македонскій листокъ, сохранившійся очень плохо, имѣть еще менѣе значенія, нежели Хиланд. л.л. или л.л. Ундельского для грамматики древне-церковно-словянскаго языка. Изданъ Ильинскимъ въ 1906 г.

Примѣчаніе. «Памятники старо-славянскаго языка» I т., 5 вып. Формы буквъ и ихъ употребленіе архаичны. Въ языке болгарскія новшества,—вѣроятно, конца XI вѣка: ѿ на мѣстѣ древняго рж, ръ. Находится въ Петербургѣ, въ библіотекѣ В. И. Срезневскаго.

7. Наконецъ, при перечнѣ источниковъ древне-церковно-словянской грамматики не можетъ быть опущено и Остромирово Евангеліе, писан-

ное въ Новгородѣ въ 1056—1057 годахъ,—древнѣйший памятникъ русской письменности.

Черты живого говора русского писца, безспорно, отразились въ памятнике, но онѣ могутъ безъ труда быть выдѣлены, и подъ ними вскроется болѣе древній церковно-словянскій языковой слой. Издание памятника Востоковыемъ въ 1843 г. и фотолитографически на средства купца Савинкова въ 1889 году. Поправки къ изданію Востокова предложены Козловскимъ въ его изслѣдованіи: О языкѣ Остромирова Ев. Ср. также Щепкина и Шахматова: Особенности языка Остромирова Евангелія, Фортунатова «Составъ Остромирова Евангелія» 1908 г.

Примѣчаніе. Работа Козловскаго—изъ «Изслѣдованій по русскому языку» I т., 1885 г. Статья Щепкина и Шахматова помѣщена, какъ дополненіе, въ русскомъ перевѣдѣ грамматики Лескина 1890 года. Статья Фортунатова—въ Сборникѣ въ честь Ламынского. Главный выводъ Фортунатова: первые 23 листа рукописи списаны діакономъ Григоріемъ съ русскаго оригинала, остальные—съ церковно-словянскаго. Остромирову Ев., какъ памятнику древне-русскаго языка, посвящена статья Каринскаго изъ Ж. М. Н. Пр. 1903 г., № 5.

Въ меньшей мѣрѣ могутъ служить источниками для грамматики древне-церковно-словянскаго языка болѣе поздніе списки съ древнихъ церковно-словянскихъ оригиналовъ, возникшие на болгарской, сербской и русской почвѣ, какъ-то: средне-болгарскіе тексты,—Добромирово Ев., Охридскій апостоль, Болонская Пс. и др. или сербскіе тексты: Мирославово Ев., Волканово Ев.; русскіе: Сборникъ Святослава 1073 года, Сборникъ 1076 года, Служебная Минея 1095—1097 года и т. д. Эти памятники въ большей мѣрѣ относятся къ исторической грамматикѣ болгарскаго, сербскаго и русскаго языковъ.

IX. Въ заключеніе настоящаго введенія необходимо указать на существующія пособія къ изученію древне-церковно-словянскаго языка. Таковыми, помимо изслѣдований отдѣльныхъ памятниковъ и ихъ изданій, уже указанныхъ выше, помимо отдѣльныхъ статей и работъ по вопросамъ специального характера,—являются труды общаго характера, грамматики, характеризующія какъ звуки, такъ и формы древне-церковно-словянскаго языка.

Важнѣйшими грамматиками являются изъ старыхъ: Шлейхера, Востокова, Миклошича, изъ болѣе новыхъ: Лескина, Соболевскаго, Вондрака. Пособіемъ при ознакомленіи съ памятниками могутъ служить хрестоматіи Бернекера, Каринскаго. Словарь—Миклошича.

Примѣчаніе. Schleicher, Formenlehre der kirchenslavischen Sprache 1852
Востоковъ, Грамматика церковно-словянскаго языка 1863 г.; Miklosich, Altslowenische Formenlehre in Paradigmen 1874—съ обоснованіемъ во введеніи теоріи паннонскаго происхожденія церковно-словянскаго языка; это же Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen 1879.

Новая эпоха въ изученіи церковно-славянского языка начата была 2-мъ изданиемъ грамматики Лескина, которое существенно отличалось отъ первого (1871 года): Leskien, *Handbuch der altbulgarischen (altkirchen Slavischen) Sprache* 1886. Weimar. Въ 1890 г. вышелъ русский переводъ этого издания, который, несмотря на некоторую устарѣлость и псевдобытный планъ учебника, является едва ли не лучшимъ пособіемъ на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время *Handbuch* Лескина на немецкомъ языкѣ вышло уже 4-мъ изданиемъ, Weimar (съ текстами и словарчикомъ къ нему). Въ 1909 году появилась новая редакція труда Лескина: *Grammatik der altbulgarischen (altkirchen Slavischen) Sprache*. (Heidelberg), какъ 1 выпускъ «Sammlung Slavischer Lehr- und Handbücher», съ обширнымъ историческимъ введеніемъ (о пародности ц.-сл. языка, азбукахъ и т. д.), но безъ текстовъ и словаря. Эта послѣдняя редакція грамматики Лескина—едва ли не самая удачная.

Соболевскій, Древній церковно-славянскій языкъ. Фонетика. 1891 г. Москва.
Вондракъ, *Altkirchen Slavische Grammatik*, Berlin 1900. Ср. также его
Vergleichende Slavische Grammatik 1906—1908, I—II.

Морфологія посвящена работа Настрнека: Prof. Fr. Pastrnek. *Tvarosloví jazyka Starosloveněnského s' úvodem a ukázkami*, 1909.

На русскомъ языкѣ недавно появились еще Лекціи по древн.-церковно-славянскому языку Грунскаго (Записки Юрьевского университета) 1907 г., къ сожалѣнію, малоудовлетворительныя: ср. Р. Ф. В. 1910 г. № 1, 150 сл.

Specimina Яична, уже цитированная выше, въ настоящее время—рѣдкость, а потому приходится пользоваться или хрестоматіей Бернекера (*Slavische Chrestomathie* 1902 г.), или хрестоматіей Каринекаго (Хрестоматія по древне-церковно-славянскому и русскому языкамъ 1904 г.).

Miklosich'a *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum* 1862—1865 г. въ настоящее время нуждается въ пополненіи; этимологический словарь славянскихъ языковъ Миклошича въ настоящее время можетъ быть замѣненъ словаремъ Бернекера: Bernecker, *Slavische Etymologisches Wörterbuch*, пока 1—5 выпуски.

Объ историческомъ развитіи изученія церковно-славянскаго языка ср. въ статьѣ Кульбакина: Историческое развитіе и современное состояніе славянскаго языкознанія, Ж. М. Н. Пр. 1906 г., № 5.

ФОНЕТИКА.

I. ПРАСЛОВЯНСКІЕ ЗВУКИ И ЗВУКОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

§ 1. Древне-цер.-сл. языкъ, т. е. юго-словянскій говоръ, легшій въ основу др.-ц.-сл. языка, получилъ изъ прасловянскаго языка известную систему звуковъ и формъ. Историческая точка зрения на явленія др.-ц.-сл. языка требуетъ опредѣленія ихъ отношенія къ явленіямъ прасловянской эпохи, какъ въ звукахъ, такъ и въ формахъ.

Итакъ, какіе звуки получились изъ прасловянской эпохи др.-ц.-слов. языку?

Эти звуки возстановляются сопоставленіемъ различныхъ словянскихъ языковъ,— по возможности въ древнѣйшей стадіи ихъ развитія, освѣщаемой историческими памятниками.

При этомъ восстановляемые такимъ методомъ звуки не могутъ быть, конечно, опредѣлены въ своей артикуляціи такъ точно, какъ звуки живой рѣчи. Мы можемъ опредѣлить эти прасловянскіе звуки, какъ звуковые типы, лишь въ болѣе или менѣе общихъ чертахъ. Эти звуковые типы въ отдѣльныхъ прасловянскихъ говорахъ являлись не вполнѣ одинаковыми, такъ-какъ діалектическая различія были всегда и въ прасловянскомъ языке, какъ во всякомъ языке.

Въ некоторыхъ же случаяхъ мы не имѣемъ возможности съ увѣренностью опредѣлить прасловянскій звукъ, къ которому восходятъ звуки отдѣльныхъ словянскихъ языковъ въ тожественныхъ этимологическихъ словахъ,—даже какъ звуковой типъ; или же мы можемъ иногда охарактеризовать такой прасловянскій звукъ лишь съ одной стороны; въ такихъ случаяхъ наша формула есть лишь условный знакъ, имѣющій значеніе: «тотъ прасловянскій звукъ, къ которому восходятъ такие-то звуки отдѣльныхъ словянскихъ языковъ».

Такимъ образомъ, русское *a* въ *трава, карта, скала* и т. п.,польское *a* въ литературныхъ формахъ *trava, kasza, skała*, чешское *a* въ словахъ *tráva, skála, kaše*, сербское *a* въ словахъ *tráva, káša, skála*—даютъ право предположить прасловянскій звуковой типъ *a*, который въ

отдельныхъ прасловянскихъ говорахъ произносился, быть можетъ, не вполнѣ одинаково, но болѣе или менѣе сходно, какъ и въ настоящее время въ отдельныхъ славянскихъ языкахъ: такъ, Томсонъ, Общ. языков., 1 изд. 165, опредѣляетъ русское *a*, какъ звукъ низкій, задненѣбный (low-back), а Розадовскій, Mat. i. pr. I, 100 с., опредѣляетъ польское *a* образованыхъ классовъ Галиціи, какъ звукъ низкій, средненѣбный (low-mixed.).

Буквѣ ѣ нашего исторического правописанія въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ и въ литературномъ русскомъ языке соотвѣтствуетъ 'e, въ малорусскомъ литературномъ языке — i, въ польскомъ 'e и 'a, въ болгарскомъ диалектически различно: e, 'a, ю; въ сербскомъ также есть диалектическими различіями e, i, је, ђе. Прасловянскій звукъ, къ которому восходятъ эти разнообразные звуковые рефлексы отдельныхъ славянскихъ языковъ, можетъ быть опредѣленъ даже какъ звуковой типъ не вполнѣ увѣренно; съ полной увѣренностью можно опредѣлить его лишь со стороны количественной,—какъ звукъ долгий, но и то лишь по отношенію къ древнѣйшей эпохѣ жизни прасл. языка.

Тотъ звукъ, который выражается въ др.-ц.-сл. памятникахъ знакомъ ѧ, также имѣеть такія разнообразныя соотвѣтствія въ живыхъ славянскихъ языкахъ, что праслов. ѧ, къ которому мы эти соотвѣтствія возводимъ, является въ значительной мѣрѣ условнымъ знакомъ; вполнѣ опредѣленное значеніе этому праслов. ѧ мы можемъ придавать лишь съ одной,—а именно количественной стороны.

§ 2. Къ сдѣланіямъ замѣчаній по поводу возстановленія праславянскихъ звуковъ должно присоединить еще одно. Возстановливая праслов. систему звуковъ путемъ сопоставленія звуковъ отдельныхъ слов. языковъ, мы имѣемъ въ виду конечный моментъ въ жизни праслов. языка, мы опредѣляемъ звуки эпохи, непосредственно предшествовавшей его распаденію.

Праслов. языкъ въ смыслѣ историческомъ не такое простое понятіе: со времени выдѣленія словянской вѣтви изъ семьи индо-европейскихъ говоровъ до периода его распаденія на отдельныя нарѣчія, живущія особой жизнью, прошло, несомнѣнно, не мало стolѣтій. Этотъ рядъ языковъ въ жизни прасл. языка одинаково характеризуется единствомъ отдельныхъ слов. говоровъ, т. е. наличностью не только такихъ явлений, которые отличали эти говоры другъ отъ друга, но и такихъ, которые охватывали весь кругъ этихъ говоровъ. Если конечный моментъ въ жизни праслов. языка опредѣляется путемъ сопоставленія отдельныхъ славян. языковъ, то начальный моментъ прасл. периода можетъ быть опредѣленъ помощью сравненія словянскихъ звуковъ со звуками иныхъ индо-европейскихъ языковъ.

Прасловянская система звуковъ.

§ 3. Прасловянскій языкъ эпохи, предшествовавшей его распаденію, имѣлъ слѣдующіе звуки.

Примѣчаніе. Праслов. звуки обозначаются, обыкновенно, латинскими буквами:

А. Гласные. 1. *Полное образование:*

- а) твердые (велярные): а, о, ѡ (носовое о), и, у;
- б) мягкие (палатальные): е, ё, і, Ӧ (носовое е).

2. *Неполного образования* (редуцированные въ количественномъ отношеніи):

- а) твердый з
- б) мягкий ь.

В. Сонорные: 1. *Главные* г, ӏ (слоговые и неслоговые);

2. *Носовые* ѡ, ӈ.

С. Согласные. 1. *Взрывные:*

- а) губные б, р;
- б) зубные т, д;
- с) задне-небные к, گ.

2. *Длительные:*

- а) губной в;
- б) зубные с, з;
- с) язычно-небные ѿ, Ѣ, ѕ;
- д) задне-небный ч.

3. *Аффрикаты:* с, ڏ, ڏ, ڳ (ڏڻ).

§ 4. Большая часть указанныхъ въ этой таблицѣ праслов. звуковъ не требуетъ особыхъ примѣчаній.

Гласные а, о, и, у, е, і возстановляются въ виду такихъ единодушныхъ показаний различныхъ словянскихъ языковъ, какъ: р. трава, скала; пол. trawa, skała; чеш. tráva, skála; серб. tráva, skála; или: р. поле, море; пол. pole, morze; чеш. pole, moře; серб. pôlje, môrje; или: р. пить, липа; пол. pić, lipa; чеш. pití, lípa; серб. piti, lípa.

Приведенные примѣры вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ и о прасл. согласныхъ: г, т, р, ӏ, которые въ такомъ видѣ являются и въ отдельныхъ словянскихъ языкахъ. Такимъ же образомъ возстанавливаются и иные согласные прасловянского языка. Однако на нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ, вошедшихъ въ приведенную выше таблицу, слѣдуетъ остановиться особо.

§ 5. Праслов. у въ настоящее время потеряло большую частью слов. языковъ, и его наличность въ праслов. устанавливается показаніями

руссаго и польскаго языковъ, которые поддерживаютъ и др.-ц.-сл. памятники: ср. рус. быть, сынъ, мы съ пол. *być*, *syn*, *mы* и др.-цер.-слов. *бѧти*, *сынъ*, *мы*. Къ этому можно присоединить свидѣтельство Гусса объ *у* въ древне-чешскомъ языке (Gebauer. H. Ml. I, 278) и указанія Милетича на сохраненіе этого звука въ нѣкоторыхъ восточно-болгарскихъ говорахъ: Das Ostbulgarg. 74 с.

Вѣроятно, праслов. *у* представляло звукъ средняго ряда, высокій, нелабіализованный, т. е. произносившійся безъ губного округленія.

Примѣчаніе. Высказанное Томсономъ предположеніе, что праславянское *у*, равно какъ и др.-ц.-слов. и древне-русское, было дифтонгомъ, Р. Ф. В. 1905, № 2, 245 с., не можетъ считаться доказаннымъ. Приводимые имъ факты допускаютъ иное толкованіе.

§ 6. Праслов. ё имѣть разнообразные рефлексы въ современныхъ слов. языкахъ: такъ, въ русскомъ находимъ на мѣстѣ ё съ различиемъ по диалектамъ 'е (в.-р.), i, ёе (м.-р.); въ болгарскомъ также диалектически e, ё, 'а; въ сербскомъ—въ однихъ говорахъ e, въ другихъ је, је, въ третьихъ i; въ чешскомъ—e, i; въ польскомъ—'e и 'a, въ зависимости отъ послѣдующаго согласнаго.

Представляется нелегкимъ въ виду этого разнообразія опредѣлить, хотя бы и приблизительно, прасл. ё, какъ звуковой типъ.

Однако весьма правдоподобной можно признать мысль, что праслов. ё, эпохи, непосредственно предшествовавшей распаденію слов. праязыка, было дифтонгическимъ сочетаніемъ ie одного слога.

Мысль эта, давно уже проводимая Фортунатовымъ и его школой, въ настоящее время принята и Вондракомъ, Vergl. Sl. Gr. I, 54 с.

Изъ дифтонгического сочетанія легче всего объяснить указанные выше рефлексы прасл. ё въ отдѣльныхъ слов. языкахъ, причемъ 'а могло получиться изъ ie, напримѣръ, путемъ ё—ја—ја. Отъ преобладанія первой или второй части дифтонга зависѣть и дальнѣйшій результатъ въ отдѣльныхъ слов. языкахъ: при слоговомъ характерѣ первого элемента получалось i, при слоговомъ характерѣ второго—је—'e; ја—ја—'a.

Примѣчаніе. О другомъ взгляде на прасл. ё, какъ на монофтонгъ, притомъ открытый (о открытомъ) ср. у Вондрака Vergl. Sl. Gr. I, 55—56 с. Тамъ же 54—55 В. стремится доказать, что прасл. ё (ie) получилось изъ открытаго ё, тогда какъ Фортунатовъ и Шахматовъ исходять изъ ё закрытаго.

§ 7. Прасл. носовые устанавливаются сопоставленіемъ фактовъ др.-ц.-сл. письменности, въ которой находимъ особые знаки для этихъ гласныхъ, и данныхъ современного польскаго языка, до сихъ поръ сохранившаго эти звуки, по крайней мѣрѣ въ такихъ словахъ, какъ *mieso*, *wasy*, *wachac* (предь s, ch): ср. др.-ц.-сл. *мѧто*, *мѧхъти*.

Въ другихъ слов. языкахъ носовые гласные потеряли носовой резонансъ; такъ, въ русскомъ—изъ о—и (у), изъ е—а (я): *узы*, *мясо*, *мука*, *судь*; (др.-ц.-сл. *мъка*, *мъдъ*); въ сербскомъ—изъ о—и (у), изъ е—е: *мъка*, *мѣсо*.

На участіе въ артикуляції прасл. гласныхъ, изъ которыхъ получились др.-ц.-сл. ж—ѧ, пол. є, о (ѧ), русск. у, и,—отвора въ носовую полость ясно указываетъ тотъ фактъ, что эти прасл. гласные явились на мѣстѣ индо-евр. сочетаний «гласный+носовой» или на мѣстѣ тѣхъ-же сочетаний въ заимствованныхъ словахъ:ср. др.-в.-н. *kuning*, которое дало въ прасл. *къпѣдъ*, какъ видно изъ др.-ц.-сл. *князъ*, пол. *księże*, р. *князь*, *княже*.

§ 8. Прасл. *ж* и *ь*, повидимому, отличались отъ остальныхъ гласныхъ прежде всего въ количественномъ отношеніи: они были короче нормально-краткихъ гласныхъ, т. е. количественно редуцированными. Съ этимъ ихъ отличиемъ, быть можетъ, была связана сравнительно меньшая определенность въ акустическомъ отношеніи, чѣмъ, вѣроятно, и объясняется разнообразіе рефлексовъ этого прасл. звука въ отдельныхъ слов. языкахъ:ср. др.-ц.-сл. *сѫхъ*—р. *сонъ*—п. *sen*—ч. *sen*—с. *санъ*; др.-ц.-сл. *день*—р. *день*—п. *dzień*—ч. *den*—с. *дэн*. Что касается мѣста артикуляції прасл. *ж* и *ь*, то она съ полной увѣренностью опредѣлена быть не можетъ.

Примѣчаніе. Томсонъ Р. Ф. В. 1905 № 2, 247 с. опредѣляетъ «старославянскій *ж*», т. е. др.-ц.-сл., какъ «очень передний мягконебный, нѣсколько опущенный высокій, сопровождаемый умѣренной лабіализацией (lowered high back round)», хотя участіе губъ въ современномъ болгарскомъ *ж* сомнительно,ср. Arch. 20, 589—590 с.с. Вондракъ Vergl. Gr. I. 134—135 сравниваетъ прасл. *ж* съ тѣмъ гласнымъ, который слышился въ англ. *bird* (*mixed, low*), но предполагаетъ нѣкоторую оттяжку языка назадъ и легкій подъемъ къ нѣбу (*es wurde aber wohl die Zunge etwas zurückgezogen und gegen den weichen Gaumen ein wenig gehoben: ein Überbleibsel des u. aus welchem das ж eben entstanden war*). Съ этимъ предположеніемъ можно, кажется, согласиться, имѣя въ виду аналогичное передвиженіе артикуляціи изъ задненебного въ средненебное при прасл. *у* изъ индо-евр. *ū*. Подъемъ языка следуетъ предположить средній или пониженный высокій, имѣя въ виду то-же *ū*, изъ которого получился прасл. *ь*.

Въ эпоху, предшествовавшую распадению прасл. языка, въ артикуляціи *ж* въ отдельныхъ говорахъ необходимо предположить болѣе или менѣе значительныя колебанія,

Прасл. *ь*, имѣя въ виду его происхожденіе изъ индо-евр. *ī* и рефлексы въ отдельныхъ слов. языкахъ, должно себѣ представить, какъ глаeный передъяго ряда понижение высокой или средняго подъема.

§ 9. Сонорные *г*, *л* существовали въ прасл. какъ въ функціи со-гласныхъ въ словахъ: *trava*, *chvala* и т. п., такъ и въ функціи глас-ныхъ, т. е. прасл. языкъ имѣть слогообразующіе *г*, *л*.

Слогоые *г*, *л*, повидимому, были известны прасловянскому языку въ сочетаніяхъ съ неслогоевыми *ть*, *ь* между согласными, причемъ *ть*, *ь* неслогоевые предшествовали слогоевымъ *г*, *л*, т. е. все сочетаніе имѣло видъ *тыт*, *тыт*, *тыт*, *тыт*, где *т* обозначаетъ любой согласный.

Изъ этихъ прасл. сочетаній происходятъ русскія ор, ер, ои въ сло-вахъ *горбъ*, *червь*, *домъ* и т. п. На эти прасл. сочетанія указываетъ со-поставленіе приведенныхъ русскихъ сочетаній съ чешскими, др.-ц.-сло-вянскими и южно-словянскими соотвѣтствіями.

Русскому ор, ои, ер въ юго-словянскихъ и чешскомъ языкахъ соот-вѣтствуетъ слогоевое *г*, *л*: ср., напр., русск. *горло* и сербское *glo*, русск. *волкъ* и чеш. *vlk* со слогоевымъ *л*. Очевидно, въ чешскомъ и сербскомъ язы-кахъ *ть*, *ь* въ сочетаніяхъ *тыт*, *тыт*, *тыт*, *тыт* исчезли, въ русскомъ же языке *г* и *л* потеряли свое слогоевое качествъ, а *ть* и *ь* изъ неслогоевыхъ стали слогоевыми и позже перешли въ о, е.

На слогоевое качество *г*, *л* въ указанныхъ сочетаніяхъ суть *ть*, *ь* указываютъ и факты др.-ц.-сл. языка: ср. ниже, § 71.

Долгими, а діалектически, быть можетъ, и слогоевыми были прасл. *г*, *л* въ сочетаніи съ предшествующимъ *е* или о предъ согласнымъ: *golva*, *golsъ*, *gordъ*, *bergъ* съ долгими *г*, *л* или же *golva*, *golsъ*, *gordъ*, *bergъ* — изъ коихъ получились русскія полногласные формы: *голова*, *голосъ* и т. д. Въ литовскомъ этомъ прасл. сочетаніямъ ог, ои соотвѣтствуютъ сочетанія съ тѣмъ же порядкомъ звуковъ: *galvà*, *garsas* съ *~* на *г* и т. п.

Сонорные *г*, *л*, н въ функции согласныхъ могли быть въ прасл. твер-дыми и мягкими (палатальными) *г'*, *л'*, *н'*, ср. § 57.

§ 10. Смягченными (въ положеніи предъ *ј*) были также согласные губные *р*, *б*, *в*, *м* и зубные *т*, *д* при твердыхъ *р*, *б*, *в*, *м*, *т*, *д*. Задне-небные *k*, *g*, *ch* въ прасл. были только твердыми; наоборотъ, *š*, *ž*, *č*, *ć* (*dž*) были смягченными. Смягченными нужно признать и прасл. *с*, *dz*, (ср. ниже § 54—55). Согласный *z* въ прасл. позднейшей эпохи быть твердымъ, въ сочетаніи же съ *ј* давалъ *ž*. Согласный *s* могъ быть твер-дымъ и мягкимъ въ известныхъ случаяхъ, о которыхъ см. ниже (§ 54 — 55). Согласный *j* былъ палатальнымъ по самой своей природѣ.

Относительно *у* должно замѣтить, что прасл. языку во всякомъ случаѣ было известно, хотя быть можетъ и не исключительно, билабіальное (чисто губное) *u*: такое *u*, вѣроятно, получалось первоначально изъ неслогоевого *и* (*и*) въ прасловянскомъ сочетаніи оц предъ гласнымъ (ноча изъ индо-евр. *neča*) и изъ *ц*, развивавшагося на праслов. *nočъ* предъ нѣкоторыми гласными въ началѣ слова (ср. § 58). Нѣкоторые слов. язы-ки, а именно русскій, южно-словянскіе, во всякомъ случаѣ даютъ ясныя

указанија на билабіальное *v* или же *ц* на мѣстѣ губноаубного *v* западнослов. языковъ.

Примѣчаніе. Ср. Кульбакинъ «Спирантъ въ славянскомъ языке» въ Сборнике въ честь М. С. Дрикова, Харьковъ 1905, 221—236; ер. Вондракъ Vergl. Sl. Gr. I т. 282—283 с.е.; Улашингъ Rocznik slaw. I т. 152—156 с.е.

§ 11. Гласные прасл. языка въ эпоху, предшествовавшую распадению его, могли быть, вообще говоря, одни—краткими (*о*, *е*), другіе—длинными и краткими, хотя по происхождению своему изъ индо-европейскихъ послѣдние были исключительно долгими: нельзя отрицать возможности сокращенія въ известныхъ условіяхъ первоначально долгихъ гласныхъ уже въ прасл. эпоху. При этомъ въ долгихъ гласныхъ подъ удареніемъ различались два вида долготы: восходящая и нисходящая. На двоякое качество долготы, полученнюю славянскимъ языкомъ или и.-евр. языкамъ, указываютъ и другіе и.-евр. языки, имѣющіе такое различіе (др.-греческій, балтійскіе) и некоторые изъ живыхъ слов. языковъ, сохранившіе различіе долгихъ и краткихъ гласныхъ и различное качество долготы подъ удареніемъ до сихъ поръ, хотя это различіе не вполнѣ соответствуетъ старому праслов. различію (сербскій, словинскій).

Удареніе въ прасл. было свободнымъ, т. е. могло быть въ различныхъ словахъ на различныхъ слогахъ, какъ въ нынѣшнемъ русскомъ языке и чакавскомъ нарѣчіи сербского языка: такое совпаденіе и въ основномъ признакъ ударенія, и въ мѣстѣ его въ отдѣльныхъ словахъ (чак. *travā* и русск. *трава*, чак. *lopāta* и р. *лопата*, чак. *mudrēcъ* и р. *мудрецъ* и т. д.) между чакавскимъ и русскимъ не можетъ быть случайностью и должно быть разматриваемо, какъ наслѣдіе прасл. эпохи.

Отношеніе прасловянскихъ звуковъ къ индо-европейскимъ.*)

Сопоставленіе прасл. звуковъ, возстановляемыхъ сравненіемъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ со звуками другихъ индо-европ. языковъ въ словахъ, этимологически тождественныхъ, выясняетъ слѣдующее отношеніе первыхъ къ послѣднимъ.

§ 12. Прасл. *o* восходить къ и.-евр. *a* и *o*. 1) Прасл. *o* изъ индо-евр. *a*: прасл. **osъ* (др.-ц.-сл. *ось*, р. *ось*), ер. лат. *asīs*; греч. *ᾶσθι*, лат. *axis*, прасл. **yonja* (др.-ц.-сл. *воня*, р. *вонь*), ер. греч. *ἄγειρος* (*вътеръ*), лат. *anīmus* (*душа*); 2) прасл. *o* изъ и.-евр. *o*: прасл. **oko* (др.-ц.-сл. *око*, р. *око*), ер. лат. *oculus* (*глазъ*), греч. *ὤψη* (дв. ч., *очи*).

*) Въ древне-инд. формахъ по условіямъ типографскаго характера палатальное ѿ обозначено знакомъ ѿ, церебральное ѿ простымъ ѿ (безъ точки подъ буквой).

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прасловянскому о въ др.-инд. и др.-ир. соотвѣтствуетъ не *a*, какъ въ 1) и 2): ось—др.-инд. ákša-s,—но і: прасл. *stojo—*stojati и др.-инд. sthítá-s (стоящій), лат. status, греч. στατός, или прасл. *srogъ (др.-ц.-сл. споръ, р. спорный, спро—одного корня съ *стить*, *спытый*) и др.-инд. sphirá-s (богатый, большой).

Въ этихъ случаяхъ предполагаютъ индо-евр. гласный *ə*, какъ полушипопотный гласный (Murmelvocal), являвшійся ослабленіемъ гласныхъ ё, ð, á.

Примѣчаніе. Ср. о полушипопотныхъ гласныхъ у Томсона, Общ. языков. I изд. 167 с.

Наконецъ, гласный о является въ праслов. на мѣстѣ болѣе древняго е въ сочетаніи еи предъ гласными, ср. § 20. Соответствуя индо-евр. *a*, слов. о передаетъ также *a* другихъ языковъ въ заимствованныхъ словаряхъ: такъ, др.-ц.-сл. оахтаръ передаетъ лат. altare, др.-ц.-слов. попъ—др.-в.-н. pfalſſo; др.-ц.-сл. поганинъ—лат. paganus; др.-ц.-слов. скръ—лат. avarus, греч. ἄνθερος (название народа); ср. также др.-ц.-сл. оцѣкъ, пол. и чеш. осѣт—лат. acetum. Очевидно изъ этихъ сопоставленій, что славянское о исконо было звукомъ открытымъ, близкимъ къ латинскому *a*, тогда какъ иноязычное о было сравнительно со славянскимъ о—звукомъ болѣе закрытымъ.

§ 13. Прасл. *a* восходить къ и.-евр. ё и б. 1) Прасл. *a* изъ и.-евр. ё: прасл. *mati (др.-ц.-сл. мати, р. мать); ср. латыш. māte, др.-и. mātár-, греч. (дорич.) μάτη, лат. māter, слѣд. индо-евр. *māter—; прасл. *bajo (др.-ц.-сл. бајж—каяти, рус. баю, баять), ср. греч. (дор.) φαμί (говорю), лат. fama (молва), fāgi (говорить); прасл. *stā (др.-ц.-слов. стати, станъ, рус. стать, станъ), ср. др.-и. sthāna-m (стоянка), лат. stāre (стоять). 2) Прасл. *a* изъ индоевр. ё: прасл. *dati (др.-ц.-слов. дати, р. дать), ср. греч. δί-φωμι (даю), лат. dōnum (даръ), лит. dūti.

Примѣчаніе. Относительно гипотезы двухъ и.-евр. о (о и ё) ср. Pedersen K. Z. 36 т. 86 и сл., 101 и сл.; Meillet M. S. L. 8, 153 и сл.; Brugmann K. V. Gr. 74 с. § 103 прим., 76 с. § 109 прим.

Кромѣ того, гласный *a* является на славянской почвѣ, какъ удлиненіе гласнаго о: прасл. *obnaujati при *obnoviti.

§ 14. Прасл. e соотвѣтствуетъ индо-евр. е: прасл. *berø (др.-ц.-сл. беру, р. беру), ср. греч. φέρω (несу), лат. fero (несу), прасл. *vezø (др.-ц.-сл. везъ, р. везу), ср. лат. veho, лит. veži. О прасл. е изъ о послѣ мягкихъ неслоговыхъ ср. § 57.

§ 15. Прасл. ё соотвѣтствуетъ и.-евр. ё съ одной стороны и и.-евр. дифтонгамъ ai, oí съ другой стороны (одинаково,—съ ё, ю или съ а, о). 1) Прасл. ё изъ и.-евр. ё: прасл. *sémę (др.-ц.-сл. сѣма, р. сѣмя), ср. лат. semen, лит. sēmens (plur.); прасл. *spéti (др.-ц.-сл. спѣти, р. спѣть), ср. лат.

spēs (*надежда*), лит. spēti (со значениемъ нашего—поспѣть куда-нибудь, быть проворнымъ). 2) Прасл. ё изъ дифтонга: прасл. *snēgъ (др.-ц.-сл. *снѣгъ*, р. снѣгъ), спр. лит. snaigýti infin. (нѣм. schneien), гот. snaiws (*снѣгъ*); прасл. *vēd—(др.-ц.-сл. *вѣдѣ*), спр. греч. *οἶδα* (*знаю*); прасл. *lēvъ (др.-ц.-сл. *лѣвъ*, рус. лѣвый), спр. греч. *λαυ(τ̄)ός*, лат. laevus.

§ 16. Прасл. ь обычно соответствуетъ и.-евр. i: прасл. *сыто—лат. quis (*кто*), прасл. *мызда—греч. *μύθος* (*плата*), прасл. *узыда—лат. vidua. Кромѣ того ь находится въ сочетаніи съ г, л, т, п въ соответствіи и.-евр. слоговыми г, л, т, п. По вопросу объ ь изъ слоговыхъ г, л, т, п спр. § 46, 47. При этомъ ь было неслоговымъ въ сочетаніи гъ, лъ (ъгъ,ълъ)—согласный и, наоборотъ, слоговымъ въ положеніи предъ гласнымъ (ср. § 36). Слоговыми было ь (или тъ) въ сочетаніи тъ, лъ (тъмъ, лъмъ) + гласный; въ положеніи же предъ согласнымъ сочетаніе тъ, лъ (тъмъ, лъмъ) измѣнялось въ носовой гласный (ср. § 46).

Необходимо замѣтить, что сочетанія тъгъ, тълъ прасл. языка въ литовскомъ соответствуютъ тирт, тилт. Эти сочетанія литовскаго и прасл. языка возводятъ къ индо-европ. слоговыми г, л и таъ-же прасл. ы, ымъ (и получившіеся изъ этихъ слоговъ въ положеніи предъ согласнымъ носовые гласные)—къ и.-евр. слоговыми т, п. Въ отличіе отъ большинства западныхъ ученыхъ Фортунатовъ и Шахматовъ предполагаютъ въ данныхъ случаяхъ и.-евр. сочетанія *αγ*, *αλ* и *ατρ*, *αρ*, т. е. сочетанія плавныхъ и носовыхъ г, л, т, п съ «неслоговой ирраціональной гласной», явившейся въ результате сокращенія слоговой гласной о или е; подъ терминомъ «ирраціональный» Ф. и Ш. подразумѣваютъ гласный редуцированный въ количественномъ отношеніи, болѣе краткій сравнительно съ другими краткими гласными. Такія и.-евр. сочетанія *αγ*, *αλ* Ф. предполагаетъ и предъ гласными, причемъ за слоговыми плавными развивался плавный неполнаго образованія: *γεράτι*.

Наконецъ, Ф. предполагаетъ существование слогового ирраціонального а въ сочетаніи съ согласными: *katur*—, *azdli* (греч. *λίστρες*, *ἴσθι*).

Въ балтійско-славянскую эпоху, по мнѣнію Фортунатова, и.-евр. а слоговое и а неслоговое совпали *по качеству звука*, т. е. въ балтійскихъ языкахъ изъ а слогового, какъ и изъ а неслогового, получились і и и, а въ слов. языкахъ ь и я. Ср. о сочетаніяхъ ь (я) съ плавными и носовыми также въ § 22, 23.

Приложніе. Фортунатовъ «Phonetische Bemerkungen»..., Arch. XI, 569 и сл.; «Индо-европейская плавная согласная изъ древне-индійскомъ языка» Харістіра 1896; «Ueber die schwache Stufe der uridg. 'a'—Vocale K. Z. XXXVI (1898), 38 и сл.; Ляпуновъ, Издѣданіе 245 и сл.; Шахматовъ, «Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи въ некоторыхъ другихъ явлніяхъ» 1903 г.,

1—8 с.с. или Изв. VII, 1 кн. 280 и сл.; Brugmann K. V. Gr. 121 и сл.; Vondrák V. Sl. Gr. I, 326 и сл.

Объ в изъ послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ ср. § 57; объ в изъ сочетания i+j, n--§ 47; объ в изъ с въ положеніи предъ j--§ 57.

§ 17. Прасл. i соотвѣтствуетъ съ одной стороны и.-евр. ī, а съ другой—и.-евр. дифтонгамъ: oi (ai, ði, īi), ei (ēi). 1) Прасл. i изъ и.-евр. ī: прасл. *gīuȳ (др.-ц.-сл. живъ, р. живъ), ср. лит. gývas, др.-и. jūvās, лат. vīvus изъ болѣе древн资料 vīvos; прасл. *viti (др.-ц.-сл. вити, р. вить), ср. лит. výti (*плести*), лат. vītis (*вьющееся растеніе*). 2) Прасл. i изъ и.-евр. eī: прасл. *vīdī (др.-ц.-сл. видъ, р. видъ), ср. лит. veidas (*лицо*); прасл. *itī (др.-ц.-сл. ити, рус. идти), ср. греч. εῖμι (*пойду*), лат. eīi. 3) Прасл. i изъ дифтонга oī: прасл. *beri (др.-ц.-сл. бери, р. бери—повел. н.), ср. греч. φέρω; прасл. *stoli n. pl. отъ *stolъ (др.-ц.-сл. столи—им. мн. ч.), ср. лит. stalat и оконч. oī въ греч. ἀθρῷατοι. 4) Прасл. i изъ дифтонга oī послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: ср. § 49, 57.

Кромѣ того прасл. i находимъ 5) въ соотвѣтствіи и.-евр. ū послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ, параллельно прасл. u изъ ū послѣ твердыхъ согласныхъ: прасл. *šiti—лит. siūti; 6) въ началѣ слова изъ *jъ и *jъ' ср. § 57; 7) какъ удлиненіе i, т. е. въ словянской почвѣ: *čitati, ср. бытѣ 1. с. prae. Объ i изъ i носового ср. § 45.

§ 18. Прасл. ū представляетъ рефлексъ и.-евр. u: прасл. bъcha, др.-ц.-сл. блъха, рус. блока—лит. blusā; прасл. *dъkti, др.-ц.-сл. джшти, р. дочь—лит. duktē, др.-инд. duhitář-; прасл. *spъčha, др.-ц.-сл. спуха—греч. τυός, др.-и. snušā, др.-в.-и. snig, лат. niger. О прасл. ū изъ индоевр. o въ конечномъ закрытомъ слогѣ—въ § 50. Слов. ū находимъ также на мѣстѣ иноязычного и въ заимствованныхъ словахъ: kъnědzъ—др.-в.-и. kuming; слов. istlъva, р. изба—др.-в.-и. stuba.

§ 19. Прасл. u обычно является въ соотвѣтствіи и.-евр. ū: прасл. byti (др.-ц.-сл. быти, р. быть)—лит. būti, греч. έφε (онъ росъ); прасл. *dumъ (др.-ц.-сл. думъ), р. дымъ)—лит. dūmai, др.-и. dūmás, греч. θυμός (духъ), лат. fūmus (дымъ); прасл. *tušъ—греч. μῦς, лат. mūs. Точно такъ-же гласный u находимъ въ словянскихъ языкахъ на мѣстѣ и иныхъ языковъ въ древнѣйшихъ словянскихъ заимствованіяхъ: такъ, чешское rytel (мѣшокъ), польское rytel—род. п. rytyla (сито, рѣшето) заимствовано изъ ст.-иѣм.: rätil (ср. соврем. иѣм. Beutel), и гласный u передаетъ иѣм. ū; др.-ц.-сл. хижъ, тзихъ взяты также изъ иѣм.: гор. hūs (новониѣм. Haus), др.-норд. tūn, др.-в.-иѣм. zūn (совр. иѣм. Zaun).

Слов. u въ заимствованныхъ словахъ получилось также на мѣстѣ иноязычного ū: такъ изъ гот. получилось гутт., отсюда гутт. и наконецъ гимъ; такъ-же готскому тбта соотвѣтствуетъ словянское myto, ср. ц.-сл.

мягтарь. Если, однако, слово съ о переходило въ славянскій языкъ позже той эпохи, когда всякое о переходило въ у, то на мѣстѣ этого о въ заимствованныхъ словахъ мы находимъ и: гор. бѣка—др.-церк.-слов. *коукы*, *коуккы*.

Кромѣ того прасл. у является удлиненнымъ ѿ: *posylatiср. *sylati и т. п. О прасл. у изъ сочетаний съ носовымъ согласнымъ (ип., он., ons)ср. § 45, 47.

§ 20. Прасл. и всегда восходитъ къ и.-европ. дифтонгу ои, аи, eu. При этомъ въ соотвѣтствіи ои, аи является и; въ соотвѣтствіи же eu—и съ предшествующей мягкостью: прасл. *suchtъ—лит. sausas, греч. *αῦσος* изъ *bausbos, прасл. *uecho—лит. ausis, лат. auris; прасл. *bljudo—греч. *λεύθουατ*, прасл. *ljubъ—гор. liubs изъ *leubhos. Ср. по этому вопросу Joh. Schmidt K. Z. XXIII, 352 и сл.; Berneker I. F. X, 145 и сл.; Zupitza Die germanischen gutturale 145 с.; К. Z. 40, 250 и сл.; Ильинскій Arch. XXIX, 481 с.; Vondrák V. Sl. Gr. I, 15, 97—100; Leskien Gr. d. altb. Spr. 13—14; Николая Roczn. Sl. I, 9 с.; ср. § 39, 52.

Монофтонгъ и (ji) получился въ прасл. изъ дифтонга предъ согласнымъ и въ концѣ слова, предъ гласнымъ же, какъ изъ ои, аи, такъ обычно и изъ eu получалось сочетаніе ou: ср. прасл. *пouъ—греч. *γέος* (*re-^Fos*) изъ и.-евр. *pezos; прасл. *plovo—греч. *πλέω* изъ *πλεῖω*, прасл. *slovo—греч. *χλέος* (*въстъ, служъ*) изъ *χλεῖος*.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ соотвѣтствіи и.-евр. eu въ слов. находимъ и, а не ji, оно объясняется нефонетически: прасл. *pluti,—ср. греч. *πλεῖω*,—могло явиться подъ вліяніемъ *plovo (prae.), такъ-же *sluti подъ вліяніемъ *slovo. И, наоборотъ, вмѣсто закономѣрнаго,—въ силу измѣненія «eu+гласный» въ «oi+гласный»,—*rovo при*tuи подъ его вліяніемъ явилось *revо; ср. Meillet M. S.-L. XIV, 354—355 с.с., Leskien Gr. d. altb. Spr. 14 с.

Что касается дифтонговъ съ долготой первого элемента, т. е. ai, ou, ёи, то они въ славянскомъ, повидимому, очень рано сократили свою первую часть и совпали съ аи, ои, eu; Brugmann KVGr. § 146. Ср. др.-п.-astraušam и др.-ц.-сл. *послоухъ*,—аористъ отъ корня *kleu-*. Не совпало только ea съ eu въ положеніи предъ гласнымъ, такъ какъ не переходило въ ои и давало ёв: ср. прасл. *sěv-егъ и лит. *šian-rys*.

О слов. и въ заимствованныхъ словахъ на мѣстѣ о другихъ языковъ ср. § 19.

§ 21. Прасл. о, ё имѣютъ своимъ соотвѣтствиемъ и.-евр. сочетанія *гласный+носовой* или же *слоговой носовой* ы, ы (по Фортунатову ср., ар. ср. выше § 16).

Такъ, прасловянскому ə отвѣчаютъ и.-евр. сочетанія on, om, an, am *предъ согласнымъ и и.-евр. əm въ конечномъ слогѣ слова: ср. прасл. *гѣка (др.-ц.-сл. *гѣка*, р. *рукѣ*) и лит. *ranka*, прасл. *զօբъ (др.-ц.-слов. *զնեց*, рус. *зубъ*)—ср. греч. *γόμφος* (*болячъ, гноязъ*); прасл. *берѣть (др.-ц.-сл. *берѣтъ*, др.-рус. *берутъ*), ср. греч. (дор.) *φέροτι* (*несутъ*); прасл. *զղѣ (др.-ц.-сл. *լող*, р. *լոլու—լոլա*),—лат. *angulus*; прасл. окончаніе асс. s. f. a—основъ: ə—изъ и.-евр. əm,—ср. прасл. *гѣко, *vodə, *շերѣ и т. д. (др.-ц.-сл. *գեկ*, *вод*, *շեր*,—р. *руку, воду, жену*)—лат. *aquam*, греч. *χώρα*.

Вопросъ о прасл. ə изъ слоговыхъ ə, ə, а также изъ сочетаній əm, ən являемся спорнымъ: ср. § 45, 46.

Прасл. ə восходитъ 1) къ и.-евр. сочетаніямъ em, en; 2) къ и.-евр. əm, ən; 3) къ слоговымъ ə, ə (или ər, ər). Такъ 1) прасл. *рѣть (др.-ц.-сл. *рать*, р. *рѣть*), ср. съ лит. *penki*, греч. *λέρτε*; прасл. *svēť (др.-ц.-сл. *свѧтъ*, р. *свѧтъ*), ср. лит. *šventas*; прасл. *jētro (др.-ц.-сл. *խեթք*—печень), ср. съ греч. *ἔγτεφα* (*внутренности*). 2) Прасл. *tē, *tē, *sē (др.-ц.-сл. *տ*, *տ*, р. *мя*, *тя*,—*ся*), ср. съ др.-инд. *tām* изъ *tēm и tvām. 3) Прасл. *desēť (др.-ц.-сл. *десѧтъ*, рус. *десятъ*), ср. съ лит. *dešimtas*, греч. *δέκατος*, гот. *taihundia*; прасл. *ra-tēть (др.-ц.-сл. *ռամատъ*, р. *памѧтъ*), ср. съ лит. *at-mintis* изъ и.-евр. *mr̥ti-s.

Что касается вопроса о прасл. ə изъ и.-евр. сочетаній əm, ən, то онъ являемся спорнымъ: ср. § 45; обѣ ə изъ юп.—ср. § 47.

По отношенію къ прасл. ə, какъ рефлексу и.-евр. слогового ə, ə или, какъ предполагаетъ Фортунатовъ, и.-евр. сочетанія ər, ər, должно замѣтить нижеслѣдующее.

И.-евр.-ie ə, ə (ər, ər) предполагаются въ соотвѣтствии др.-и. a, an, am, арт., арт., греч. α, αν, αη, лат. en. Въ литовскомъ въ этихъ случаяхъ находимъ ən, əm, въ прасл. предъ гласнымъ ы, ы (др.-ц.-сл. *жымѣ*). Сопоставленіе съ литовскимъ позволяетъ думать, что на мѣстѣ и.-евр. ə, ə или ər, ər вообще говоря являлось первоначально ы, ы, что прасл. ə на мѣстѣ и.-евр. ə, ə (ər, ər) явилось такимъ образомъ непосредственно изъ ы, ы, со слоговымъ ъ и неслоговымъ ə, ə.

Шахматовъ объясняетъ образованіе гласнаго носового на мѣстѣ и.-евр. сочетанія ər, ər именно измѣнениемъ неслогового первоначально α (ср. § 16) въ слоговое и, наоборотъ, ə, ə въ неслоговые: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О полногласіи...» 1903, 4 с. Такимъ образомъ, повидимому, должно принимать потерю слоговыми ə, ə своего слогового качества одинаково для словянскаго, какъ и для балтійскаго праязыка: весьма возможно, что эта потеря относится именно къ эпохѣ балтійско-словянскаго единства, если только таковая существовала. Даље

должно замѣтить, что слоговые *и*, *и* въ индо-евр. могли быть, вѣроятно, долгими или краткими: и.-евр. *и* предполагаютъ въ соотвѣтствіи др.-инд. *ā*, *āp*, греч. *α*, лат. *ā*, и.-евр. *и* (*ai*)—въ соотвѣтствіи др.-инд. *a*, *ap*, греч. *α*, *αv*, лат. *e*. Это количественное различие въ слоговыхъ *и*, *и* отражается и въ литовскомъ, и въ словянскомъ, но отражается въ качествѣ долготы подъ удареніемъ: въ литовскомъ на мѣстѣ *и* находимъ *in* съ ~ на *i*, а на мѣстѣ *ī*—*īn*. Въ сербскомъ въ соотвѣтствіи *и* предъ согласнымъ находимъ *ē*, т. е. рефлексъ прасл. носового *ē*—долгое *e* съ нисходящимъ удареніемъ: на мѣстѣ же предполагаемаго и.-евр. *ī* въ сербскомъ находимъ *ē*, т. е. рефлексъ прасл. носового *ē* съ краткимъ удареніемъ (нисходящимъ). Но сербское ударение краткое нисходящее на гласныхъ, исконно долгихъ, какъ *e*, означаетъ сократившися на сербской почвѣ прасл. долгій гласный съ *восходящимъ* характеромъ долготы подъ удареніемъ. Такимъ образомъ, и.-европ. *ī* являлось, повидимому, въ прасл. въ видѣ *e* съ нисходящей долготой, а и.-евр. *ī*—въ видѣ *e* съ восходящей долготой.

Примѣры: прасл. *čēstъ съ нисходящей долготой подъ удареніемъ,— (ср. серб. čēst, čēsta, čēsto),—съ *e* изъ и.-евр. *ī* (*ai*): ср. лит. kīm̄štas (набитый, начиненный); прасл. *žēti съ восходящей долготой подъ удареніемъ (ср. серб. žēti) изъ и.-евр. *ī* (*ai*): ср. лит. gīnti (оборонять, защищать), др.-инд. ghātas (ударъ, убийство).

Въ словахъ, заимствованныхъ словянскимъ изъ другихъ языковъ, находимъ *ī* на мѣстѣ иноязычнаго *āp*, *ām*: ср. др.-ц.-сл. хādogъ—готск. handugs (мудрый), а также на мѣстѣ *im*, *in*: ср. ниже, § 45.

Примѣчаніе. Инос. дѣло—болѣе позднія заимствованія, полученные отъ дальними словянскими языками: такъ, въ русскомъ языке на мѣстѣ иноязычнаго *āp*, *ām* являлось не *ī*, но *ē*, которое, вѣроятно, произносилось, какъ носовое *ā*; отсюда затѣмъ получилось 'а: костатинъ въ Остр. Ев. изъ греч. Κωσταντίνος фрѣгъ изъ φρέγκος. Конечно, *ā* читалось въ этихъ словахъ, какъ я: фрѣгъ, ср. фрижскій. Фасмеръ, Греко-славянскіе этюды: III, 1909, 7 с.

§ 22. Прасл. сonorные *r*, *l*, которые были известны прасл. языку какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ употребленіи (ср. выше, § 16), восходятъ къ и.-евр. *r*, *l*: ср. др.-и. bhārāmī, греч. φέρω, лат. fero, прасл. *bērō (др.-ц.-сл. вѣръ, р. беру); др.-и. srāvati (она течетъ), др.-в.-иѣм. strōum, лит. sravēti ср. съ др.-ц.-сл. острѣвъ; греч. λείπω, лат. linquo, лит. lēkū (оставляю), прасл. *lēk—: ср. др.-ц.-сл. отъ-лѣкъ (останок); гр. διέχλη, лит. miglā, прасл. *mъgla: ср. др.-ц.-сл. myla, р. myla.

Прасл. г въ сочетаніи съ ь (ъ) восходить къ и.-евр. слоговыми г, լ или, какъ предполагаетъ Фортунатовъ, къ и.-евр. сочетаніямъ аг, аլ (ср. выше § 16). Эти индо-евр. г, լ или же аг, аլ, судя по параллельнымъ показаніямъ литовскаго языка, гдѣ имѣемъ на ихъ мѣстѣ іг, іг, іл, іл, дали въ прасл. сочетанія ыг (ъг), ыл (ъл), въ коихъ ь (ъ) было слоговымъ, а г, լ неслоговыми. Эти сочетанія и сохранялись въ такомъ видѣ въ прасловянскомъ и были получены отдельными славянскими языками въ положеніи предъ гласными, но въ положеніи предъ согласными г, լ въ этихъ сочетаніяхъ стали слоговыми, въ же стало неслоговыми.

Примѣчаніе. Фортунатовъ и Шахматовъ, исходя изъ формулы аг, аլ, допускаютъ, что еще въ балтско-славянскую эпоху а въ этихъ сочетаніяхъ стало слоговымъ, а г, լ такъ-же, какъ и ы, ыл въ сочетаніяхъ аг, ал — неслоговыми. Шахматовъ, ор. сіт. (Къ исторіи...), 4 с.

Такимъ образомъ, между слоговыми характеромъ и.-евр. г, լ (аг, аլ) и слоговыми характеромъ г, լ въ прасл. сочетаніяхъ тъг, тъл, т. е. въ случаяхъ ыг, ыл между согласными нѣть непосредственной связи: ихъ раадѣляеть ступень съ г, լ неслоговыми.

И.-евр. слоговое г, լ, какъ и ы, ыл, (все равно, предполагать ли ихъ въ сочетаніи съ неслоговыми а или же безъ него), были краткими и долгими. Это количественное различіе отразилось и въ славянскихъ языкахъ: на мѣстѣ и.-евр. г или аг (լ или аլ) предъ согласнымъ (др.-инд. г, авест. аг, греч. ἀγ, лат. ag) — въ сербскомъ находимъ слоговое г, լ (или его замѣну и, ы) съ исходяще-долгимъ удареніемъ: گ; на мѣстѣ же и.-евр. گ или аլ, լ (или ալ) (др.-инд. گ, պ, авест. аг, греч. ἀρ, лат. ar) — въ сербскомъ имѣемъ г, լ (или его замѣну и, ы) съ краткимъ исходящимъ удареніемъ: گ. Въ литовскомъ въ первомъ случаѣ (и.-евр. ы, ыл) находимъ сочетанія іг, іл съ * на г, լ, а во второмъ случаѣ (и.-евр. گ, լ) — сочетанія گ, լ.

Примѣры: прасл. *уѣлъ (др.-ц.-сл. *какъ*, р. *волкъ*) — въ серб. *уїк* изъ *уѣлъ*, ср. съ лит. *vilkas*; прасл. *съгро (др.-ц.-сл. *чѣрнъ*, р. *чернъ*) — въ серб. *сѣп* (п. с. ф. *сѣпа*), ср. съ др.-prusск. *kirsna* (*черный*); съ другой стороны: прасл. *зъро (др.-ц.-сл. *зѣно*, р. *зерно*) — серб. *зѣпо*, ср. съ лат. *granius*, лит. *žirnis*.

Сербское удареніе въ зѣпо и т. п. представляетъ сокращеніе старой праслов. долготы восходящаго характера: ср. серб. *крава* = р. *корова* при серб. *глѣс* = р. *голосъ*. Наоборотъ, сербское удареніе въ еѓи, *уїк* представляетъ сохраненіе старой праслов. долготы исходящаго характера подъ удареніемъ (ср. выше, § 21). Такимъ образомъ, и.-евр. г, լ (аг, аլ) являлись въ праслов. предъ согласными въ видѣ дифтонгическихъ сочетаній ыг, ыл съ исходящимъ видомъ долготы подъ удареніемъ, а и.-евр.

ѣ, І (ѣ, ѣ)—въ видѣ сочетаній ыг, ы съ восходящимъ видомъ долготы подъ ударенiemъ.

Примѣчаніе. Шахматовъ предполагаетъ удлиненіе и.-евр. ѣ, І краткихъ въ положеніи предъ согласнымъ въ балтійско-словянскую эпоху, причемъ дифтонгическое сочетаніе іг (ыг) изъ и.-евр. аѣ имѣло другую долготу, чѣмъ іг (ыг) изъ и.-евр. аѣ, ор. сіт. Къ исторіи и т. д., 4 с.

§ 23. Сонорные м, н праслов. языка восходятъ къ и.-еврон. м, н: прасл. *merti (др.-ц.-сл. *мрѣти*, р. *мереть*), ер. съ лит. mirti, др.-инд. mrti-ś (смерть), лат. morior; прасл. *zima (др.-ц.-сл. зима, р. зима), ер. съ лит. žemà (зима), др.-и. hémam (зимой), греч. χειμα (буря); прасл. *надъ (др.-ц.-сл. *нагъ*, р. *нагъ*), ер. съ лит. nágas, лат. nūdus; прасл. *огнь (др.-ц.-сл. огнь, р. *огонь*), ер. съ лит. ugnis др.-и. agnīś, лат. Ignis.

Въ извѣстныхъ случаяхъ праслов. м, н (неслоговые) восходить къ и.-евр. ყ, ყ, а именно въ сочетаніяхъ ыш, ып, получившихся изъ и.-евр. ყ, ყ (ѣр, ѣр)—въ положеніи предъ гласными. Въ положеніи предъ согласными неслоговые м, н исчезли, слившись съ предшествовавшими гласными въ одинъ носовой гласный (ср. выше, § 16).

§ 24. Губные взрывные р, ѣ являются въ прасл. на мѣстѣ и.-евр. 1) p, 2) b, 3) ph, 4) bh, т. е. въ словянскихъ взрывныхъ губныхъ р, ѣ совпали и.-евр. взрывные губные и взрывные губные придыхательные (аспирація сохранена въ др.-инд. языкѣ п въ греч., гдѣ ph, bh>φ): ср. 1) прасл. *plovo (др.-ц.-сл. *пловъ*, р. *плыву*) и др.-и. plávate (онъ плыветъ), греч. πλέω, лат. pluit, лит. plávju (мою); 2) прасл. *dobrъ (др.-ц.-сл. добръ, р. добро), лат. faber, др.-в.-и. tarfar; 3) др.-ц.-сл. *полица* (*шесть*, *жердь*)—др.-инд. phálaka-т (доска), греч. φέλας (скамейка для ногъ) Brugmann K. V. Gr. 252 с.; 4) прасл. *bojati сѣ (др.-ц.-сл. *боати* та, рус. *бояться*)—др.-инд. bháya-té (онъ боится); прасл. *byti (др.-ц.-сл. быти, р. быть)—лит. būti, др.-и. bhū-.

§ 25. Зубные взрывные t, d, подобно губнымъ р, ѣ—представляютъ рефлексы какъ и.-евр. 1) t, 2) d, такъ и и.-евр. придыхательныхъ зубныхъ 3) th, 4) dh (аспирація сохранена др.-и. языкомъ и греч., гдѣ и.-евр. dh>θ): 1) прасл. *tesati (др.-ц.-сл. *тиати*, р. *тесатъ*)—лит. jašytî (обтесывать, обрубать), др.-и. táksha-ti, греч. τέκτων (*плотникъ*), лат. texo; прасл. *рамѧть (др.-ц.-сл. *памѧть*, р. *памѧть*)—лит. at-mintis (память), др.-и. matiš (мысль), лат. mentem acc. s. (умъ); 2) прасл. *dѣva (др.-ц.-сл. *дѣва*, р. *дѣва*)—лит. dū (изъ *dvn̄'), др.-и. dvāy, греч. δέω, лат. duo; прасл. *voda (др.-ц.-сл. *вода*, р. *вода*)—лит. vandū, др.-и. udān-, греч. ὕδωρ, лат. unda; 3) прасл. *mętō (др.-ц.-сл. *мато*, рус. *мятъ*)—лит. mentūgē, др.-инд. mántha-ti (трогаетъ); 4) прасл. *dojō (др.-ц.-сл. *дөю*, р. *дою*)—лит. délē (плявка), др.-и. dháya-ti (онъ сосетъ); греч. θήβατο (онъ сосаль), лат. fēlo.

§ 26. Взрывные задне-небные k, g в праслов. языка соответствуют различным оттенкамъ и.-евр. велярныхъ взрывныхъ: въ нихъ (k, g) сошли предполагаемые индо-евр. велярные: 1) k, g и придыхательное gh, 2) лабиализованные k^u, g^u и придыхательное g^h. И.-евр. k, g являются въ словянскомъ въ следующихъ примѣрахъ: прасл. *kopati (др.-ц.-сл. копати, р. копать)—лит. karoti (бить)—греч. κόλπω (бью); прасл. *pro-kъ (остальной), др.-ц.-сл. проkъ (остальной), р. проkъ, в.-проkъ—греч. πρόκα (точность), лат. recessus; прасл. *golgolati (др.-ц.-сл. глаголати,—лат. gallus; прасл. *igo (др.-ц.-сл. иго, р. иго) изъ *jъgo—лат. jugum, греч. ξυγόν.

И.-евр. gh является въ греческомъ въ видѣ χ, въ лат. въ видѣ h, въ словянскомъ же на его мѣстѣ находимъ g: прасл. *myglā (др.-ц.-сл. myglā, р. myglā)—греч. ὁμέχλη, др.-и. meghas (облако), лит. miglā.

И.-евр. лабиализованные k^u, g^u, g^{uh} являются въ греческомъ въ видѣ π (τ), β (δ), φ (θ), въ латинскомъ—въ видѣ qu (c), gu (v, g), f (gv, g, v), въ слов.—k, g: ср. прасл. *отъ-lěkъ (др.-ц.-сл. отъ-лѣкъ), и лит. at-lēkas, греч. λείπω (оставляю), λοιπός (послѣдний); прасл. *govēdo—лат. gūws (корова), греч. βοῦς; прасл. *gon-: ср. др.-ц.-сл. изгоня (изгнаніе)—греч. φέρος; прасл. *snēdъ (др.-ц.-сл. снѣгъ, р. снѣгъ)—греч. νίφα.

§ 27. Губной въ прасловянскомъ языка соответствуетъ и.-евр. ү: прасл. *vēdē (др.-ц.-сл. вѣдѣ, ср. р. вѣд-а-тъ)—др.-и. vēda, греч. (Ϝ)oīda, лат. video, гор. wait (и.-евр. корень *уeid—*уoid); прасл. *poνъ (др.-ц.-сл. поvъ, р. поvъ)—др.-и. návas, греч. ν(Ϝ)ος, лат. novus (и.-евр. *neūos).

О новомъ у изъ ү, развившемся въ известныхъ условіяхъ на словянской почвѣ ср. ниже § 58.

§ 28. Зубной спирантъ s въ прасловянскомъ языка—различного происхожденія; онъ восходитъ: 1) къ индо-европ. s: прасл. *sedmъ (др.-ц.-сл. седмъ, р. семь)—др.-и. saptā, лат. septem, лит. septyn, гор. sibun; прасл. *sestra (др.-ц.-сл. сестра, р. сестра)—др.-и. svásar-, гор. swistar, прасл. *sēmę (др. ц.-сл. гѣмѧ)—лат. sēmen; 2) къ и.-евр. палatalному ꙗ (k); ср. прасл. *desetъ (др.-ц.-сл. десять, рус. десять)—др.-и. dáša, лат. decem, греч. δέκα, лит. dēšimtis; прасл. *vъsъ (др.-ц.-сл. въсъ—деревня)—лат. vīcus, греч. οἴκος; и.-евр. ꙗs также давало s: прасл. *desnъ или *desňъ (др.-ц.-сл. десни)—лит. dešinē, греч. δέξιος, лат. dexter (и.-евр. *defsno-, *deksno); 3) s являлось въ прасловянскомъ, какъ результатъ измѣненія сh въ положеніи передъ палatalными гласными (i, ё), получившимися изъ болѣе древнихъ дифтонговъ oi, ai: н. с. *duchъ—loc. с. *dusē, н. pl. *dusi (др.-ц.-сл. дѹхъ-дѹгъ, дѹги), ср. ниже, § 54.

§ 29. Прасл. z восходитъ или къ и.-евр. z, или же къ и.-евр. палatalному g, gh: 1) прасл. *myzda (др.-ц.-сл. myzda, рус. мѣда)—гор. mizdb, греч. μιοθός; прасл. *mozgъ (др.-ц.-сл. мозгъ, р. мозгъ)—авест.

mazga-; 2) и.-евр. палатальное g является въ др.-инд. въ видѣ j и въ греч. въ видѣ γ, тогда какъ индо-евр. gh (придыхательное палатальное g) въ др.-и. дало h, въ греч. χ; въ славянскомъ на мѣстѣ того и другого имѣемъ z:ср. прасл. *zlati (др.-ц.-сл. знати, р. знать)—греч. γεγόνος, др.-и. janāti, лит. žinoti, лат. gnosco; прасл. *vezъ (др.-ц.-сл. везти, р. возь)—греч. Ζέχω, прасл. *vezъ (др.-ц.-сл. везти, р. возу)—лат. vaho, др.-и. vahati (онъ везетъ).

§ 30. Прасл. сh представляетъ собою звукъ, явившійся на славянской почвѣ на мѣстѣ индо-евр. s въ известныхъ условіяхъ, о которыхъ см. ниже, въ § 56.

Гипотеза Педерсена L. F. V, 550 с., K. Z. XXXVIII, 388 с., что прасл. сh въ некоторыхъ случаяхъ восходитъ къ и.-евр. kh, не всѣми принимается: ср. Uhlenbeck L. F. XVII, 95 с.

Прасл. š и ž явились на славянской почвѣ: š на мѣстѣ болѣе древняго s въ положеніи предъ j, а также на мѣстѣ болѣе древняго ch въ положеніи предъ палатальными гласными и j; ž явился на мѣстѣ болѣе древняго z въ положеніи предъ j; ср. §§ 53, 57.

Примѣры: 1) сh изъ и.-евр. s: прасл. *duchъ (др.-ц.-сл. дѹхъ, р. духъ)—лит. duusos plur. (воздухъ); прасл. *blъcha (др.-ц.-сл. блъха, р. блога)—лит. blusas; прасл. *mucha (др.-ц.-сл. моуха, р. муха)—лит. musė, лат. musca; 2) š изъ sj: прасл. *pišetъ 3 s. praes. (др.-ц.-сл. пишетъ, др.-р. пишеть изъ pišjetъ ср. *pisati, *ryzati (др.-ц.-сл. пытati, пишati); 3) ž изъ ch въ положеніи предъ j и палатальными гласными: прасл. *duša (съ первоначально палатальнымъ š) изъ duchja (др.-ц.-сл. дѹшиа, р. дѹшиа); прасл. *duše voc. s. отъ *duchъ (др.-ц.-сл. дѹши)—изъ *duch+ e; прасл. *dušiti (др.-ц.-сл. дѹшити, рус. душитъ) изъ duch-i-ti; 4) ž изъ z+j: прасл. *vęžo (др.-ц.-сл. вѣжъ, р. вѣжу) изъ *vęz-jø ср. *vęzati (др.-ц.-сл. вѣзати, р. вѣзетъ).

§ 31. Прасл. j восходитъ къ и.-евр. j или i: прасл. *juncъ (др.-ц.-сл. юнъ, р. юный)—лит. jaunias, лат. juvenis.

Кромѣ того въ известныхъ условіяхъ, о которыхъ ср. § 58, развидался i, переходившій въ j, на славянской почвѣ.

§ 32. Аффрикаты с, dz, č, ġ (dž), первоначально смягченныя, явились на славянской почвѣ на мѣстѣ болѣе древнихъ задне-обныхъ k, g въ положеніи ихъ предъ j или палатальными гласными. Полнѣе объ этомъ въ §§ 53, 54, 55.

Чередование гласных въ праславянскомъ языке.

§ 33. Отдельные индо-евр. языки, сравниваемые между собою, даютъ указания на то, что въ индо-евр. пражазыкѣ имѣло мѣсто такъ называемое *чертежование гласныхъ*, т. е. мѣна гласныхъ въ различныхъ формахъ одного и того же слова или же въ различныхъ словахъ, заключающихъ въ себѣ одинъ и тотъ-же корень.

Такое чередование могло быть *качественнымъ* или *количественнымъ*; качественнымъ оно было, если чередовались гласные различного мѣста образования, напр. гласный *e* и гласный *o*; подъ количественнымъ чередованиемъ разумѣются такія чередования, какъ *e* и *ē*, *o* и *ō*.

Причины чередования гласныхъ въ индо-европ. языкахъ не вполнѣ ясны, поскольку, по крайней мѣре, дѣло касается *качественного* чередования. Количественное чередование, какъ принято думать, явилось въ результатѣ большаго или меньшаго сокращенія сонантическихъ элементовъ слога въ зависимости отъ отношеній акцентуативныхъ, т. е. положенія дальнаго слога по отношенію къ мѣсту ударенія въ словѣ; причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣли значеніе акцентуативные отношенія цѣлой фразы или предложения, т. е. того синтаксического цѣлаго, въ составъ которого входило данное слово.

Каждый изъ отдельныхъ индо-евр. языковъ, въ томъ числѣ и славянскій пражазыкъ, унаследовалъ изъ праиндоевропейской эпохи известную систему чередованій, которая затѣмъ на почвѣ каждого изъ этихъ языковъ подвергалась тѣмъ или другимъ измѣненіямъ. Съ одной стороны нѣкоторыя формы индоевропейскихъ чередованій могли въ силу тѣхъ или другихъ причинъ исчезать въ томъ или другомъ языке или же измѣняться свой первоначальный видъ; съ другой стороны могли возникать новыя чередованія.

Значительное большинство чередованій, которыя находимъ въ славянскихъ языкахъ и которыя на основаніи показаний этихъ языковъ можно возвести къ праслов. эпохѣ, представляетъ собою факты индоевропейского происхожденія. Поэтому, главный вопросъ, который является по отношенію къ праславянскимъ чередованіямъ, можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: *какими измѣненіями подверглись индоевропейскія чередованія на почвѣ праславянского языка?*

§ 34. Основной формой индоевроп. чередованія, которое можно назвать *качественнымъ*, является чередование гласныхъ *e* и *o*, причемъ въ результатѣ редукціи слога является полное отсутствіе гласного или же редуцированный гласный. По мнѣнію Фортунатова, на этой ступени,— редукціи гласныхъ краткихъ,—является въ индоевроп. пражазыкѣ «слово-

гово́й иррациональный гласный», обозначаемый имъ знакомъ *α*; этотъ гласный въ извѣстныхъ условіяхъ могъ, по Фортунатову, совершенно исчезать.

Приложе́ние. Подъ «иррациональнымъ гласнымъ» Фортунатовъ разумѣеть «очень краткий» гласный,—короче нормально краткихъ гласныхъ: ср. K. Z. XXXVI, 38 и сл.

Параллельно этому чередованію *e:o:a* (или же нуль) существовало чередованіе *ē:ō:ā*, т. е. въ результатѣ редукціи гласнаго *ē*, чередовавшагося съ *ō*, въ и.-европ. являлся гласный *ā* (ср. выше, § 12) или же такъ-же, какъ и въ первомъ случаѣ, нуль.

Рядомъ съ чередованіемъ *e* и *o*, *ē* и *ō* въ и.-европ. предполагаютъ чередованіе *a*:*o* и *ā*:*ō* (ступеня редукціи—тѣ-же, что и при чередованіяхъ *e*:*o*, *ē*:*ō*).

Формами количественного чередованія являлись чередованія:

e:ē

o:ō

a:ā

Соединеніе качественныхъ и количественныхъ рядовъ въ группѣ словъ одного и того-же корня давало болѣе сложные ряды чередованій:

ē:ō:e:o:a (или нуль)

ā:ō:a:o:a (или нуль)

Необходимо отмѣтить, что исчезновеніе гласнаго въ результатѣ редукціи слога въ извѣстныхъ условіяхъ влекло за собою образованіе новаго слогового звука: а именно, если гласный, который подвергался редукціи, находился въ сосѣдствѣ съ сонорнымъ *g*, *l*, *m*, *n*, *ŋ* или *j*, то—этотъ сонорный становился слоговымъ; такъ, *eimēs давало *īmes: ср. др.-и. imás (мы идемъ) и греч. εἴμει (пойдутъ),—послѣднее со ступенемъ *e*, тогда какъ др.-инд. форма представляетъ ступень редукціи, точно также *sueptō-s дало въ результатѣ редукціи *suptōs: ср. др.-инд. suptā-s (заснувший) и съ другой стороны старо-исландское suefn (сонъ).

Въ иныхъ случаяхъ въ результатѣ редукціи вмѣстѣ съ гласнымъ исчезала слогъ; такъ, *eјénti давало jénti: ср. др.-и. yánti (они идутъ), *esénti давало *senti: ср. др.-и. sánti (они суть), а съ другой стороны греч. ἔστι, др.-инд. ásti (онъ есть).

Приложе́ние. Эти явленія, относящіяся къ ступенямъ редукцій, получаютъ иѣсколько иную формулировку у Фортунатова: въ результатѣ редукціи гласнаго являлось слоговое иррациональное *α*, которое въ положеніи предъ сонорными *g*, *l*, *m*, *n* + согласный становилось неслоговымъ, тогда какъ сонорный становится слоговымъ; такимъ образомъ: 1) въ соответствии слогамъ *eg*, *et*+*somгласный*—на ступени редукціи получилось *əg*, *ət*+*sогласный*; 2) на мѣстѣ сло-

говъ отъ егъ предъ гласникъ, по Фортунатову, получалось: а) въ положеніи въ первомъ слогѣ слова предъ ударяемымъ слогомъ —*αγ'*, б) въ другихъ же положеніяхъ отчасти *αγ'*, отчасти же г., т. е. слоговое *α* исчезало, а г оставалось неслогообразующимъ; 3) въ положеніи предъ *ι* и *υ*, во Ф., слоговое *α+ι*, *υ* измѣнилось въ неслоговое *α+i*, и, откуда затѣмъ *i*, и и т. д., ср. вышеупомянутую статью въ К. З. XXXVI.

Аналогично указанному выше чередованію *eij*, *eū* съ *i*, *u*, явившимися въ результатѣ редукціи *e*, — слоги *eij*, *ōj*, *āj* предъ согласнымъ на ступени редукціи давали *I*, *o*; такъ, **dheitós* дало **dilitós*: ср. др.-инд. *dilitás* (вышившій) и др.-и. *dhauy-ś* (жаждущій). Посредствующей ступенью отъ *eij*, *eū*, *ōj*, *āj*, *aū*, вѣроятно, было *ēi*, *ēu*.

Долгій сонорный, — *I*, *ī*, *ū*, *ū̄*, *ř*, *l̄*, — могъ являться также въ результатѣ редукціи двухсложнаго комплекса: *bēr*, *eūr*, *ēpēr*, *ēgēr* (на ряду съ *īja*, *īpa*, *ōra*, *ōta*, *ōrə*, *ōrə*); такъ, при **bhēdētū-t* являлось **bhētō-s*: ср. др.-инд. *bhávitum* (супинъ отъ глагола *bhātō*) и др.-и. *bhātā-s* (причастіе отъ того-же глагола).

Послѣ этихъ замѣчаній объ индо-европейскомъ чередованіи можно обратиться къ чередованію гласныхъ въ прасловянскомъ языкѣ.

§ 35. Унаслѣдованный отъ индо-европ. языка чередованія подвергались въ прасловянскомъ въ силу различныхъ причинъ значительнымъ измѣненіямъ и сокращеніямъ.

Такъ, чередованіе *o—e* въ пом. в. и уос. в. именъ муж. рода, — греч. *ἀβελφός*—*ἀβελφε*, — въ прасловянскомъ языкѣ исчезло послѣ того, какъ на мѣстѣ *-os* явилось, фонетически или нефонетически, *ъ*: ср. др.-ц.-сл. *блжкъ*—*блжче*, *рабъ*—*рабе* и т. п. Точно такъ-же исчезло чередованіе *o—e*, которое въ и.-европ. имѣлось въ формахъ различныхъ лицъ настоящаго времени: **bher-ō* 1 ед., **bher-e-si* 2 ед., **bher-e-ti* 3 ед., **bher-o-mos* 1 множ., **bher-e-te* 2 множ., **bher-o-nti* 3 множ.

Это чередованіе *e—o* въ формахъ наст. врем. еще сохранилось въ греческомъ: *φέρω* 1 ед., *φέρομεν* 1 множ., *φέρεται* 2 ед., *φέρετε* 2 множ. Но уже въ прасловянскомъ языкѣ, какъ можно думать въ виду сопоставленія фактівъ отдаленныхъ славянскихъ языковъ, это чередованіе *e—o* въ данныхъ формахъ исчезло: въ 1 л. мн. явилось *e* вмѣсто первонаучальнаго *o*: **begētē* (др.-ц.-сл. *беремъ*, р. *беремъ*, пол. *berzemy* и т. д.), въ 3 л. мн. *o* исчезло, слившись съ послѣдующимъ *u* въ носовое *o*; носовое *o* явилось и въ 1 л. ед. ч. Въ формахъ двойств. числа это чередованіе исчезло также: праслов. **begēvē* 1 л. дв. (др.-ц.-сл. *берекъ*)—**bereta* 2 л. дв. (др.-ц.-сл. *берета*); въ индо-евр. въ 1 дв. ч. было—*o*—(впрочемъ арійская *vētvь* и готскій указываютъ на *ō*).

Приложніе. По мнѣнию Meillet, MSL. XIV, 198 с., съ въ *вегемтъ, *вегевѣ явилось подъ влияниемъ формъ *знаєшъ (др.-ц.-сл. знаєшъ), *знаїевѣ (др.-ц.-сл. знаїевѣ), въ каковыхъ формахъ сочетаніе ю фонетически измѣнилось въ је. Въ формахъ аориста старое чередованіе отчасти еще сохранилось:ср. др.-ц.-сл. (падж-паде—падѣ) падомъ I мн. — падеѓе — падѣ.

Въ иныхъ случаяхъ нормы индо-европейскаго чередованія, унаследованныя прасловянскимъ языкомъ, болѣе или менѣе измѣнили свой видъ.

§ 36. И.-евр. чередованіе е:о:а (или нуль) являлось въ прасловянскомъ въ видѣ чередованія е:о:ь (или нуль) въ положеніи предъ согласнымъ. Такое чередованіе имѣется, напримѣръ, въ прасл. *bredо: *broditi; *brъdomъ: ср. др.-ц.-сл. бреди; бродити, непрѣбѣдомъ; р. бреду; бродить, др.-чеш. břdu, brdu.

Болѣе сложный рядъ чередованій: е:ö:е:о:а (или нуль) является въ праслов., вслѣдствіе измѣненія ö въ а и е въ ё, а въ ь, въ видѣ ряда: ё:а:е:о:ь, причемъ въ иѣкоторыхъ случаяхъ та или другая изъ этихъ ступеней могла не быть представленной. Такъ, въ прасл. *gnetо: *u-gnѣt-a-ti (др.-ц.-сл. гнѣтъ — оутѣтати) имѣть ступени е и ё; въ прасл. *pletо: *plotъ: *svyplѣtati (др.-ц.-сл. пlettъ — плотъ, о-плотъ, сяплѣтати) отражаются ступени е, ё и о; въ прасл. *reko: *rѣcъ (аористъ): *rokъ: *гъсі (др.-ц.-сл. рекъ — рѣкъ — рокъ (про-рокъ) — рыси повел. накл.) имѣть ступени е, ё, о, а; въ прасл. *bodо: *basъ aor., (др.-ц.-сл. бодж — касъ) — ступени о и ö; въ отношеніи прасл. *јести, *јesi, *јестъ и т. д. и *sotъ 3 л. мн. ч. (др.-ц.-сл. јесмъ, јеси, јестъ — сѣтъ) ступень е чередуется со ступенемъ редукціи съ полнымъ исчезновеніемъгласнаго; въ отношеніи прасл. *sѣdѣti: *sadъ (др.-ц.-сл. сѣдѣти — садъ, пол. siedzieć — sad) — ступень е чередуется со ступенемъ ö; ступень e Meillet видѣть въ формѣ *въведенія* Пражскихъ листковъ. M. S. L. XIV, 337 с.

Въ иѣкоторыхъ случаяхъ чередованіе затѣмнено измѣненіемъ предшествующаго гласному е согласнаго: таково отношеніе между kos- въ *kosnoti (др.-ц.-сл. коснѣти, рус. коснуться) и *česati (др.-ц.-сл. чесати, р. чесать); таково же отношеніе между *choditi (др.-ц.-сл. ходити, р. ходить) и *švadъ (др.-ц.-сл. шадж, шамз, рус. шадъ, при-шадити), гдѣ ступень о чередуется со ступенемъ редукціи.

§ 37. Въ положеніи предъ сонорными г, ғ нормы и.-евр. чередованія подверглись въ праслов. иѣкоторому сокращенію. Сочетанія ег—ог—ёг—ог въ положеніи предъ согласнымъ, сохранивъ свой прежний порядокъ звуковъ (по крайней мѣрѣ въ древнѣйшей періодѣ жизни праслов. языка), измѣнились однако въ томъ отношеніи, что г, ғ становились долгими или же слоговыми (ср. др.-ц.-сл. ра, ма, фѣ, лѣ, русск. оро, ере, оло, еле); слоговыми становились также г, ғ на ступени редукціи,—въ сочѣ-

танихъ ыг, ы предъ согласнымъ (ср. выше § 22). Кроме того, праслов. языке, повидимому, потерял различие между ё и е, о и о въ положении предъ г, 1+согл., и различие между сочетаниями егт и ёгт, орт и ёрт отразилось лишь въ качествѣ ударения (интонаціи) дифтонгического сочетания ег, ог, ел, ол; а именно,—предполагаютъ, что изъ сочетания ог получилось дифтонгическое сочетание съ тѣмъ видомъ долготы подъ ударениемъ, которая въ славянскомъ была исходящей и которая дала затѣмъ въ русскомъ двухсложное сочетание оро; а изъ ог получалось сочетание съ тѣмъ видомъ долготы подъ ударениемъ, которая въ слов. была восходящей и которая дала въ русскомъ—оро: лит. *uāfnas*, р. воронъ, серб. вран изъ **vornos* и лит. *vāgna*, р. ворона, серб. врана, чеш. *vrána* изъ **vōrnā*; ср. Meillet M. S. L. XIV, 195 с., Pedersen K. Z. XXXVIII, 297 с.

Примѣчаніе. Процессъ получения изъ и.-евр. ог и ог прасл. сочетаний съ одинаково краткимъ о, повидимому, состоялъ въ томъ, что въ сочетаніи ог сократилась первая часть и удлинилась вторая, такъ-же какъ и въ сочетаніи ог.

Наконецъ, и.-евр. группы егт, огт, ейт, ойт совпадали съ группами егт, орт, елт, оlt, а на ступени редукціи являлись въ томъ же видѣ, что и сочетанія егт, елт, т. е. въ видѣ ыг, ы, вѣроятно, со слоговыми и долгими г, л; различие между ыг (ы), которое получалось въ результатахъ редукціи егт, и тѣмъ, которое представляло ступень редукціи сочетанія егт, сводилось къ разницѣ интонаціи (ср. выше, § 22).

Такимъ образомъ, и.-евр. сочетанія ег:ог:г (аг), ел:ол:ы (а) являлись въ прасл. а) предъ гласнымъ въ видѣ ег:ог:ыг, ел:ол:ы съ неслоговыми г, л; б) предъ согласнымъ—въ видѣ ег:ог:ыг, ел:ол:ы съ долгими или слоговыми г, л въ сочетаніи съ е, о и со слоговыми г, л въ сочетаніяхъ ыг, ы.

Ступень ег, ел, ог, ол предъ согласнымъ являлась также въ видѣ ег, ел, ог, ол съ долгими или слоговыми г, л,—съ иной интонаціей; ступень ы (аг)—въ видѣ сочетанія ыг со слоговымъ долгимъ г, также съ извѣстнымъ видомъ интонаціи.

Примѣры: **bergō* : **borgō* : **þyrgati* (др.-ц.-сл. *бергъ*—(ск.)*борг*—*къргати*); ступень ег предъ согласнымъ въ **bertmę* (др.-ц.-сл. *бергъ*); то-же въ **þygō*: **terti* : **torgъ* (др.-ц.-сл. *терть*, р. *тереть*, др.-ц.-сл. *проторгъ*); **mýrgō* : **meriti* : **morgъ* (др.-ц.-сл. *мергъ*, *мрѣти*—р. *мереть*, *моргъ*); ступень ыг также въ **sþ-þyrgtъ* (др.-ц.-сл. *смерть*, р. *смерть*); **výrgħo* : **verchti* : **vorelħi* (др.-ц.-сл. *връхъ*—*крѣгти*—*крахъ*, р. *ворохъ*); **výgt-ð-ti* : **verteno* : **vort-i-ti* (др.-ц.-сл. *крайти*,—р. *верстено*—др.-ц.-сл. *кратити*, р. *воротить*); ступень ег также—въ **vertmę* (др.-ц.-сл. *бергъ*, др.-р. *веремъ*), ступень ыг—въ **výrsta* (др.-ц.-сл. *крыста* ср. р. *с-верст-никъ* съ ер изъ ыг); **dýlbō* : **delbtō* :

*dolbto (др.-ц.-сл. **длъкъ**, серб. длијето съ иje изъ ё, а љ изъ ej, р. **долото** съ оло изъ ol); *до-уы-ѣти : *vel-ѣти : *volja (др.-ц.-сл. **девълѣти** : **волѧ**).

§ 38. Въ положениіи предъ сонорными т, н старая форма чередованія сохранилась лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда за сонорными т, н стѣдоваль гласный; предъ согласными сочетанія on, en давали носовые гласные o, e, а ступень редукціи болышею частью являлась также въ видѣ e. Такимъ образомъ, двѣ различныя первоначально ступени корня: e и a въ положениіи предъ т, н совпали въ одной. Сочетанія ёm, ёn, om, on и дали тѣ-же носовые гласные o, e; вѣроятно, различіе сводилось къ различію интонації.

И.-евр. ѣ, 旣 (am, ab) такъ-же совпадали, оставляя въ сторонѣ интонацію, съ рефлексомъ и.-евр. т, ყ (am, aq).

Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи и.-еврои. сочетаніемъ en : ёn : on : 旣 : ყ и em : ёm : om : on : 旣 : ყ въ положениіи предъ согласнымъ, въ праслов. обычно имѣли мѣсто e и o.

Примѣри: *ženq : *gъnatи : *goniū (др.-ц.-сл. **женѣ** — **гнити**, **гоньцы**); *па-ѣньq : *pa-ѣти (изъ па-сѣн-ti) : *коп-ѣсь (др.-ц.-сл. **начинѣ** — **начати**—**коньцы**); *уъз-ышq : *uъz-ѣти (др.-ц.-сл. **узъмъ**—**бязати**); *ръно : *рона (др.-ц.-сл. **пропынѣ**—**пропати**—**спона**); ступень o (предъ согласнымъ) также въ *roto (др.-ц.-сл. **плото**); *gъymѣти—*gтоимъ (др.-ц.-сл. **громѣти**—**громъ**); *гуьщѣти : *зконъ (др.-ц.-сл. **зкынѣти**—**зконъ**); *bleđo, *blesti—*блѣдъ (др.-ц.-сл. **блѣдѣ**, **блѣсти**—**блѣдъ**); *třeso, *tresti : *trоšъ (др.-ц.-сл. **тромгѣ**, **тромчи**—**тромгъ**); *měto, městi : *mötiti se (др.-цер.-слов. **матѣлѣ**, **мати**—**матитиса**).

§ 39. Въ положениіи предъ неслоговыми і старая формы чередованія въ праслов. подверглись существеннымъ измѣненіямъ: уже въ прасл. эпоху e|-согласный дало i+согл.; o|-согл. дало ё+согл.; на ступени редукціи получалось і; въ положениіи предъ гласнымъ старая формы чередованія подвергались преобразованію въ силу того, что е въ положеніи предъ ј измѣнялось въ ѿ. Кромѣ того въ положениіи предъ согласнымъ, повидимому, уже въ прасл. было утеряно различіе между бі и oj, eі и ei въ томъ отношеніи, что слоговая часть дифтонговъ eі, oj подверглась сокращенію, и первоначальное различіе между бі и oj, eі и ei отражалось лишь въ интонації.

Такимъ образомъ, въ соотвѣтствіи и.-евр. ряду чередованій -eі : eі : oj : oj : i въ прасл. получался въ положениіи предъ согласнымъ рядъ i : i : ё : ѿ : ѿ, въ положениіи же предъ гласнымъ—въ соотвѣтствіи и.-евр. ряду ej—ej—oj—oj—j или ij, въ прасл. получался рядъ: ѿ : ej : oj : aj : j или ij.

Изъ и.-евр. еј въ результатахъ редукціи являлось і (І).

Разумѣется, одинъ и тотъ же корень можетъ имѣть примѣры, относящіеся какъ къ первому, такъ и ко второму роду. Примѣры: *bítí: býjо: *бојь, —ср. др.-ц.-сл. вити — книж. — воин; *počítí: *počýjо: *ро-ко-јо: ро-ка-я-ти (др.-ц.-сл. почити: починкъ: покой — поканати); *gnítí: *gnyjо: *гнојь (др.-цер.-слов. гнити : гнилъ : гной); *vítí: *výjо: *ро-војь: *вёјо: *вёпъкъ (др.-церк.-слов. вити — книж. — кѣ-ниꙗ); *doјо: *déjtę (др.-ц.-сл. дејкъ — дѣтъ), где ё можетъ восходить или къ ё или къ ої предъ согласнымъ; *svýtö: *cvistí: *свѣть (др.-ц.-сл. цвѣтъ — цветисти — цвѣтъ); *(pri)-lýrěti: *(pri)-lipati: *(pri) lěrěti (др.-ц.-сл. прыльфти — прилипати — прыльбнити); *svýtěti: *svitai: *světъ (др.-ц.-сл. скытѣти — скитати — скѣтъ).

§ 40. Въ положеніи предъ неслоговыми и первоначальными формами чередованія въ праслов. также подверглись существеннымъ преобразованіямъ.

Дифтонгъ еи въ положеніи предъ гласнымъ, по крайней мѣрѣ не-палатальнымъ, давалъ слогъ ou-; предъ палатальнымъ гласнымъ первоначально, быть можетъ, сохранялось ев:ср. прасл. *devěть (др.-ц.-сл. дѣвѣть, р. девять), Meillet Génitif-accusatif, 84 и сл. На ступени редукціи, въ положеніи предъ гласнымъ, являлось ѿу.

Такимъ образомъ, и.-евр. чередованію:

eu + гласн.: ou + гласн.: i + гласн.

въ праслов. соотвѣтствовало, обычно,—

ov : ov : ū.

Въ положеніи предъ согласнымъ изъ еи получилось обычно ю, а изъ ou — u, и, следовательно, чередованіе:

eu + согл.: ou + согл.: i + согл.

являлось въ прасл. въ видѣ:

ju: u: ū (или его удлиненія ū).

Въ некоторыхъ случаяхъ ступень eи была вытѣснена подъ влияниемъ аналогіи ступеню ои; такъ, по предположенію Meillet, отношеніе *rovо: revеši (изъ *reč-о: *reč-eši): *rjnti (изъ *reč-ti) дало съ одной стороны: rovо: roveši: ruti, съ другой — revо: revеši: rjnti; M. S. L. XIV, 355 стр.

Къ этому должно добавить, что ёи, ои, аи съ долгой слоговой частью въ положеніи предъ согласнымъ, повидимому, сократили ее въ прасловянскомъ, и, следовательно, на мѣстѣ и.-европ. ряда

eu—ёи—ou—ои—и (II)

въ положениі предъ согласнымъ въ прасл. являлось: ю:и:ъ (у), вѣроятно, съ различiemъ въ интонацii, въ зависимости отъ происхожденiя изъ ёи, ба или изъ еи, ои. Въ положениі предъ гласнымъ изъ и.-евр. чередованiя ец: ёи:оц:бц:и являлось въ праслов., вѣроятно,—ов: ёи:ав:ъу или у. Наконецъ, изъ еца въ результатѣ редукцii получалось, у (и).

Примѣры: *kovati : *kiujъ : *kyujъ : kъzny (др.-ц.-сл. ковати, кокъ, рус. кую, древн.-перс.-слов. кми, кизнь, рус. козни); *pluvi : *plovo : *plavъ, *plaviti : *plѣть (др.-ц.-сл. плаути — плекъ — плахти — пахтъ); *slovо : *slutъ : *slyti : *slava (др.-ц.-сл. словъ — слоути — славтие, р. слить, пол. slynacъ, лака); ср. также *sluclъ : *slyš-a-ti (др.-ц.-слов. слоухъ, слышати); *truti : *troyo : *trava (др.-ц.-сл. троути : трокъ : трака); *zovо : *zъvati : *zъ-zvati (др.-ц.-сл. зовъ — зжати — скжжати); *bljujo : *blyvati (др.-ц.-сл. блюжъ — бльвати); *pljujo : *pльvati (др.-пер.-слов. плюжъ — пльвата); *kryujъ, *kryti : *krъvenъ : *krovъ (др.-ц.-сл. кръти, кръжъ — скръжкенъ — кръжъ); *u-pujo, *u-pyti : *u-naviti (др.-ц.-сл. онужъ — оунжти — чеш. unaviti = утомлять); *bljudъ : *bljusti : *bъdѣti (др.-ц.-сл. блюдъ, блюстъ — воудити, блудѣти); *dъchnoti : *dychatи : *duchъ (др.-ц.-сл. дххнѣти — дххати — леухъ); *krušiti : *krъsha (др.-ц.-сл. ск-кроушити : кръха); *rušitъ : *ruchitъ (др.-ц.-сл. роушити — р. рыхлы); *stydъ : *studъ (др.-ц.-сл. стыдны, р. стыдъ — гроухъ).

§ 41. Индо-европ. чередованiю ё:б:э въ прасл. должно было соотвѣтствовать чередованiе ё:а:о. Чередованiе ё:а:, можетъ быть, представлено примѣрами: *lězo : *laziti (др.-ц.-сл. лѣзъ — лазити); *rězati : *raziti (др.-ц.-сл. рѣзати — разити); *čadъ : *kaditi (čadъ изъ сѣдъ, а это изъ kѣдъ; др.-ц.-сл. чадъ — кадити). Ступень э въ чередованiи съ ё трудно установить на примѣре; быть можетъ, она сохранилась въ *срогъ (др.-ц.-сл. споръ, р. спорый, спориться) при *spěti (др.-ц.-сл. спѣти). Чередованiе а:э отражается въ *stati : *stojo (др.-ц.-сл. стати — стоик); чередованiе б:нуль — въ *dati : *dамъ (изъ da-d-ти съ удвоенiемъ); ср. др.-ц.-сл. дати : дамъ. Слогъ ца или цо на ступени редукцii даваль и; такого происхожденiя п. т. е. у является, повидимому, въ прасл. *chytiti (др.-ц.-сл. хитити); ср. *chvatati (др.-ц.-сл. хватати) и въ прасл. *kys-noти (др.-ц.-сл. киснити); ср. *kvasy (др.-ц.-сл. квасъ).

§ 42. Унаслѣдованныя отъ и.-европ. языка чередованiя въ иѣкоторыхъ случаяхъ послужили образцомъ для новыхъ чередованiй, возникшихъ на прасл. почвѣ. Такъ, по аналогии чередованiя е/ё, о/о въ *pleto : *stъplѣtajъ (др.-ц.-сл. пастъ — скпастай), *rodjо : *radjajo (др.-ц.-сл. рождѣй — рождаю) явилось не только *svobadjajo при *svobodjo (др.-ц.-слов. сквождѣй — скваждаю), но и *umigajo при *migro, *nadymajo при *nadѣmo (др.-ц.-сл. оумирать — мѣро, надгиматъ — дхмѣ), т. е. по аналогии чередо-

ваній е: ё явилось чередование і:ї и и:о. Такъ-же *os्यрноті, *оглѣчноті, *оснгтноті, образованыя отъ именъ *slépъ, *gluchъ, *chromъ, явились подъ вліяніемъ аналогіи: *usъноті, *—фѣchnоті, *—krъsnоті, *lърноті, *stъchноті и т. п. Слѣдовательно, отношение: l р- : l р- послужило основаніемъ для появленія sl р- при sl p-, и отношение duch- : dъch- повело къ появленію g ch- при gluch;ср. др.-ц.-сл. ~~ослыпнти~~, ~~оглахнити~~, ~~охранити~~ и р. ~~оімбхннуть~~ при ~~глухой~~.

§ 43. На ряду со старыми, унаследованными отъ и.-евр. эпохи чередованиями въ прасл. языкѣ образовался новый рядъ чередованій,— вслѣдствіе известныхъ звукоизмѣненій на праслов. почвѣ. Таковы чередованія ъ и ь, о и е, получившіяся вслѣдствіе измѣненія ъ и о послѣ ѿ въ ь и е: *богъ : *копъ; *seлo : *роje; *бог-отъ : *конj-емъ (др.-ц.-слов. ~~богъ~~—~~конъ~~; ~~село~~—~~поле~~; ~~богемъ~~—~~конемъ~~); таково чередование ё и і въ формѣ *sel  : *pol j (др.-ц.-сл. ~~селъ~~—~~поли~~), получившееся вслѣдствіе измѣненія оі послѣ ѿ въ еї, откуда і; таково чередование у и і въ *sely : *poli (др.-ц.-сл. ~~селъ~~—~~поли~~), чередование ё и а въ *vid ti : *sly ati (др.-ц.-сл. ~~видѣти~~ : ~~слишати~~), гдѣ а получилось изъ ё послѣ мягкихъ неслоговыхъ, наконецъ, чередование у : є въ *богу асс. pl. : *konj  (др.-ц.-сл. ~~богъ~~—~~конъ~~) или въ фф. причастія *nesy : *vid  (др.-ц.-сл. ~~неси~~—~~видѣ~~), гдѣ у получилось изъ опт., а є изъ—int.

Примѣчаніе. Ср. Meillet, Les Alternances vocaliques en vieux slave; M. S. L. XIV. Brugmann K. V. Gr. 138 и сл.

Прасловянскія звуковыя явленія.

§ 44. Праслов. эпоха, какъ было уже отмѣчено выше (§ 2) представляетъ собою болѣе или менѣе продолжительный періодъ, на протяженіи котораго имѣть мѣсто цѣлый рядъ звуковыхъ, а также и морфологическихъ явленій.

Съ цѣлымъ рядомъ такихъ звуковыхъ явленій, относящихся къ прасловянской эпохѣ, мы, въ сущности, уже встрѣтились, когда опредѣляли отношение прасловянскихъ звуковъ къ индо-европейскимъ.

Такъ мы видѣли, что ё, полученное прасл. языккомъ изъ и.-европ. на словянской почвѣ измѣнилось въ  ; что и.-европ. а измѣнилось въ праслов. въ о; что и.-евр. э, явившееся результатомъ редукціи долгихъ гласныхъ, совпало съ о; такимъ же образомъ дифтонгъ оі далъ въ прасл. въ известную эпоху его жизни звукъ ё, который явился также и на мѣстѣ и.-евр.  ; дифтонгъ ei далъ  ; долгій гласный   далъ у; дифтонги ou и  и въ положеніи предъ согласнымъ дали моногамонгъ  , а въ положеніи предъ гласнымъ сочетанія ou, au; дифтонги eu,  и въ положеніи

предъ согласнымъ дали ѹ, предъ гласнымъ оу (ев) єу; и и і измѣнились въ особые, редуцированные въ количественномъ отношеніи, гласные ѿ и ѿ; гласный ё послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ измѣнялся въ а; гласный о послѣ ѡ измѣнялся въ е, въ связи съ чѣмъ сочетаніе звуковъ юи дало і, гласный ѿ послѣ ѡ измѣнялся въ ы; изъ сочетаній «гласный + и, и» въ положеніи предъ согласнымъ получались отчасти носовые гласные, отчасти же гласные неносовые і, ы; индо-евр. ғ, լ, какъ долгіе, такъ и краткіе давали сочетанія ыг, ыլ съ неслоговыми ғ, լ въ положеніи предъ гласнымъ, но со слоговыми ғ, լ предъ согласнымъ; въ сочетаніяхъ ег, ог, еլ, ол въ положеніи предъ согласнымъ такъ же, какъ и въ сочетаніяхъ єғ, єг, єլ, єл въ томъ-же положеніи, одинаково получались долгіе ғ, լ, но краткіе е, о; согласные придыхательные kh, gh, ph, bh, th, dh измѣнялись въ простые k, g, p, b, t, d (быть можетъ еще въ дословянскую эпоху); небные лабіализованные совпадали съ нелабіализованными; палатальные k, g давали s, z; согласный s въ известныхъ условіяхъ измѣнялся въ ch; и.-евр. сочетаніе ſs дало s; сочетанія sj, zj давали ѿ, Ѿ; согласные k, g, eh въ положеніи предъ передненебными гласными изъ дифтонговъ, а также подъ влияніемъ предшествующихъ переднепебныхъ гласныхъ, въ известныхъ условіяхъ, перешли въ с, dz, s, въ положеніи же предъ ѿ и передненебными гласными иного происхожденія—въ є, Ѿ, ѿ.

Въ настоящей главѣ имѣется въ виду: 1) остановиться на нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ явленій прасловянского языка нѣсколько подробнѣе, 2) выяснить, насколько возможно, сравнительную древность однихъ явленій по отношению къ другимъ и 3) указать иные звуковые явленія, которые въ предыдущемъ изложеніи остались неотмѣченными.

§ 45. Однимъ изъ древнѣйшихъ звуковыхъ явленій праслов. эпохи было совпаденіе гласныхъ ѿ и а, полученныхъ изъ индо-европейского праязыка, въ одномъ а (ср. примѣры выше, въ § 13) и совпаденіе въ одномъ о и.-евр. гласныхъ краткихъ а и о (§ 13). Послѣднее совпаденіе (а и о краткихъ) въ одномъ звукѣ (а) находимъ также въ ближайшеродственныхъ словянскому балтійскимъ языкахъ; поэтому въ наукѣ довольно распространенъ взглядъ, по которому совпаденіе въ одномъ звуке и.-евр. а и о краткихъ относится къ эпохѣ литовско-словянского языкового единства. Такъ,—Mallw., Meillet, Kretschmer, van Wijk, Charnier, Эндзелинъ полагаютъ, что о и а въ литовско-словянскую эпоху совпадали въ одномъ а, которое затѣмъ сохранялось, какъ а въ литовскомъ, но измѣнилось въ о въ словянскомъ.

Съ другой стороны Brugmann полагаетъ, что и.-евр. о сохранилось, какъ о, въ словянскомъ и измѣнилось въ а лишь въ балтійской вѣтви;

и.-евр. же *o* совпало съ о уже въ балтійско-словянскую эпоху: K. Vergl. Gr. 75, 78 с.с.

Рѣшить вопросъ съ увѣренностью въ ту или другую сторону врядъ-ли возможно.

Тѣ соображенія, которымъ приводятся въ защиту мысли о совпаденіи *a* и *o* въ словянскомъ въ одномъ о,—не всѣ одинаково убѣдительны, и мысль эта можетъ быть признана лишь болѣе или менѣе вѣроятной, но не доказанной. При этомъ, допуская совпаденіе о и а въ одномъ а въ балтійско-словянскую эпоху, мы во всякомъ случаѣ должны предположить измѣненіе этого а въ праслов. періодѣ въ о.

Примѣчаніе. Ср. Mahlow, Die langen Vocale AEO 2, Meillet, Introduction² 380; Les dialectes indo-européens 54—55 с.с.; Kretschmer, Arch. XXVII, 228 и сл.; van-Wijk, PBrB. 28, 250¹; Charpentier, Arch. XXIX, 1 с.; Энзелинъ, Р. Ф. В. 1902, 557 с. и Ж. М. Н. Пр. 1909, № 9, 197—198 с.с. Кречмеръ, въ доказательство мысли о совпаденіи въ словянскомъ о и а въ одномъ а, приводитъ слѣдующія соображенія: 1) не только въ балтійскихъ, но и въ индо-иранскомъ, скіоскомъ, албанскомъ, германскомъ о измѣнилось въ а; пѣвѣроятно, поэтому, предположеніе, что въ одномъ лишь словянскомъ не имѣла мѣста эта потеря лабіализаціи гласныхъ о; 2) дифтонгъ оѣ измѣнился въ є чрезъ посредство ai, аѣд., о измѣнилось въ а; 3) на мѣстѣ церк.-слов. о въ VII—VIII вв., повидимому, было а: въ греческихъ источникахъ гласный о словянскихъ именъ передается черезъ а, хотя греческое о, φ было, по мнѣнію Кречмера, открытымъ; таковы, напр.—'Арѣхъзос, тѣѣ—уастос=словян. гости, Дартардро=драгомиръ и т. п. Изъ этихъ соображеній только первое сообщаетъ гипотезѣ совпаденія словянскихъ о и а въ одномъ а пѣкоторую степень вѣроятности; дифтонгъ оѣ могъ измѣниться въ є чрезъ посредство о; что касается третьего указанія Кречмера, то его доказательность подорвана критическими замѣчаніями Фасмера въ K. Z. XLI, 157 и сл. Если и допустить совпаденіе о и а въ гласномъ а въ балтійско-словянскую эпоху, то въ VII—VIII вв. въ словянскомъ на мѣстѣ этого а уже было о.

§ 46. Вопросъ обѣ условіяхъ и эпохѣ образованія праслов. носовыхъ гласныхъ является однимъ изъ наиболѣе запутанныхъ и трудныхъ вопросовъ прасл. фонетики.

Основное условіе образованія носовыхъ гласныхъ изъ сочетанія *гласный + m*, и совершенно ясно: это образованіе имѣло мѣсто: а) въ концѣ слова или же б) предъ согласнымъ.

Однако, болѣе точное опредѣленіе условій образованія носовыхъ о, ё въ прасловянскомъ является нелегкимъ. При этомъ должно различать положеніе группы *гласный + m*, и въ срединныхъ и въ конечныхъ слогахъ.

1. Въ срединныхъ слогахъ, какъ мы видѣли выше, е, безспорно, получается изъ сочетаній e+п, ё+п, м предъ согласнымъ, а о — изъ

сочетаний *o+n*, *m*; *a+n*, *m*; *ø+n*, *m*; *ā+n*, *m* предъ согласнымъ: ср. § 21.

2. Вопроcъ объ ё и ø изъ сочетаний *in*, *im* предъ согласнымъ является спорнымъ. Въ 1896 г. Лорентцъ выставилъ положеніе, что сочетанія *in*, *im* (лит. сочетанія *iš*, *im*) дали въ словянскомъ ё, ø, сочетанія же *in*, *im* (лит. *in*, *im*)—въ словянскомъ измѣнились въ i, u.

Такъ, литовскому *inkstas*—соответствуетъ праслов. **isto* (др.-ц.-сл. *исто*), литовскому *lunkas*—prasл. **lyko* (др.-ц.-сл. *лыко*, р. *лыко*); съ другой стороны,—литовскому *gubības* соответствуетъ прасл. **gōba* (др.-ц.-сл. *гъба*); къ первоначальнымъ *in*, *im* съ краткими i, u Лорентцъ возводилъ и ё, ø въ словянскихъ формахъ 3 pl. prae. **chvalētъ* (др.-ц.-сл. *хвалатъ*, р. *хвалиятъ*), въ формахъ—**bōdō* (др.-ц.-сл. *бōдъ*, р. *буду*), **pōdja* (др.-ц.-сл. *нъжда*, р. *нужда*), **žēdō* (др.-ц.-сл. *жажды*), **předō* (др.-чср.-слов. *предъ*, р. *пряду*) и др.; см. Агсн. XVII, 86 и сл.

Положеніе Лорентца о слов. ё, ø изъ *in*, *in*, *im*, *im* признано Бругманномъ, К. В. Gr. 116 с. Однако считать его доказаннымъ нельзя, такъ-какъ некоторые факты, приводимые Лорентцемъ, противоречатъ его мысли или же допускаютъ иное объясненіе: ср. Mikkola B. B. XXVII, 245 и сл., R. Sl. I, 15 с.; Pedersen K. Z. XXXVIII, 323 с., Mat. i pr. I, 167; Vondrák B. B. XXIX, 201 и сл., V. Sl. Gr. 115 с. и сл.

Примѣчаніе. Миккола уже въ годъ появленія статьи Лорентца (1896 г.)—B. B. XXVII,—высказалъ мнѣніе, что сочетанія *in*, *im*, *in*, *im* съ тѣмъ удареніемъ, которое въ слов. являлось восходящимъ (*gestossen*—лит. *im*, *im*, *in*, *in*) давало i, u, сочетанія же *in*, *im*, *in*, *im* съ другимъ типомъ ударенія (*schliefend*—лит. *iš*, *im* и т. д.)—давали въ слов. ь, ъ, причемъ послѣднія сочетанія внутри слова въ словян. исчезли почти безследно. Критика Педерсена и Вондрака иѣсколько подорвала значеніе фактъ, на которые опирался Лорентцъ. Примѣры съ носовыми якобы изъ *in*, *im* (*im*, *im*)—какъ указалъ Педерсенъ, должны были имѣть происходяще-долгое удареніе на носовомъ, которое сохраняется въ сербскомъ, а въ чешскомъ сокращается. Между тѣмъ приводимое Лорентцемъ прасл. **pōdja* (др.-ц.-сл. *нъжда*) въ сербскомъ является въ видѣ *nūžda*, въ словни. въ видѣ *pōja* (изъ *pōja*) въ чеш.—въ видѣ *pouze* (ши—изъ Щ); ср. р. *нужда*; прасл. *gōba* (др.-ц.-сл. *гъба*) въ сербскомъ—также съ краткостью: *gūba*, въ словни. *gōba*; на восходяще-долгое удареніе въ прасл. **bōdō* указываетъ серб. *bōd*, *būdi*. Почти всѣ случаи съ носовыми, въ которыхъ Лорентцъ видитъ первоначальное *in*, *im*, *in*, *im*, допускаютъ иное объясненіе. Такъ, въ **žēdō* (др.-ц.-сл. *жажды*) ё можетъ восходить къ еп: ср. лит. *pasigendū*, которое Лорентцъ объясняетъ, въ угоду своей теоріи, аналогіей формы *genkū*; такого же происхожденія ё въ **sēk-pōti* (др.-ц.-сл. *сак-нѣти*, р. *из-сѧкнуть*): ср. лит. *senkū*, ё въ **dōti* можетъ восходить къ *domti* или **dīmti*, какъ Meillet, M. S. L. XIV, 366.

Единственный случай, въ которомъ ё, действительно восходитъ къ *in*,—форма 3 pl. prae.: **molētъ*, **vídētъ* и т. п. (др.-ц.-сл. *молатъ*, *видатъ* и

т. п.), такъ-же какъ и въ причастныхъ основахъ *molet-, *videt- (др.-ц.-сл. мола — молиши, видя — видиши). Однако, на одномъ факте нельзя основывать положеніе; противники теоріи Лорентца допускаютъ, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто возстановленіе исходного глашаго подъ вліяніемъ формъ *jmotъ, *begotъ, *imot-, *begot-, какъ думалъ Бругманъ въ своемъ Grundr. II, 1066, и какъ принимаютъ Недерсенъ и Вондракъ: форма *chvalitъ изъ *chvalintъ совпадала съ З. к. rgaes., почему и могло явиться снова *chvalintъ подъ вліяніемъ *jmotъ, измѣнившееся затѣмъ въ *chvaletъ. Въ итогѣ вопросъ должно считать открытымъ, нуждающимся въ новомъ обследованіи.

3. Сочетанія in, im (ini, um) въ заимствованныхъ словахъ имѣли, повидимому, иную судьбу, чѣмъ тѣ-же сочетанія въ словахъ исконно-славянскихъ: такъ слогу in въ др.-в.-п. kuning соотвѣтствуетъ прасловянинское є въ *kъnědъ (др.-ц.-сл. кнѧзь, рус. князь); въ соотвѣтствіи готск. kintus въ др.-ц.-сл. находимъ цата; др.-ц.-сл. пѣналь своимъ а (e) передаетъ in др.-в.-нѣмецкаго pfenning; прасл. *vitѣdъ (др.-ц.-сл. витязь, р. витязь) находится въ такомъ же отношеніи къ др.-норд. vikingr; быть можетъ, къ числу заимствованныхъ словъ относится и прасл. *čedo (др.-ц.-сл. чадо, р. чадо), —ср. герм. *kinda, др.-в.-и. chind; по крайней мѣрѣ, въ этомъ словѣ, прасл. є имѣло восходящее удареніе (ср. серб. čedo) и, следовательно, не можетъ быть возводимо къ старому in даже съ точки зренія Лорентца.

Возникновеніе є изъ in въ заимствованныхъ словахъ должно объяснять тѣмъ, что заимствованія эти относятся къ эпохѣ болѣе поздней сравнительно съ измѣненіемъ старыхъ сочетаній in, im (jm, um) въ i, u; сочетанія in, im иныхъ языковъ восприняты были славянскимъ, быть можетъ, какъ ы, ы, откуда затѣмъ получилось є. Такимъ-же образомъ, въ сравнительной поадью эпоху, получилось словянское о изъ um въ заимствованномъ названіи народа ѹgrin—др.-ц.-сл. ѹгрина, р. угринъ.

4. Вопросъ о праслов. рефлексахъ и.-еврон. ы, ы или ы, ы въ срединѣ слова является, подобно вопросу о рефлексахъ сочетаній in, im (im, um)—спорнымъ. Вондракъ В. В. XXIX, 207 и V. Sl. Gr. полагаетъ, что ы и ы давали въ праслов. є и о, тогда какъ ы, ы—ъ или ь. Недерсенъ К. Z. XXXVIII, 386 и сл., 395 и сл. принимаетъ въ качествѣ рефлексовъ и.-евр. ы, ы, є и є, причемъ двойственность эту объясняетъ не количественнымъ различиемъ, а различиемъ въ звуковой окраскѣ ы, ы и комбинаторными условіями: ы¹ и ы² давали є; изъ ы¹ и ы², наоборотъ, получалось т; такъ въ прасл. *desetъ (др.-ц.-сл. десѧть, р. десять)—є получилось изъ ы¹: ср. лит. dēšimi; въ прасл. *stъto (др.-ц.-сл. сто, р. сто) тъ получилось изъ ы², причемъ приходится допускать измѣненіе въ праслов. первоначального т¹, на которое указываетъ лит. szūntas, въ ы¹ предъ слѣдующимъ твердымъ t; предъ мягкимъ же t (слоги—ть,

—ti,—tj) ыⁱ сохранялось; прасл. *desētъ (др.-ц.-сл. десатъ, р. десятый) Педерсенъ объясняетъ вліяніемъ количественаго: *десеть.

Меллье M. S. L. X, 140; XIV, 196, 197, 366, 367, 371—372 считаетъ рефлексомъ т̄, ү—е и ъ, рефлексомъ т̄, Ӯ—е и Ӧ. Онъ выводить прасл. *dōti (др.-ц.-сл. дати, р. дуть) изъ *d̄m̄ti, др.-ц.-сл. глубокъ — изъ *gl̄p̄bokъ.

Бругманнъ K. V. Gr. 130 с. принимаетъ для средины слова лишь одинъ рефлексъ слоговыхъ т̄, Ӯ и т̄, Ӯ—е, съ различиемъ въ качествѣ ударенія. Слов. *st̄to (др.-ц.-сл. сято) Б. считаетъ иранскимъ замѣстителемъ.

Несомнѣннымъ можно признать вмѣстѣ съ Бругманномъ въ качествѣ прасл. рефлекса т̄, Ӯ, т̄, Ӯ—е: прасл. *čestъ (др.-ц.-сл. чмѣтъ, р. частный); лит. kiñštas; *desētъ (др.-ц.-сл. десатъ, р. десятый), лит. dešim̄tas, греч. δέκατος; прасл. *devētъ (др.-ц.-сл. деватъ, р. девять); лит. deviñtas. При этомъ е изъ т̄, Ӯ имѣло на себѣ нисходяще-долгое ударение; а на Ӯ изъ т̄, Ӯ ожидали-бы—восходяще-долгое; ср. выше, § 22; вѣрныхъ примѣровъ для постѣдняго (е изъ т̄, Ӯ) однако указать нельзя.

Весьма вѣроятно, однако, что, рядомъ съ Ӯ, рефлексомъ т̄, Ӯ (т̄, Ӯ) было также Ӧ: изъ ът̄, ът̄ должно было получаться Ӧ, разъ ыт̄, ыт̄ давали Ӯ, а въ положеніи предъ гласнымъ изъ т̄, Ӯ (т̄, Ӯ) имѣлось какъ ыт̄, ыт̄, такъ и ът̄, ът̄, въ зависимости отъ звуковой окраски слоговыхъ носовыхъ; быть можетъ, Ӧ въ прасл. *dōti (др.-ц.-сл. дати, р. дуть, лит. dūmiti) получилось именно изъ т̄, какъ думаетъ Meillet; иначе Реддерсенъ K. Z. XXXVIII, 396 с.

Присоединіе. Мысль Вондрака, что различие количественное между т̄, Ӯ и т̄, Ӯ лежало въ основѣ раздвоенія: ь, ъ,—Ӯ, Ӯ, повидимому—ошибочна. Первоначальное различие между т̄, Ӯ и т̄, Ӯ очень рано исчезла, такъ-какъ, вѣроятно, уже въ балтийско-славянскую эпоху, и во всякомъ случаѣ въ очень ранний періодъ жизни прасл. языка т̄, Ӯ и т̄, Ӯ измѣнились въ сочетаніи слоговой редуцированный гласный + неслоговой носовой и, ыш; при этомъ носовой согласный краткій подвергался въ положеніи предъ согласнымъ удлиненію по общему закону удлиненія плавныхъ и носовыхъ въ такомъ положеніи.

Больше правдоподобной, на первый взглядъ, является мысль Педерсена о значеніи различія въ звуковой окраскѣ: т̄ⁱ и т̄ⁿ; тѣмъ не менѣе, примѣры, на которыхъ основано положеніе о ышъ т̄, Ӯ, — шатки, и положеніе это не можетъ считаться доказаннымъ,—ср. Mikkola Roczn. SL I, 15 и сл.

Какъ было сказано выше, § 22, слоговые т̄, Ӯ (т̄, Ӯ) потеряли свое слоговое качество, быть можетъ, уже въ балтийско-славянскую эпоху. При этомъ нельзя считать доказаннымъ, что сочетанія ыт̄, ын, ыш, ип имѣли въ славянскомъ ту же судьбу, что и сочетанія ыт̄, ын, ыш, ып изъ слоговыхъ носовыхъ. Возможно, поэтому, что совпаденіе сочетаний ыт̄, ыш, ын, ыш и сочетаний ып, ыш, ип не принадлежитъ столь глубокой древности, что тѣ и другія со-

чтаний въ словянскомъ первоначально различались, и совпадение ихъ въ одномъ ы, ыш, ып, ып произошло позже эпохи образования посовыхъ гласныхъ.

Законъ объ измѣненіи въ праслов. сочетанія ып (изъ и.-евр. ы) въ положеніи предъ s, z (изъ и.-евр. s, z), сh въ а, который выставилъ Jokl, пока нельзя считать доказаннымъ; ср. по этому вопросу статьи въ Arch. XXVIII, 1 и сл., XXIX, 11—49 с.е. (Jokl), XXIX, 1—11 (Charpentier).

§ 47. По отношенію къ концу слова должно различать судьбу сочетаній *гласный + посовой*: а) въ абсолютномъ концѣ слова и б) предъ согласнымъ.

Для первого положенія можно установить слѣдующіе рефлексы сочетаній *гласный + посовой*:

1. Сочетанія -iом, -in дали въ праслов. ы: ср. форму асс. с. лит. nakti, греч. ὄφειρ, лат. turrim, др.-инд. matim и слов. *покть (др.-ц.-слов. пошть, р. ночь).

2. Сочетанія -ish, -im дали ъ: ср. форму асс. с. лит. suni, греч. πῆχυτ, лат. tiamum, др.-и. simūm и прасл. *synъ (др.-ц.-сл. скинъ).

3. Сочетанія -om, -on дали ъ: ср. форму асс. с. лит. vilka (гдѣ ы изъ оп., такъ-какъ въ литовскомъ о является, какъ а), греч. λέχογ, лат. Iurum (изъ болѣе древняго Iurom), др.-и. urkam (въ др.-и. совпали о, е и а въ одномъ а) и прасл. *vylkъ (др.-ц.-сл. вълкъ).

То же наблюдается въ 1 с. зог. прасл. *пестъ (др.-ц.-сл. исх); ср. греч. ἔφεροτ (и исх).

4. Сочетаніе *гласный + посовой*, получившееся изъ и.-евр. ы, ы, если судить по такимъ формамъ асс. с., какъ праслов. *камень, *матерь, *сыгкъуль (др.-ц.-сл. камень, мать, цыкъль) давало также ы, какъ и сочетаніе in, im. Формы эти требуютъ осторожнаго отношенія къ себѣ, такъ-какъ склоненіе этихъ именъ, какъ можно судить по показаніямъ др.-ц.-сл. памятниковъ и другихъ словянскихъ языковъ, уже въ праслов. языкѣ подверглось вліянію склоненія такихъ именъ, какъ *gostъ, *kostъ (др.-ц.-сл. гость, kostъ); ср. § 49.

5. Сочетаніе -an, -am является въ видѣ ы въ формѣ асс. с. именъ ж. р. *vodo, *zeno и т. п. (др.-ц.-сл. вода, женъ, гдѣ л=ы).

6. Сочетаніе -on является въ видѣ у въ формѣ п. с. м. *каму (др.-ц.-сл. ками—камень); ср. греч. ἀκμοτ.

Съ другой стороны, однако, на мысль сочетанія -on въ формѣ gen. pl. находимъ ъ: прасл. *volstъ (др.-ц.-сл. власъ, р. волосъ), *vylkъ (др.-ц.-сл. вълкъ)—греч. λέχογ. При этомъ -on въ формѣ п. с. именъ, какъ *каму изъ *kamom имѣло другой видъ долготы, нежели онъ въ формѣ gen. pl.; литов. akmu съ ѿ получилось изъ aktom съ той интонаціей, которая обозначается терминомъ Stosston, въ силу отпаденія и, вызвавшаго измѣненіе интонаціи.

7. Сочетание -ēn, -ēm является въ слов. въ видѣ ё: ср. формы *mē, *tē, *sē (др.-ц.-сл. мѣ, тѣ, сѣ, гдѣ ю=ё)—др.-и. nām, tvām.

§ 48. При положеніи въ конечномъ слогѣ слова предъ согласнымъ сочетаніе *гласный + носовой* даетъ иные результаты.

1. Сочетаніе iŋ+s даетъ i: прасл. форма асс. pl. *gosti (др.-ц.-сл. гости, ср. р. въ-гости), — окончаніе -iŋs въ готскомъ austiŋs и греч. діалектическомъ (крит.) лόλιŋ.

2. Сочетаніе iŋ+s даетъ u: прасл. форма асс. pl. *syny (др.-ц.-сл. синги)—готск. synins, греч. діалектическое (критское) οὐέτε.

3. Сочетаніе oŋ+s согласный даетъ не всегда одинаковые результаты: oŋ+s является въ видѣ у въ формѣ асс. pl. *výku (др.-ц.-сл. вльки)—греч. (критское) λέχονς, готск. wulfans; oŋ+t даетъ въ видѣ о въ формѣ 3 plur. aor. *vedo (др.-ц.-сл. ведо)—греч. ἔυρο-т, ἔιλο-т (узнали, османили). Аналогично формѣ асс. pl. *výku—получилось у изъ -onts въ формѣ причастія наст. вр. *vedy (др.-ц.-сл. ведо); ср. род. п. *vedotja (др.-ц.-сл. ведошта).

То-же сочетаніе послѣ мягкаго неслогового звука является въ видѣ е въ формѣ прич. наст. вр. *znaјe (др.-ц.-сл. знаѣ, р. знає); ср. р. и. ед. ч. *znaјeatiа (др.-ц.-сл. знаїшта, р. знающа(ю)); въ формѣ асс. pl. *kraјe (др.-ц.-сл. краї) имѣемъ также ё изъ -ons послѣ мягкаго неслогового: ср. *rabu изъ *rabons.

4. Для сочетанія ɒŋ+s вѣть вѣрихъ примѣровъ. Можно предполагать новообразованіе съ ɒns вмѣсто первоначального ᾶs въ формѣ вин. мн. *vody (др.-ц.-сл. воды, р. воды): ср. форму того-же склоненія, но съ исходомъ корня на мягкой неслоговой звукѣ: *zemlјe (др.-ц.-сл. земля).

5. Сочетаніе *гласный + носовой*, получившееся изъ слогового ү предъ согласнымъ дало ё въ формѣ 3 plur. aor. *daše (др.-ц.-сл. даша, др.-р. даша), которую возводить къ *dachit.

§ 49. Приведенные примѣры, относящіеся къ судьбѣ сочетаній *гласный + носовой* въ конечномъ слогѣ слова, представляютъ материалъ, не вполнѣ достаточный для установленія твердыхъ положеній по данному вопросу. Не вполнѣ сходныя показанія фактовъ, относящихся къ отдельнымъ грамматическимъ категоріямъ, требуютъ согласованія, но оно затрудняется тѣмъ, что въ результатахъ измѣненія сочетаній *гласный + носовой* могли отразиться самые разнообразные факторы и условія: мѣсто ударенія, характеръ интонаціи, хронологическое отношеніе звуковыхъ законовъ праслов. эпохи, вліянія грамматической аналогіи; наконецъ, въ отдельныхъ случаяхъ могла побѣдить и обобщиться форма слова, употреблявшаяся передъ паузой, въ концѣ фразы, или же, наоборотъ, — упо-

треблявшаяся въ срединѣ фразы, гдѣ конецъ слова съ сочетаниемъ in, up, on, ins, ons и т. д. тѣсно примыкаль къ началу слѣдующаго слова.

Примѣромъ затрудненій можетъ служить отношеніе формъ: 3 pl. prae. **znajotъ* (др.-ц.-сл. *знаютъ*, р. *знаютъ*) изъ **znajontъ* (здѣсь сочетаніе *jont* — въ срединѣ слова), **znaje* (др.-ц.-сл. *знаю*, рус. *зная*) изъ **znajonts* — nom. s. m. причастія наст. вр., **znajotja* (др.-ц.-сл. *знающта*, р. *знающаю*) — g. s. m. того-же причастія, **konje* acc. pl. (др.-ц.-сл. *конъ*) изъ **konjons*:ср. **raby* изъ **rabons*.

Въ однихъ изъ указанныхъ примѣровъ *jons* дало ю, въ другихъ — је. Примѣры **konje*, **znaje* даютъ указаніе, что законъ измѣненія ю въ је предшествовалъ образованію носового гласнаго изъ сочетанія гласный + носовой: **konjons*>**konjens*>**konje*. Съ другой стороны, формы **znajotъ*, **znajotja* препятствуютъ этому допущенію. Возможно, что эти формы представляютъ новообразованія, явившіяся подъ вліяніемъ **bergotъ* и **bergotja*, такъ-какъ предположеніе, что образованіе носовыхъ гласныхъ въ срединѣ и въ концѣ слова суть явленія различныхъ эпохъ, — было бы слишкомъ искусственно.

Что касается формы acc. s. f. **voljo* (др. ц.-сл. *волжъ*, р. *волю*) изъ *voljān* (первоначально *voljām*), то эта форма требуетъ объясненія, которое бы согласовалось съ судьбой формы dat. s. f. **volji* (др.-ц.-сл. *воли*) изъ **voljāj*:ср. греч. θεῶ; форма dat. s. **volji* получилась изъ **voljej*, а эта послѣдня изъ *voljoi* вслѣдствіе измѣненія *jo>je*; по аналогии *voljāj*>*voljej*... мы ожидали бы и acc. s. *voljān*>**volje*, имѣемъ же **voljo*. Затрудненіе въ данномъ случаѣ исчезаетъ, если принять гипотезу Бругманна K. V. Gr. 279 с., что долгій гласный предъ ѹ, п сокращался въ праслов. при извѣстной интонації (Schleifston): такая именно интонація была въ dat. s. *voljāj* (ср. греч. θεῶ), слѣдовательно, *voljāj*>*voljai*, т. е. *voljoj*, откуда *voljej* и затѣмъ **volji*. Повидимому, въ acc. s. **voljān* этого сокращенія не было въ эпоху, когда *jo>je*, такъ-какъ окончаніе -ām въ acc. s. f. первоначально имѣло иную интонацію, чѣмъ въ dat. s. (Stosston): ср. греч. θεέω; позже въ словянскомъ, какъ и въ литовскомъ интонація эта замѣнилась иной (Schleifston).

Такимъ образомъ, форма **voljān* (изъ *voljām*) не подверглась дѣйствію закона *jo>je* и дала форму **voljo*.

Изъ предыдущаго также ясно, что измѣненіе *jo>je* предшествовало измѣненію -ons въ -uns (и on въ un), которое предполагается формой **vylku* изъ **vylkons*: при обратномъ предположеніи мы получили бы — *konjuns*, что не могло бы дать **konje*.

Примѣчаніе. Др.-русская форма *конъ* acc. pl. и польское *konie*, гдѣ ёс изъ ё, не соотвѣтствуютъ др.-ц.-сл. формѣ и требуютъ объясненія; однако это

объяснение вряд ли может быть фонетическимъ: повидимому, образование причастной формы *znaјe изъ *znaјon(t)s параллельно образованю формы *konјe, *kraјe изъ *konjons, *krajons.

Указаню формы *konјe изъ *konjons противорѣчатъ формы: *konјe асс. s. (др.-ц.-сл. коинъ, р. *возодъ*) и *konјe gen. pl. (др.-ц.-сл. коинъ); первая получилась изъ *konjon ср. *vylkol, вторая—изъ *konjōn, которое въ силу сокращенія б дало konjon (ср. ниже).

При предположеніи, что измѣненіе ю>je древнѣе измѣненія он въ ип., мы ожидали бы изъ *konjon асс. s. и gen. pl. *konјen, откуда не могло бы получиться *konјe.

Однако можно предположить, что фонетическая форма *konјen была вытѣснена нефонетической *konjip подъ влияніемъ *gavip, откуда и получилось *konјe.

Выше отмѣченная гипотеза Бругманна о праслов. сокращеніи гласного предъ конечнымъ ѡ, п представляетъ также объясненіе формы gen. pl. *vylkъ изъ *vylkip при *kamu изъ *kamōn; конечное б-+п въ gen. pl. *vylkop (Schleifton) подверглось сокращенію, въ силу чего получилось он, затѣмъ ип и, наконецъ, и, т. е. ѿ, какъ въ асс. s. *vylkъ изъ *vylkop. Измѣненіе *kamōn въ *kamu объясняется, если не характеромъ интонаціи (Stosston), то, быть можетъ, нефонетическимъ измѣненіемъ ея въ kamōns съ s, полученнымъ изъ пом. s. *rabos, *gostis, *sunus; *kamōns должно было дать тѣ же результаты, что и rabons (>rabōns), т. е. *kamu, какъ *gavy.

Примѣчаніе. Гипотеза эта была высказана Фортунатовымъ въ одновм изъ лингвистическихъ курсовъ по сравнит. грамматикѣ индо-европ. языковъ.

Формы *gavy изъ *rabons, *nesy изъ *neson(t)s указываютъ на измѣненіе сочетанія—ons въ конечномъ слогѣ въ ons, путемъ—ons>uns>ons или же ons>ons>ns, т. е. въ силу измѣненія о предъ ns въ и, параллельное измѣненію on>un въ формѣ *vylkon>*vylkip (>*vylkъ) и въ силу удлиненія гласного предъ группой—ns. Предполагая второй путь: rabons>rabōns>rabūns мы можемъ для объясненія формы 3 рл. aor. *dvigo, *neso и т. п. допустить удлиненіе о въ сочетаніи—ons въ конечномъ слогѣ при отсутствіи измѣненія бп-+т въ бп-+т или же измѣненіе бпн>он—въ о въ силу извѣстнаго вида интонаціи.

Въ формѣ асс. s. rabon>*gaby, очевидно, должно предполагать болѣе раннее измѣненіе он въ ип сравнительно съ исчезновеніемъ конечнаго п, которое можно, въ согласіи съ Бругманномъ К. V. Gr. 279 с., предполагать послѣ краткаго гласнаго въ конечномъ слогѣ предъ паузой: *gostin>*gosti, т. е. *gostis; *sunus>*sunis, т. е. *sunis; *vylkip (изъ *vylkon)

>*vylku, т. е. *vylkъ,—между тѣмъ—какъ такого отпаденія согласнаго не было послѣ долгаго гласнаго,—въ формѣ *vodan (изъ *vodam).

Принимая эту гипотезу, мы можемъ считать закономѣрнымъ рефлексъ слогового р. (пр)—ь въ асс. с. *кампель, *матерь, гдѣ ы изъ ю дало ѿ.

По отношенію къ формѣ асс. рѣ. именъ жен. р. *vody, которая въ предыдущемъ изложеніи осталась неоговоренной, объясненіе было бы легкимъ, если исходить изъ формы *vodans и допускать сокращеніе предъ конечнымъ—изъ при извѣстной интонаціи (Schleifton): vodans, т. е. vodons, откуда *vody такимъ же образомъ, какъ и *vylku изъ *vylkons.

Такимъ образомъ, при объясненіи указанныхъ въ §§ 47, 48 формъ можно исходить изъ предположенія слѣдующей хронологіи звукоизмѣненій.

Прежде всего, вѣроятно, конечное ы измѣнилось въ н,—по Бругманну еще въ балтийско-славянскую эпоху К. V Gr. 279 с.

Затѣмъ: 1. Долгіе гласные предъ конечнымъ ѹ, и при извѣстномъ характерѣ интонаціи (Schleifton) сократились: *vodai dat. s., *vylkon g. рѣ. изъ *vodai, *vylkon. 2. ю измѣнилось въ је: *voljai, т. е. *voljoi, измѣнилось въ *voljei; *konjons измѣнилось въ *konjens. 3. Сочетаніе ons измѣнилось въ ūns, ont въ ūnt: *rabons acc. pl. >*rabōns; *nesont 3 рѣ. aor. >*nesōnt. 4. Сочетаніе on измѣнилось въ un, ūns въ ūns: *vylkon >*vylkun, *vylkōns >*vylkūns. 5. Конечное н послѣ краткихъ гласныхъ предъ паузой отпало: *gostin, *sunin, *vylkun >*gosti, *sunu *vylki, т. е. *gosty, *suytъ, *vylkъ (асс. с. и gen. pl.). 6. Сочетаніе гласный+носовой измѣнилось въ носовой гласный: *vodām дало *vodo, *voljām >*voljo; *konjen(s) дало *konjē; *nesōn(t) 3 pl. aor. >*neso; *gostins, *sununs, *vylkuns дали формы съ носовыми Я, Ӧ, которые затѣмъ измѣнились въ неносовые І, Ӧ.

Примѣчаніе. По вопросу о судьбѣ сочетаній гласный+носовой въ конечномъ слогѣср. Lorentz in Arch. XVIII, 86 и сл., Mikkola въ В. В. XXII, 245 и сл., Roesn. Slaw. I, 11—12 с.е., Brugmann K. V. Gr. 279—280 с.е., Vondrák въ В. В. XXIX, 201 и сл., Vergl. Sl. Gr. I, 122 и сл.

§ 50. Аналогично указанному выше и изъ о въ конечномъ слогѣ предъ н,—во всѣхъ словян. языкахъ имѣется рефлексъ и (ъ) на мѣстѣ о въ конечномъ слогѣ предъ с: такъ, въ соотвѣтствіи греческому λέχος въ др.-ц.-сл.ходимъ **влькъ** (**влакъ**), въ русскомъ **волкъ**, въ польскомъ wilk и т. д.: во всѣхъ живыхъ словянскихъ языкахъ конечное ъ исчезло.

Происхожденіе этого и (ъ) изъ -os понимается отдѣльными исследователями не одинаково.

Фортунатовъ предполагаетъ фонетическое измѣненіе -os въ -us, на ряду съ измѣненіемъ -on въ -un, и объясняетъ *dēlo изъ *dēlon (ср. др.-ц.-сл. **дѣло**, р. **дѣло**) вместо ожидаемаго *dēly вліяніемъ мѣстопамятной

формы *to изъ *tod (др.-ц.-сл. *то*, р. *то*), въ которой d отпало раньше эпохи измѣненія о въ и въ конечномъ слогѣ предъ согласнымъ; по аналогии *to, *dѣlo, по мнѣнию Фортунатова, и имена средн. р. *slovos nom. s. (род. п. *slovese—др.-ц.-сл. *словесе*) дали форму *slovo (др.-ц.-слов. *слово*, рус. *слово*;ср. греч. *χλέ(τ)ος*), а не *slovъ*; ср. В. В. XXII (1897), 164 стр., примѣч.; такъ-же—въ Изв. XIII, кн. 2 (1908), 27 стр.

Этотъ взглядъ раздѣляетъ также Бернекеръ въ К. Z. XXXVII, 370 стр. и сл., причемъ онъ отрицааетъ правило Гирта (Hirt), что ударяемое о въ конечномъ слогѣ сохранялось, а переходило въ и—лишь неударяемое.

Взглядъ Фортунатова принимаютъ также Педерсенъ (Pedersen) въ К. Z. XXXVIII, 321 стр. и Бругманъ въ К. V. Gr. 376 стр., прим.

Съ другой стороны, Лескинъ въ I. F. XXI, 335 и сл. и въ Gr. d. altb. Spr., 49 с., отрицаю положеніе Фортунатова (*os>us*), признаетъ фонетическимъ лишь измѣненіе -on въ -un. Съ его точки зреянія форма *slovo изъ *slovos является фонетической, форма же *dѣlo изъ *dѣlon явилась подъ вліяніемъ *slovo; также форма *vѣjкъ nom. s. изъ *vѣjkos, по мнѣнию Лескина, является нефонетической,—проникшей изъ acc. s., гдѣ *vѣjkon правильно дало *vѣjku (затѣмъ—*vѣjкъ).

Примѣчаніе. Въ пользу мысли Фортунатова какъ будто говорять формы dat. pl. съ окончаніемъ *-tъ (др.-ц.-сл. *влькомъ*, *глинамъ*, *гостымъ*) и формы 1 pl. prae. съ окончаніемъ *-tъ (др.-ц.-сл. *несемъ*, *молимъ*); и то, и другое окончаніе, можетъ восходить къ *mos, что признаетъ Вѣроятныи и Лескинъ. Не невозможны однако и другія объясненія этихъ формъ. Противъ мысли Фортунатова Лескинъ выдвигаетъ форму 3 pl. aor. *mogو (др.-ц.-сл. *могъ*) изъ *mogont; допуская отпаденіе t до измѣненія o въ и, мы должны, указываетъ Лескинъ, получить изъ *mogont—*mogon и затѣмъ *mogon, *mогъ; вѣроятно ли, однако, допускать, что конечное t могло уничтожить вліяніе и на предшествующее о въ конечномъ слогѣ -ont? Если конечное -on измѣнялось въ un, оно—въ un, то ожидаешь такого же измѣненія -ont въ -unt. Возможно, поэтому, что дифференціація формъ *vѣjku и *mogon (*vѣjку—*mogو) обусловлена иными условіями. Нельзя, конечно, относить отпаденіе t къ литовско-словянской эпохѣ; а допускай болѣе раннее отпаденіе t въ праслов. эпоху сравнительно съ измѣненіемъ о въ и, необходимо предположить удлиненіе о въ группахъ -ous, -ont до отпаденія t: 1) *vѣjkos, *vѣjkon, *vѣjkons, *mogont; 2) *vѣjkos, *vѣjkon, *vѣjkons, *mogont; 3) *vѣjkos, *vѣjkon, *vѣjkons, *mogob; 4) *vѣjkus, *vѣjku. Впрочемъ, и форма mogو изъ mogont не можетъ решить вопросъ въ ту или другую сторону, такъ-какъ неясно, что должно было получиться изъ -ont: o или u; ср. выше § 46, 2 п.

Если переходъ о въ и имѣть мѣсто въ конечномъ слогѣ не только предъ n, но и предъ s, то, очевидно, онъ имѣть мѣсто въ прасловянскомъ языкѣ въ ту-же эпоху, что и предъ n, т. е. этотъ фонетический законъ можетъ измѣненія ю въ је (ср. § 51); следовательно, форма пом.

с. *konjos должна была бы фонетически дать *konjes и затмъ *konje; если же имѣемъ *конј (др.-ц.-сл. *коњъ*, р. *коњъ*), то должно предполагать нефонетическое проникновеніе -us на мѣсто -es въ форму *konjes: *konjus; откуда *konjъs, *конј.

§ 51. Предшествующее изложеніе выяснило, что измѣненіе јо въ је является однимъ изъ древнѣйшихъ звукоизмѣненій прасловянской эпохи. Такъ, оно древнѣе измѣненія въ конечномъ слогѣ предъ согласнымъ (и, быть можетъ, с) о въ и древнѣе измѣненія дифтонга оi въ ё, какъ показываетъ форма dat. s. *volji изъ *vojoi (др.-ц.-сл. *коли*, ср. греч. *χόραι*): *vojoi* > voljei > *volji, тогда-какъ при обратномъ предположеніи получилось бы: vojoi > *voljé > *volja. Послѣднее — *volja ожидается въ силу того звукового закона праслов. языка, по которому ё послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ —j, є, ѵ, ѿ измѣнялось въ а: ср. прасл. *ležati (др.-ц.-сл. *лежати*, р. *лежатъ*) изъ *legēti, какъ *viděti (др.-ц.-сл. *видѣти*, р. *видѣть*) изъ vidēti.

Хронологія этого измѣненія ё въ ја не вполнѣ ясна: несомнѣнно, что оно моложе измѣненія задненебныхъ k, g, ch въ положеніи предъ ё въ смягченные Ѽ, Ѹ (dž), Ѿ, но трудно съ увѣренностью решить вопросъ, что древнѣе, — измѣненіе ё въ а послѣ j (Ѽ, Ѹ, Ѿ) или же измѣненіе оi въ ё. Такъ-какъ внутри слова ё изъ оi послѣ мягкихъ неслоговыхъ не можетъ имѣть мѣста въ силу болѣе древняго измѣненія оi въ такомъ положеніи въ ei, то вопросъ сводится къ слѣдующему: измѣнялось ли ё изъ оi въ начальствѣ слова въ ја въ силу того, что предъ начальнымъ ё изъ оi развивался новый j или ѯ. На этотъ вопросъ Педерсенъ отвѣчаетъ утвердительно, ссылаясь на прасл. *jadъ (др.-ц.-сл. *ядъ*, р. *ядъ*), которое онъ сопоставляетъ съ греч. *οἰδάω*, и прасл. *jazva (др.-ц.-сл. *язва*, р. *язва*), которое онъ связываетъ съ лит. *aižyti* (вызывать). Если эти сопоставленія вѣрны, то *oidъ > *édъ > *jédъ > *jadъ, т. е. ја получалось не только изъ ё (въ срединѣ слова), восходящаго къ Ѽ, но и изъ ѕ (въ начальствѣ слова) восходящаго къ o: ср. I. F. V, 43 стр. Очевидно, положеніе Педерсена требуетъ также допущенія, что новое ѯ или Ѯ могло развиваться предъ начальнымъ ё въ эпоху послѣ перехода оi въ ё. Однако утвердить общее положеніе на двухъ этимологіяхъ едва-ли можно; обѣ *ядъ* и *язва* ср. Фортунатовъ Arch. XII, 95 и сл., Шахматовъ Изв. VI, 4 кн., 293.

§ 52. Если измѣненіе оi въ ё произошло, какъ мы видѣли, позже перехода јо въ је, то естественно считать болѣе позднимъ сравнительно съ послѣднимъ (jo>je) и переходъ другихъ дифтонговъ въ монофтонги, т. е. ei (jo) въ i, ou въ u, eu въ и и ja. Объ условіяхъ измѣненія ei въ i и ju упоминалось выше (§ 20, § 10).

Добавимъ, что Миккола въ I. F. XVI, 95—101 стр.: предполагалъ измѣненіе еи предъ согласнымъ вообще въ онъ, откуда и, что же касается славянскихъ примѣровъ съ ю, въ которыхъ другіе исследователи видятъ первоначальное еи, то Миккола возводилъ ихъ къ сочетанію эцъ съ гласнымъ э, явившимся въ результатѣ редукціи: слов. *čuti (др.-ц.-сл. чути) изъ *kəčti (греч. κο^χω, лат. caveo), слов. *kljucēsъ (др.-ц.-сл. ключъ, р. ключъ) изъ *kλευ-къ, *bljudъ (др.-ц.-сл. блудъ, рус. блюду) изъ *bhəydh-о и т. д. Впрочемъ, нынѣ онъ, отказавшись отъ прежняго своего взгляда, возводить слов. ю, лит. iau—къ ёи: Roczn. slaw. I, 9—10 с.

§ 53. Различное происхожденіе прасл. ё изъ ё и изъ оi, такъ-же какъ и различное происхожденіе прасл. i: изъ й, ei и изъ oи датируется различной судьбой задненебныхъ k, g, ch въ положеніи предъ ё, i того и другого происхожденія. Въ положеніи предъ палатальными гласными e, ё, e, i (изъ й и изъ ei), ь, а также предъ ѡ задненебные k, g, ch измѣнились въ прасловянскомъ въ ё, Ѱ, ѕ. Такъ: voc. s. *bog+е измѣнилось въ *bože (ср. др.-ц.-сл. боже, р. боже, серб. bože и т. д.); voc. s. *vylk+е измѣнилось въ *vylče (др.-ц.-сл. клчъ); voc. s. *duch+е измѣнилось въ *duše (др.-ц.-слов. доуша).

Что измѣненія эти восходятъ къ праслов. эпохѣ, показываетъ совпаденіе въ показаніяхъ отдѣльныхъ славянскихъ языковъ: р. боже, серб. bože, пол. boże, др.-ц.-сл. боже и т. д.; то-же, напримѣръ, въ глагольныхъ формахъ: др.-ц.-сл. (пекъ)—печени, р. (пеку)—печенье, серб. pečeš, пол. pieczeš и т. д., т. е. праслов. *pečeši изъ *pekeši, ср. I л. ед. *peko. То-же самое наблюдается въ отдѣльныхъ словахъ: прасл. *četyre (др.-ц.-сл. четыре, р. четыре, пол. cztery и т. д.)—лит. keturi; прасл. *želězo (др.-ц.-сл. желе́зо, р. железо, пол. żelazo и т. д.)—лит. geležis, gelžis; žena (др.-ц.-сл. женя, р. жена, пол. žona, серб. žena и т. д.)—прусс. gemna.

Такое-же измѣненіе k, g, ch въ ё, Ѱ, ѕ находимъ въ положеніи предъ ё, e (ё), i изъ й и ei, ь, ѿ: 1) прасл. *čedo (др.-ц.-сл. чадо, р. чадо)—ср. нѣм. kind; *otročę (др.-ц.-сл. отрочъ, рус. отрока) изъ otrok-е; ср. *otrokъ (др.-ц.-сл. отрокъ, р. отрокъ); прасл. *тыčeti изъ *тыкѣти, потомъ измѣнившееся въ *тыčati (др.-ц.-сл. тыкнати, рус. молчатъ); ср. *тыкноти (др.-ц.-сл. тыкнати, р. умолкнуть); прасл. *počiti (др.-ц.-сл. почити, р. почитъ); ср. *pokojъ (др.-ц.-сл. покон, русс. покой); прасл. *tōfētъ изъ *токазъ отъ *tōka (др.-ц.-сл. тка, тканъ, русс. тка, мучной); прасл. *pri-tъča изъ *priťkja (др.-ц.-сл. приткнча, р. приткнуть); ср. *pri-tъk-nō-ti (др.-ц.-сл. приткннати, р. приткнутъ). 2) прасл. *žeti изъ *geniti (др.-ц.-сл. жати, русс. жать—жму); ср. греч. γέμω; прасл. *běžti изъ *běgēti, затѣмъ измѣнившееся въ *běžati (др.-ц.-сл. вѣжати,

р. бъжатъ): ср. *bēgъ (др.-ц.-сл. *bēgrъ*, р. *бъгъ*); прасл. *bēžiši изъ *bēgiši (др.-ц.-сл. *бѣжиши*, рус. *бужиши*): ср. bēgo 1 s. praes. (др.-ц.-слов. *бѣгъ*, р. *бъгъ*); прасл. *božьskъ изъ *bogъskъ (др.-ц.-сл. *божыкъ*, р. *бо-
жеский*): ср. *bogъ; прасл. *Iъža изъ *Iъgja (др.-ц.-сл. *лѣжа*, серб. *laža*): ср. *Iъgъ (др.-ц.-сл. *лѣгъ*, р. *лу*). 3) прасл. *rěše 3 pl. aor. (др.-ц.-сл. *рѣши*): ср. 1 ed. *rěchъ (др.-ц.-сл. *рѣхъ*); прасл. *slyšeti изъ *slychëti, затѣмъ измѣнившееся въ *slyšati (др.-ц.-сл. *слышати*, р. *слушатъ*); прасл. *dušiti изъ *dueliti (др.-ц.-сл. *доушити*, р. *душитъ*): ср. *duchъ; прасл. *šydbъ изъ *shydbъ (др.-ц.-сл. *шьдх* — *шьдхиши*, русс. *щедши*): ср. *chodъ, *chodiši; прасл. *duša изъ *dachja (др.-ц.-сл. *дууша*, р. *дугша*): ср. *duchъ.

По отношению къ прасловянскому ź изъ g необходимо сдѣлать при-
мѣчаніе: такъ-какъ изъ k въ положеніи предъ палатальными звуками получался литерный согласный ё (литерное tš), то и изъ g ожидали бы въ такомъ же положеніи соответствующаго звонкаго слитнаго ſ (dž); повидимому, ź изъ g предъ палатальными является не первоначальнымъ рефлексомъ g предъ e, є и т. д., а упрощеніемъ ſ: па это указываетъ судьба g въ положеніи послѣ z предъ tъми же палатальными: сочетаніе zg давало не zz, откуда получилось бы žž, но žd, а эта группа могла получиться лишь изъ z+dž (ſ) чрезъ посредство ždž; первоначальное *givos (ср. лит. *gývas*) дало *živъ (др.-ц.-сл. *живъ*, р. *живъ*), но сочетаніе *iz-givenije давало не iz-živenije и затѣмъ ižživenije, но *iždživenije, какъ показываетъ др.-ц.-сл. иждивеніе, эта же послѣдняя форма получилась изъ *iž-ſgivenije (*iž-dživenije, откуда *iždživenije); такимъ-же образомъ получилось др.-ц.-сл. изможденъ (изможденный) изъ *iž-mozgēnъ (ср. др.-ц.-сл. *mozgъ*, р. *мозгъ*), и др.-ц.-сл. ижденъ изъ iž-gevō (др.-ц.-сл. *женъ* 1 s. praes. при неопр. накл. *гннати*, малорусс. *жену*); ср. такжепольск. moždżek. Въ русскомъ языке группа ždž упростилась иначе: въ žž,—ср. разможжинъ. Что касается вопроса, почему ſ изъ g упростилось въ ž, тогда какъ ё сохранилось (русс. боже, м.-р. *чоловіче*, др.-ц.-сл. *боже* — *чловѣче*, серб. *бože* — *človeče*),—то, быть можетъ, эта разница въ судьбѣ ё и ſ объясняется тѣмъ, что глухой слитный ё пред-
ставляетъ болѣе интенсивный взрывъ (fortis) сравнительно со звонкимъ слитнымъ ſ (lenis); ср. Буличъ въ I. F. V. (1895 г.), 389 е.

§ 54. Тѣ-же задненебные k, g, ch въ положеніи предъ палатальными гласными ё, i, получившимися изъ дифтонговъ oɪ, aɪ, измѣнились въ прасловянскомъ языке въ согласные c, dz, s. Такъ: 1) dat. s. *rök+ё измѣнился въ *rœē (др.-ц.-сл. *рѣцѣ*): ср. греч. *χρօε̄* изъ *χρօαι*; та-же форма *rœc̄ nom. dual. сохранена до сихъ поръ въ польскомъ гœse; въ nom. pl. форма *vъjк—i изъ *vъjkoī (греч. *λόχοε̄*) такимъ же образомъ измѣнилась въ *vъjci (др.-ц.-сл. *валичи*, *валчи*); формы повел. накл. *ryk — i

2 sing., *ryk-ěte 2 pl. измѣнились въ *ryc̄i, *ryc̄ete (др.-ц.-слов. рици, рычѣте): ср. *beri—*berěte (др.-ц.-сл. бери, берѣте)—греч. *φέρεις, φέροιτε*: ср. также прасл. *cěna (др.-ц.-сл. цѣна, р. цѣна, пол. cena) и лит. kaina, греч. *ποινή*; прасл. *cělъ (др.-ц.-сл. цѣль, р. цѣль, пол. celę) и прусск. kailustiskan (здоровье), гор. hails. 2) dat. s. *nodzē изъ *nogē (др.-ц.-сл. ногѣ): ср. выше *rōcē; imperat. *žldzi изъ žygī (др.-ц.-сл. жизни): ср. выше *ryci. 3) п. pl. *dusi изъ *duch-i (др.-ц.-сл. дѹши): ср. выше *vyci; loc. s. *musē изъ much-ě (др.-ц.-сл. mougč̄).

Относительно ch предъ ё, і изъ дифтонга oɪ (ai) между отдельными слов. языками идти полного согласия: въ западно-слов. языкахъ ch измѣнилось не въ s (смягченное), а въ š: пол. musze loc. s., чеш. mouše въ соответствии др.-ц.-сл. mougč̄; ср. также др.-ц.-сл. c̄kdz, р. сподой и пол. szedziwy, чеш. šedivý; др.-ц.-сл. č̄fr̄, р. сърый и пол. szary, чеш. šetgý. Однако въ ближайшее-родственномъ чешскому языку словацкомъ находимъ ženisi изъ *ženichli, въ моравскихъ говорахъ muse, а не muše; поэтому можно думать, чтопольское и чешское š на мѣстѣ старого ch получилось также изъ болѣе древнаго š; ср. Ягичъ, Arch. XXII (1901 г.), 127 стр.

Различная судьба задненебныхъ k, g, ch въ положеніи предъ палатальными гласными ё, і изъ дифтонга oɪ (ai) и предъ палатальными гласными иного происхожденія *естественныe всею* объясняется предположеніемъ, что переходъ k въ ё и измѣненіе его въ s (такъ-же g въ ſ и dz, ch въ š и s)—явление различныхъ эпохъ: въ то время, какъ k, g, ch измѣнялись въ ё, ſ (ž), š, сочетанія koi, goi, choi еще не измѣнились въ kě, gě, chě (или ki, gi, chi); это измѣненіе—явление болѣе позднаго времени, и сочетанія kě, gě, chě, ki, gi, chi въ эту болѣе позднюю эпоху измѣнялись инымъ образомъ.

Итакъ, измѣненіе k, g, ch въ ё, ſ, š предъ j, e, ē, ь, ё и і не изъ oɪ (ai) представляетъ явленіе болѣе древнее, чѣмъ измѣненіе дифтонговъ въ монофтонги; наоборотъ, измѣненіе k, g, ch въ s, dz, s—явление болѣе позднѣе сравнительно съ этимъ послѣднимъ (oɪ>ě, і и т. д.).

Примѣчаніе. Иначе Mikkola въ Roczn. Slaw. I т. 7 с.: k, g, ch одновременно измѣнялись въ ё, ž, š предъ e, ē, ь, i, ē, j, но въ s, dz, s предъ ū (изъ ař, oř) и āř (изъ āř, ðř).

§ 55. Въ цѣломъ рядъ случаетъ на мѣстѣ k, g, ch находимъ s, dz, s въ положеніи не только предъ i, ē изъ дифтонга oɪ (ai), но и предъ другими гласными: таковы имена съ суффиксами -ъсь, -ъсе, -ъса заимствованныя слова на -edzъ, формы неопред. наклоненія многократныхъ глаголовъ на -ati и иѣкоторыя отдельныя слова. Примѣры: *отъсь, *отъса (др.-ц.-сл. отъцъ—отца, р. отецъ, отца; *овъса (др.-ц.-сл. овъца,

р. *овца*); *sъdъce (др.-ц.-сл. *тъдъце*, р. *сердце*); *dѣvica (др.-ц.-сл. *дѣвица*, р. *дѣвица*); *jѣdza (др.-ц.-сл. *ыза*); *зајеъс (др.-ц.-сл. *занъсъ*, р. *заяцъ*); *licę (др.-ц.-сл. *лицъ*, р. *лицо*); *stъdza (др.-ц.-сл. *стеза*, р. *стезя*); *кънѣдзъ (др.-ц.-сл. *князъ*, р. *князь*); ср. др.-в.-н. *kuning*; >*p n dзъ (др.-ц.-слов. *пѣналь*, пол. *pieniadze* n. pl.); ср. герм. *penninga*; *dvidzati (др.-ц.-слов. *подвизати*; ср. *двигнать*, р. *подвизаться*); *ricati (др.-ц.-сл. *нарицати*, р. *нарицать*); *s dzati (др.-ц.-сл. *ославати*, р. *ославить*). Сюда же, повидимому, относятся формы мѣстоименія *vъsъ (др.-ц.-сл. *късь*, р. *весь*), соответствующаго литовскому *v sas*: ср. замѣтку Лорентца въ К. Z. XXXVII, 264—267 е.е. Въ этомъ мѣстоименіи старое и.-евр. s измѣнилось въ ch послѣ i, а на его мѣстѣ находимъ s,—въ однихъ формахъ предъ ё, i изъ o (instr. s. *vъs tъ, др.-ц.-сл. *късъти*, р. *всъмъ*; nom. pl. *vъs i др.-ц.-сл. *всъи*), въ другихъ формахъ въ силу тѣхъ же условій, что и въ словахъ *oъса, *отъсъ и т. д.

Условія эти не вполнѣ выяснены. Однако можно считать болѣе или менѣе вѣроятнымъ, что с, dz, s на мѣстѣ k, g, ch (ср. *князъ* и *княгиня*, *двигать* и *подвизаться*, *прорѣцати* и *пророкъ* и т. д.) во всѣхъ такихъ случаяхъ обязано своимъ возникновеніемъ вліянію предшествующаго палатального гласнаго, какъ предполагаетъ Бодуэнъ де-Куртена въ I. F. IV, 45 и сл. Вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, въ какихъ именно условіяхъ это вліяніе имѣло мѣсто.

Примѣчаніе. Бодуэнъ де-Куртене опредѣлялъ эти условія двумя положеніями задне-небныхъ k, g, ch: 1) послѣ i,  ,  ⁱ и 2) въ то-же время предъ удареніемъ. Первое условіе соответствуетъ, повидимому, фактамъ: с, dz, s на мѣстѣ k, g, ch находимъ послѣ  (i),  ( ) и  , которое въ эпоху рассматриваемаго звукоизмѣненія въ словахъ, сюда относящихся, могло звучать, какъ носовое i или же носовой гласный, болѣе закрытый, чѣмъ e. Второе условіе находитъ себѣ препятствіе въ такихъ примѣрахъ, какъ *старца*, *хлыбца*, *дѣвица*, *богъини*, а съ другой стороны—*окликать*, *старика*, *проникати*, *запрягать*, *присѣять*, где предъ удареніемъ не находимъ измѣненія k, g, ch въ с, dz, s. Соответствуютъ правилу Бодуэна де-К.: *восклицать*, *прорѣцати*, *проницати*, *подвизать*, *осаждать*, *лицо*, *хольно*, *стезя* и т. п.

Указанныя отступленія отъ установленного правила о мѣстѣ ударенія Бодуэнъ де-Куртене объясняетъ вліяніями аналогіи, нарушившими первоначальныя фонетическія отношенія.

Шахматовъ опредѣляетъ условія вліянія предшествующаго палатального гласнаго на k, g, ch иѣсколько иначе: оно имѣло мѣсто лишь тогда, когда лабіализація ихъ (k, g, ch) не была защищена положеніемъ предъ гласнымъ заднаго ряда, т. е. *liko, *likъ, *vъs o, *oъkojo, *rolъgo сохранялись, но *oъka, *vъcha, *lika, *rolъga измѣнялись въ *oъса, *vъза и т. д. Взаимное вліяніе формъ *lъgo и *lъdza, *stъgо и *stъdza породило параллели *lъga — *lъgo и *lъdza — *lъdзо: ср. русс. *льзя* и *льга*, *нельзя*, *нельга*, *стезя* и *зя* (изъ стыга); ср. также др.-русс. форму *вхоу* асс. s. f. (Хутынская грамота).

При этомъ въ послѣ смягченіаго согласнаго не палатализировалась слѣдующаѧ *k*, *g*, *ch*, вѣроятно потому, что это былъ *ь*:ср. *царекъ*, *пирожокъ*, *князекъ* и *купецъ*, *конецъ* (Изв. I, 1896 г. 4 кн. 703 стр.).

Иное пониманіе разсматриваемаго явленія предложилъ Миккола въ Roczn. Slaw. 1, 18 стр.: въ формахъ *dvizati*, *ticati* и т. п. онъ видитъ первоначально **rikjati*, **dvigjati*, сопоставляя ихъ съ лит. глаголами на *-joti* (*vadžiötii*); **отъесь* и т. п. онъ возводить къ **отъkjо-*. По его мнѣнію *kj*, *gj*, *chj* одновременно переходили въ *s*, *dz*, *s* послѣ палатальнаго гласнаго, но въ *č*, *ž*, *š* послѣ непалатальнаго. Формы loc. s. **отъče* (др.-ц.-сл. *отъче*) и т. п., гдѣ, согласно этому правилу, ожидаемъ *s*, а не *č*, Миккола устраниетъ гипотезой, что *kje*, *gje* еще въ «предсловянскую» эпоху >*ke*, *ge*. Объясненіе Микколы было бы наиболѣе простымъ и удобнымъ, но и при немъ встрѣчаются затрудненія: вм. **paričō* (др.-ц.-сл. *паричъ*) изъ *parikjо* ожидали бы *paricō*; предполагать *rikjati* и т. п. врядъ ли есть основанія:ср. др.-ц.-сл. *базати* — *бажжъ*, *спати* — *спапжъ*, *пьятти* — *пишжъ* и т. д. (рус. *взять*—*важу*, *спатъ*—*сплю*, *писать*—*пишу* и т. д.); въ прилагательныхъ **отъče*, **овъče*, **къпѣжъ* (др.-ц.-сл. *отъче*, *овъче*, *кънахъ*) изъ **otъkjъ*, **ovъkjъ*, **kъpjedjъ*, вопреки теоріи Микколы послѣ палатальныхъ гласныхъ изъ *kj*, *gj* находимъ *č*, *ž*, а не *s*, *dz*:ср. **отъс* (но Микколѣ пъз **otъkjos*).

Затрудненіе при объясненіи формъ **отъс*, **овъса* вліяніемъ предшествующаго палатальнаго гласнаго заключается въ томъ, что форма loc. s. **овък-ě*, **отък-ě* дала не *овъсѣ*, *отъсѣ*, какъ мы бы ожидали, а **овъсі*, **отъсі* (др.-ц.-сл. *овъци*, *отъци*):ср. **тъсѣ* изъ **tъkē* (др.-ц.-сл. *тъкѣ*); такъ же instr. s. **отъсеть* изъ **otъkomъ*, **овъсејо* изъ **ovъkojo* (др.-ц.-сл. *отъцимъ*, *овъцемъ*); однако отъ **тъсъ* instr. s. правильно **тъсѣть* (др.-ц.-сл. *тъсѣмъ*, рус. *всѣмъ*), dat. pl. *тъсѣтъ* (др.-ц.-сл. *тъсѣмъ*, р. *всѣмъ*), при gen. s. **тъсего*, dat. s. **тъсеми* (др.-ц.-сл. *тъсего*, *тъсемо*) изъ **тъсного*, **тъсномо*. Вѣроятно, склоненіе имъ **отъсъ*, **овъса* подверглось вліянію склоненія имъ типа **коцъ* (др.-ц.-сл. *коѣ*, р. *коѣ*), **zemlja*, а формы **тъсего*, **тъсеми* явились подъ вліяніемъ **jego*, **jemi*.

§ 56. Измѣненію въ *s* предъ *č*, *i* изъ дифтонгта *oi*, о которомъ было говорено выше въ § 54, подвергается *ch*, которое получилось изъ индоевр. s:ср. **duchъ*—n. pl. **dusи* и лит. *dausos*; loc. pl. **trъ-chъ* (др.-ц.-сл. *трыхъ*, р. *трехъ*) и лит. *tri-sù*. Точно такъ-же измѣняется *ch* въ *š* предъ палатальными гласными иного происхожденія и j: прасл. **duča* изъ **dučja*. Отсюда ясно, что измѣненіе и.-европейскаго *s* въ *ch* древнѣе той и другой палатализаціи задненебныхъ. Что касается условій измѣненія и.-евр. *s* въ *ch* на словянской почвѣ, то оно первоначально имѣло мѣсто, по-видимому, послѣ *j* (ь, i, oi, ei, ai), и (ъ, у изъ ю, eu, ou, au), г и к: **trisu* > **trъchъ*; **li-s-ъ* aor. 1 s. > **lichъ* (др.-ц.-сл. *лихъ*); loc. pl. **vъjk-o-i-su* (ср. греч. *-οισι*, др.-и.—*ešu*) > **vъjkoichъ* > **vъjčečhъ* (др.-ц.-слов. *въчѣхъ*); **rěk-sъ* > **rěk-ehъ* и затѣмъ **těchъ* (др.-ц.-сл. *рѣхъ*); **součsъ* > **suechъ*:ср. лит. *sausas*; **potſsъ* > **rogčsъ* (др.-ц.-сл. *прахъ*, р. *порогъ*):ср. **prѣstъ* (др.-ц.-сл. *прѣсть*, р. *перстъ*). Это измѣненіе *s* въ *ch* не имѣ-

ло мѣста, если с входило въ составъ группы sp, st, sk: сп. *istina (др.-ц.-сл. истина, р. истина); *рѣсты; 2 pl. aor. *rѣk-ste, измѣнившееся въ *rѣste (др.-ц.-сл. рѣкет); *blѣskъ (др.-ц.-сл. блѣск), гдѣ ё изъ оѣ. Наоборотъ, послѣ иныхъ звуковъ с, обычно, сохраняется: *језель (др.-ц.-слов. језнь, р. осень), *kosa (др.-ц.-сл. коса, р. коса), *časъ (др.-ц.-сл. часъ, р. часъ), гдѣ а изъ ё (=é), *bօсть (др.-ц.-сл. бօсъ, р. бօсъ) и т. д.

Измѣненіе с въ ch послѣ ё изъ оѣ при отсутствіи такого же измѣненія послѣ ё изъ ё указываетъ, что ch изъ и.-евр. с явилось въ прасловянскомъ языке тогда, когда еще существовали дифтонги.

Должно замѣтить, что первоначальная границы этого измѣненія, произшедшаго въ глубокой древности, расширились вслѣдствіе различныхъ причинъ, какъ аналогія, почему ch изъ s можно встрѣтить и въѣхъ указанныхъ выше условій. Такъ, по аналогіи формъ *rѣchъ, *bičchъ и т. п. явились *dachъ, *rekochъ и т. п. (др.-ц.-слов. рекохъ, дахъ, знахъ, двигохъ и т. д.), по аналогіи *synčchъ, *gostchъ, *vylcěchъ явилось* uodachъ, *ženachъ и т. д.

Въ иныхъ случаяхъ отступленія отъ общихъ нормъ находять иное объясненіе. Ср. по этому вопросу: Pedersen'a въ I. F. V (1895 г.) 33 и слѣд., Uhlenbeck'a въ Arch. XVI (1894 г.), 368 с. и сл., Mikkola B. B. XXXI, 245 с. и сл. I. F. XVI (1904 г.), 95—101 с. с., Соболевский въ Arch. XXVI, 559 и сл., Vondrák Vergl. Sl. Gr. I, 349 и сл.

Примѣчаніе. Uhlenbeck допускаетъ измѣненіе с въ ch и послѣ e, a; Соболевский также (послѣ e, e, a, o); Миккола въ I. F. XVI объясняетъ некоторые случаи ch изъ s не послѣ i, u, r, k—положеніемъ послѣ э, передшего въ о или исчезнувшаго. Мысль Педерсена I. F. V, 86 с., что s уже въ индоевроп. эпоху діалектически (въ восточной вѣтви), переходило въ Š, откуда слово ch, не всегда принимается: ср. K. Z. 1904—1906, 599 и сл.

§ 57. Въ предыдущемъ изложеніи были уже отмѣчены иѣкоторыя звуковыя явленія, связанныя съ вліяніемъ ѡ на софідный гласный или согласный: таковы измѣненія сочетанія ѿ въ ѹе, измѣненіе ѿ послѣ ѡ въ ja, измѣненіе k, g, ch предъ ѡ въ č, ġ, š. Къ этой же группѣ явленій относятся слѣдующія звуковыя измѣненія.

1. Гласный о измѣняется въ e послѣ смягченныхъ согласныхъ (č, ž, š, č, dž, št, žd, ſ, l, n), какъ и послѣ j.

2. Гласный ū послѣ ѡ даетъ i; въ § 17 былъ приведенъ одинъ примеръ такого измѣненія: прасл. *šiti (др.-ц.-сл. шити, р. шить, пол. szyc и т. д.) ср. съ лит. siūti; сюда-же относятся формы instr. pl. имѣнь съ основой на -o послѣ мягкихъ неслоговыхъ звуковъ: *konjí (др.-ц.-сл. кони, др.-русск. кони); соответствующія формы имѣнь съ твердымъ согласнымъ предъ -o основы оканчиваются на -u: *vylku (др.-ц.-сл. влкъ),

др.-р. *въмы*). Въроятно, измѣненіе это произошло уже послѣ измѣненія *и* въ *у*, такъ-какъ сочетаніе *иу* встрѣчается въ иныхъ случаяхъ въ прасловянскомъ языке. Но *у* изъ *и* и *иј* изъ *ю*, очевидно, должны были получиться раньше измѣненія дифтонговъ *oi*, *eи* въ *и*, *иј*.

Такимъ образомъ, указанное измѣненіе является однимъ изъ весьма древнихъ звуковыхъ процессовъ праслов. эпохи.

3. Въроятно, одновременнымъ ему является аналогичное измѣненіе *и* (*ъ*) послѣ *ј* въ *i* (*ъ*); и это измѣненіе, повидимому, произошло уже послѣ того, какъ и.-европ. *и*, *i* дали *ъ*, т. е. *јъ* измѣнялось въ *јъ*; такъ получилась форма пом. с. *коṇјъ (др.-ц.-сл. *коṇь*, р. *коṇь*, пол. *koń*, серб. *kōnj* и т. д.) изъ *коṇјъс, въ которомъ *-ъс* явилось нефонетически вм. *-јес* изъ *-jos* подъ влияниемъ *уѣлъс (ср. выше—§ 50).

4. Въ начальномъ слогѣ слова группа *јъ* измѣнялась, повидимому, уже въ праслов. въ *i*, все равно, былъ ли *и* исконнымъ или новымъ, возникшимъ на словянской почвѣ: такъ *ътъ дало *ътъ и затѣмъ *итъ (др.-ц.-сл. *има*): ср. лит. *imū* и прасл. *-ътъ въ *уѣлътъ (др.-ц.-слов. *къзъмъ*, р. *возъму*). Такимъ же образомъ *јъго (лат. *yugum*, др.-и. *yugam*, греч. *γυγόν*), въ силу предыдущаго (2 п.) измѣнившееся въ *јъго, дало *јго (др.-ц.-сл. *иго*, р. *иго*). Внутри слова, *јъ* въроятно давало *ji*: *dостојиъ измѣнялось въ *dостојиъ; также конечное сочетаніе *јъ*, повидимому, давало *ji*: *кraјъ > *kraji. Ср. Leskien, Die Slavische Lautverbindung *ji*, I. F. X (1899) 259 и сл.

5. Старое *е* въ положеніи предъ *ј* измѣнялось въ прасловянскомъ въ *i* т. е. *ъ*,—измѣненіе, представляющее извѣстный видъ звуковой ассимиляціи: *еј* давало *їј* и затѣмъ *i* въ положеніи предъ согласнымъ, *-ij* въ положеніи предъ гласнымъ (ср. измѣненіе *еј* въ *ој* предъ гласнымъ): прасл. *vidъ (др.-ц.-сл. *видъ*, р. *видъ*, серб. *vid*) получилось изъ *veidos (лит. *vėidas*, греч. *(Ϝ)εῖδος*); прасл. *trъје (др.-ц.-сл. *трыє*) изъ *trejес или *trejес: ср. др.-и. *tráyas*; прасл. *уѣјо (др.-ц.-сл. *уїж*, *уїж*, р. *уїю*)—лит. *vejä*.

6. Согласные *r*, *l*, *n* въ соединеніи съ послѣдующимъ *ј* давали, повидимому, смягченные *r'*, *l'*, *n'*: *morјe измѣнялось въ *mог'е, *ръјга—въ *ръѓа, *stelјо—въ *stel'о, *stenјо—въ *sten'о (русск. *море*, *стело* и т. п. со смягченными *r*, *l*; въ др.-ц.-сл. текстахъ эта мягкость выражается знакомъ смягченія ^ надъ согласнымъ или же знакомъ йотованаго гласнаго послѣ *r*, *l*, *n*).

7. Согласные *s*, *z* въ сочетаніи съ послѣдующимъ *ј* давали *š*, *ž*: *pisјо 1 s. prae. измѣнялось въ *pišо со смягченнымъ *š* (др.-ц.-сл. *пишъ*, р. *пишу*, пол. *piszę*, серб. *písem*); *vězјо—въ *věžо (др.-ц.-сл. *кажъ*, р. *важу*, пол. *wiążę* и т. д.); ср. infin. *vězati (др.-ц.-сл. *вазати*, р. *вя-*

затъ, пол. *wiązać*), *pisati (др.-ц.-слов. *пътати*, писати, р. *писать*, пол. *pisać*).

8. Относительно судьбы сочетаний *губной* +*ј* и *зубной* *đ*, *t* +*ј* отдельные словянские языки не сходятся, а потому возможно, что измѣненія этихъ группъ, наблюдаемыя въ нихъ, или относятся къ эпохѣ особной ихъ жизни или же въ прасловянскомъ языке имѣли различія по говорамъ.

Если предполагать въ указанныхъ сочетаніяхъ какія-либо общія измѣненія праслов. характера, то *bj*, *pj*, *vj*, *mj* могли измѣниться въ *b'*, *p'*, *v'*, *m'* т. е. представлять одновременную губную артикуляцію и *ј* или *ј̄*; сочетанія же *dj*, *tj* должны были дать долгіе смягченные *đ'*, *t'*, которые, можетъ быть, уже въ праслов. эпоху представляли въ произношеніи слитные смягченные, не вполнѣ одинаковые въ различныхъ говорахъ (*t's'*, *d'z'* или *t'š'*, *d'ž'*); отсюда затѣмъ въ русскомъ получились *č'*, *š'*, (*g'*, упростились въ *ž'*), въ западно-слов. языкахъ *с*, *đz* (или его упрощеніе *z*),—первоначально смягченные, въ сербскомъ *ћ*, *Ђ* (*t's'*, *d'z'*), въ др.-ц.-сл. *šč*, *žđč*. О др.-ц.-сл. рефлексахъ *tj*, *dj* ср. ниже, § 78.

§ 58. Въ словянскомъ *ј*, также и въ словянскомъ *v*, нужно различать старые *ј* и *v* (или *ј̄*, *v̄*), полученные изъ индо-европейского, и новые *ј* и *v* (*ј̄*, *v̄*), явившіяся на словянской почвѣ. Такъ, въ § 57, мы видѣли, что *im̄o изъ *jym̄o получилось изъ первоначального *ymp̄ (лит. *imū*) съ новымъ *ј* или *ј̄* не индо-европ. происхожденія. Хотя показанія отдельныхъ слов. языковъ на этотъ счетъ не вполнѣ сходны, однако врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, новое *ј* и *v̄* явились уже въ праслов. эпоху. Такого праслов. происхожденія *ј* и *v* (изъ *ј̄*, *v̄*) въ формахъ неопределенного наклоненія *bijati, *byvati (др.-ц.-сл. *бияти*, *бывати*, р. *бывать*, пол. *vybiąć*, *bywać*)—изъ *bī-atī, *bī-a-tī чрезъ посредство *bī-jati, *bī-ya-tī, гдѣ *ј* и *v̄* явились переходными звуками, устранившими зіяніе. Но большая часть случаевъ съ *ј* и *v* новыми относится къ началу слова. Такъ въ др.-л.-сл. находимъ *яблъко* (и *авлъко*), въ русскомъ *яблоко*, въ пол. *jabłko*, въ чеш. *jáblko*, въ серб. *jâbčka*: ср. латыш. *ābele*—*яблоня*, *ābūlis*—*яблоко*, лит. *obūlas*, др.-в.-н. *arpul*; такимъ же образомъ въ др.-ц.-сл.—*агнъцъ*, *агнъл* (и *агнъцъ*, *агнъл*), въ русск. *ягненокъ*, въ серб. *jâgnje*, въ пол. *jagnie*, въ чеш. *jehnje*: ср. лат. *agnus* съ тѣмъ же значеніемъ; др.-цер.-слов. *агода* (и *агода*), рус. *ягода*, пол. *jagoda*, чеш. *jahoda*, серб. *jâgoda* ср. съ латыш. *āga*, лит. *āga*; др.-ц.-сл. *естъ*—*естъ*, р. *есть* (*e=jē*), пол. *jest*, чеш. *je*, серб. *jëst* и т. д. ср. съ лит. *esm̄i*—*ësti*, латыш. *esmu*, лат. *est*, греч. *éστι*, др.-инд. *ásmi·ásti*, др.-ц.-сл. *еленъ*, серб. *jelen*, чеш. *jelen*, пол. *jelēj* ср. съ лит. *élnis*, греч. *έλαφος* изъ *el̄-bh-o-s; др.-цер.-слов.

въкнъти, р. при-въкнуть, чеш. vuknouti, серб. vîknati—того же корня, что *učiti (изъ učk-i-ti) и восходитъ къ *učk-nq-ti съ ц новымъ, возникшимъ на славянской почвѣ.

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ другіе и.-евр. языки не даютъ указанія на старое ѡ и у (ю, ѿ), но врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что ѡ и ѿ въ этихъ случаяхъ развились уже въ праслов. эпоху. Неслоговой ѡ, откуда затѣмъ ѡ, развивался въ прасл.—предъ гласными е и є: ер. вышеприведенное прасл. *jesmъ, *jestъ; ер. прасл. јѣті (др.-ц.-сл. юти)—лит. iñti; прасл. *јетро (др.-ц.-сл. јетро, серб. jétra)—греч. ἔτερα, др.-инд. antrám.

Тотъ-же ѡ (ю) развивался и предъ начальнымъ ё (изъ ё, а можетъ быть и изъ о): ер. выше § 51); др.-ц.-сл. юмъ—иаки изъ *jědmъ, јědsi, р. юдъ, юсли ер. съ латыш. ēdi, лит. ēdu, лат. eðo, греч. ἔω, др.-инд. átti—пастъ, или, быть можетъ,—юдъ стъ греч. οδάσ. При этомъ еще до возникновенія ѡ предъ ё существовали сложныя формы *sъněsti, *ob-ědъ,—ср. др.-ц.-сл. сънѣти, р. сънѣть, обѣдъ, чеш. oběd и т. п.

Подъ влияніемъ этихъ формъ могли возникнуть затѣмъ и формы съ ё въ началѣ слова, какъ русс. ёсть, ёда, др.-ц.-сл. ёд—при юд—и т. д. Ср. Pedersen K. Z. XXXVIII, 312 с. Иначе Фортунатовъ: ѡ (ю) предъ ё исчезало раньше измѣненія ё въ а послѣ мягкихъ неслоговыхъ, Сборн. въ честь Ламанского 1478—1479 с. Въ положеніи предъ а, по-видимому, также развивалось ѡ: ер. приведенные выше примѣры *jaħłtъko, *jagnę и др. Примѣръ ѡ предъ начальнымъ ѿ также приведенъ выше: *jymo. Новый ѿ развивался предъ ѿ или полученнымъ изъ него ѿ: ер. выше *vuknoti; въ отдельныхъ славянскихъ языкахъ находимъ ѿ также предъ ѿ: малор. wuję, пол. wąż, пол. węgorz (*угорь*), пол. węgiel (*уголь*): малор. wujolъ (*уголь*); такъ-же предъ ѿ: др.-ц.-сл. юни, русс. юнь, ер. пол. wąchać, но др.-ц. юхати. Начальное ѿ, ѡ обычно остаются: ер. напр. русск. иной, ива, умъ, ухо, др.-ц.-сл. иизъ, ива, оумъ, оухъ, но въ др.-ц.-сл. находимъ ютро, въ серб. јутро.

Колебанія, которыя замѣчаются по отношенію къ этимъ ѡ (ю), ѿ (ую) нового происхожденія, по-видимому, указываютъ, что они возникли внутри фразы во избѣжаніе зіянія между концомъ (гласнымъ) одного слова и началомъ другого; въ началѣ фразы такое ѡ, ѿ не возникало, и въ языкахъ рядомъ могли существовать формы съ ѡ или ѿ предъ начальнымъ гласнымъ и безъ нихъ, затѣмъ могло произойти обобщеніе. Слова, которыя обычно употреблялись въ началѣ фразы, сохранились безъ такого ѡ, ѿ: таковы др.-ц.-сл. ии, а (союзъ), русскіе экой, это и т. п. Ср. по этому вопросу Фортунатова Arch. XII, 96 и сл., Педерсена въ K. Z.

XXXVIII, 311 и сл. и Мелье «Sur l'initiale des mots vieux slaves «с» et «у» въ Сбор. статей по славяновѣд. II (1906 г.).

Эпоха появления новыхъ ѡ (и) и у (ү) опредѣляется слѣдующими моментами: съ одной стороны они развились, вѣроятно, послѣ отпаденія конечныхъ согласныхъ, съ другой стороны, появление ихъ, повидимому, предшествовало измѣненію ј въ я:ср. *jasti (др.-ц.-сл. *тасти*); если же вѣрно сопоставленіе Педерсена слов. jađъ съ оидѣю и слов. jazva съ aižyti, то это значило бы, что начальные ѡ и ү развились уже послѣ измѣненія оѣ въ ё.

Въ предыдущемъ изложеніи остались неотмѣченными нѣкоторыя явленія въ области согласныхъ, какъ напримѣрь упрощеніе группъ изъ двухъ или нѣсколькихъ согласныхъ или развитіе нового звука въ группѣ согласныхъ. Объ исчезновеніи согласныхъ въ концѣ словъ было упомянуто. Здѣсь необходимо отмѣтить слѣдующія явленія.

1. Повидимому, еще въ балтійско-словянскую эпоху, если таковая существовала, группы *vl*, *vr* (или *ul*, *ur*) измѣнялись въ *l*, *r*: прасл. *гофъ (др.-ц.-сл. *родъ*, р. *родъ*)—ср. др.-инд. *vradhant*—(выдающійся): ср. Lidén, Ein balt.-slav. Anlautsgesetz, Göteborg, 1899 г.

Прижаніе. Ильинскій въ Arch. XXIX (1907, 161 сл.), предполагаетъ также исчезновеніе *v* или (*ü*) въ прасловянскомъ послѣ *k*, *g*, *kb*, предъ о изъ индо-евр. э.

2. Группы *bs*, *ps*, *ts*, *ds* упрощались въ праслов. въ *s*: ср. прасл. *osa (др.-ц.-сл. *оса*, р. *оса*, под. *оса*) и лит. *vars*; др.-ц.-сл. форма аориста отъ корня *greb*—грабъ получилась изъ *grēb-s-om; такимъ-же образомъ аористъ чигъ (чтѣл. 1 s. *praeſ.*) образовался изъ *keit-s-om; формы 2 s. *praeſ.* *věsi, *dasi (др.-ц.-сл. *вѣси*, *даси*) получились изъ *věd-si (ср. 3 pl. др.-ц.-сл. *вѣдатъ*), *dad-si (3 pl. *аддатъ*). Слѣдов. группа *tsl*, *dsl* должна была дать *sl*: *čit-slo > *čislo (др.-ц.-сл. *число*, р. *число*); *gōdslı > *gōsli (др.-ц.-сл. *госли*, р. *гусли*): ср. др.-ц.-сл. *глдтъ*, р. *гудить*; группа *tsm* дала такимъ-же образомъ *sm*: др.-ц.-сл. *числа* (*знакъ*) изъ *čitsme ср. корень *сыт-*, *сит* (р. *вы-чит-аю*, *с-чит-аю*).

3. Группа *ks* (изъ *ks* или *gs* съ и. -евр. *s*) измѣнялась въ *kh* и затѣмъ въ *ch*: аор. *rēk-s-om (ср. др.-ц.-сл. *рекъ*) даетъ *rēchъ (др.-ц.-сл. *рѣхъ*); аор. *gēg-s-om (ср. др.-ц.-сл. *жегъ* 1 s. *praeſ.* изъ *gego) даетъ *žēchъ и затѣмъ *žachъ (др.-ц.-сл. *жахъ*).

Такія же формы находимъ и въ древнѣйшихъ памятникахъ другихъ слов. языковъ, что и указывается на прасловянской характерѣ всѣхъ указанныхъ выше измѣненій.

4. Группа *kst* измѣнилась въ *st*: 2 pl. aor. *rēkste дало *rēste (др.-ц.-сл. *рѣкте*).

5. Группа pt и bt (>pt) упрощается въ t: *dolbto даеть *dolto, откуда—др.-ц.-сл. *далто*, р. *долото* (ср. *фыбъ—др.-ц.-сл. *длбъ*, р. *долбъ-и-тъ*); *ter-ti inf. (при *теро 1 s. praes.) дасть *teti (др.-ц.-сл. *тети—тепъ*); *greb-ti (при *гребо) даеть *greti (др.-ц.-сл. *грети* — *гребъ*).

6. Группа kt упрощается въ t: прасл. *pletotъ 3 pl. praes. (др.-ц.-сл. *плетётъ*, др.-русс. *плетутъ*, пол. *plota*, серб. *plèti*) изъ *plektotъ,—ср. лат. *plecto*; прасл. *реть (др.-ц.-сл. *ратъ*, русс. *ратный*, пол. *riaty* и т. д.) изъ *reuktos, —ср. лит. *reiktas*. Общий принцип, лежащий въ основѣ всѣхъ этихъ упрощеній—стремленіе къ открытому слогу.

Если группа kt стояла предъ палатальнымъ гласнымъ, то результаты были иные: въ такомъ случаѣ на мѣстѣ kt находимъ во всѣхъ слов. языкахъ то-же, что и на мѣстѣ сочетанія tj, т. е. въ др.-ц.-сл. št, въ русскомъ ё, въ зап.-славянскихъ с и т. д.; отсюда ясно, что группа kt предъ палатальнымъ гласнымъ совпада въ праслов. съ группой tj, т. е. *дала*, вѣроятно, k't, затѣмъ t't, т. е. долгое t'. Такъ, *noktъ дало въ др.-ц.-сл. *ношти*, въ русс. *ночъ*, въ пол. и чеш. *ное*: ср. лит. *naktis*. Такимъ же образомъ форма infin. *tek-ti дала въ др.-ц.-сл. *решти*, въ пол. *rzes*.

Тѣ-же результаты получались отъ измѣненія группы gt предъ палатальнымъ гласнымъ: ср. др.-ц.-сл. *могъ—мошти*, р. *могу—мочь*, пол. *mogę—mocę* и т. д.

Если серб. форма *vrécí* (infin.) отражаетъ фонетический результатъ измѣненія группы cht предъ палатальнымъ гласнымъ (1 s. praes. *vršem* подъ влияниемъ 2 и 3 s. *vršč*, *vrše*—ср. др.-ц.-сл. *връхъ*) т. е. восходитъ къ прасл. *verchti, то должно думать, что ch предъ взрывнымъ t измѣнялось въ также взрывной k, а потому cht давало то-же, что и kt; при этомъ возможно, что ch явилось въ формѣ *verchti нефонетически подъ влияниемъ 1 s. praes. *vyrchō, такъ-какъ корень этого слова *vers-*, *vrys-*, а s послѣ g, повидимому, не измѣнялось въ группѣ -st.

Изъ предыдущаго ясно, что въ формѣ 2—3 s. praes., 1—2 pl. глагола *pleto мы ожидали бы въ др.-ц.-сл. *племешти*, *племштети*, *племштети*, *племштете* и т. д., въ русскомъ—*плечешь*, *плечеть* и т. д.; съдѣд. формы *pleteši, *pletetъ и т. д. (др.-ц.-сл. *партеши*, р. *плетешь* и т. д.) должно считать нефонетическими,—возникшими подъ влияниемъ *pleto, *pletotъ.

7. Въ формѣ infin. отъ *pletotъ не находимъ того измѣненія, что въ формѣ *tek-ti: изъ *plekt-ti получилось *plesti (др.-ц.-сл. *плести*, р. *плести*, чеш. *plesti*, пол. *pleść* и т. д.), что объясняется болѣе раннимъ измѣненіемъ группы t-t въ st: *plekt-ti > *pleksti, откуда затѣмъ *plesti такъ-же, какъ *rête 2 pl. aor. изъ *rěk-s-te (др.-ц.-сл. *rkste* отъ 1 s. *rkx*). Это послѣднее измѣненіе,—it въ st,—относится къ дословянской эпохѣ:

ср. прасл. *meto—*mesti (др.-ц.-сл. мёта—мести, р. мету—мести, пол. miotę—mieść и т. д.) и литов. metù—mèsti (бросать), *vedo—*vesti (др.-ц.-сл. ведо—вести, р. веду—вести) и лит. vedù—vèsti (то же значение); также-же получились существительные *solstъ, *voistъ, *strastъ изъ *sold-tъ, *voldtъ, *stradtъ (ср. др.-ц.-сл. сласть, власть, страсть, р. сласть съ ла́ державного происхождения; волость, страсть и др.-ц.-сл. гладкъ, владѣй, страдати, русск. сълодъ, малор. солёдкий, володнътъ, страдати).

8. Группы рø, bñ, tn, dñ, упрощаются въ п: прасл. *sъпъ (др.-ц.-сл. съпъ, р. сонъ, пол. и чеш. sen, серб. sан) изъ *sъпъти, ср. *sърати (др.-ц.-сл. съпаги, р. спать). греч. ἔπιος; прасл. *gъвпоти (др.-ц.-сл. гъвпти, р. гнуть, пол. gnać) изъ *gъвпоти: ср. др.-ц.-сл. съговарятъ, рус. съговарять; прасл. *svьпоти изъ *svь-твоти (др.-ц.-сл. освятыти, серб. osvànuti): ср. др.-ц.-сл. сътати, р. сътатъ (въ подъ вміяніемъ съть); прасл. *рѣпоти (др.-ц.-сл. въпранитъ, р. воспраянуть): ср. др.-ц.-сл. предати, р. (конъ) прядетъ (ушами).

9. Группа ss дала с: *jesi изъ *es-si (др.-ц.-сл. юти, чеш. jsi, др.-р. еси и т. д.): ср. *јес-ть, *јес-ть.

10. Группа dm дала m: прасл. *дамъ (др.-ц.-сл. дамъ, рус. дамъ, пол. dam) изъ *dad-ть; *вѣмъ (др.-ц.-сл. вѣмъ, пол. wiem, чеш. vim) изъ *vѣd-ть: ср. *даdetъ, *vѣdetъ (др.-ц.-сл. дадатъ, вѣдатъ); прасл. *pleme (др.-ц.-сл. племѧ, р. племѧ) изъ *pledмъ: ср. *plodъ (др.-ц.-слов. плодъ, русс. плодъ).

Въ числительномъ *sedimъ, *sedimъ (порядковое) (др.-ц.-слов. седиъ, седимъ, р. седьмой, пол. siódmy) dm, быть можетъ, восходитъ не къ bdm,—но къ—bdым съ очень рано исчезнувшимъ въ (греч. ἐβδομός).

11. Группа bv дала v: *obelkъ (др.-ц.-сл. обѣкъ), *obolko (др.-ц.-сл. облако, р. оболоко) изъ *ob-velko, *ob-volko: ср. *velkъ (др.-ц.-сл. вѣкъ, р. блоку).

12. Группа skn упростилась въ sn: *tis-noti изъ *tisk-nø-ti (ср. рус. тиснуть, пол. cisnąć, др.-ц.-сл. тиснати) при *tisk-a-ti (др.-церк.-слов. тискати, р. тискать, тиски, пол. ciskać); *blësnoti изъ *blësk-noti (др.-ц.-сл. вльс-нити, р. блеснуть, пол. blísnąć) при *blëskъ (др.-ц.-сл. вльсъ, р. блескъ, правило же блъскъ, пол. blaskъ).

13. Въ группѣ sr въ праслов. развилось t между s и r: прасл. *struja (др.-ц.-сл. строути, р. струя): ср. съ лит. stravà (струя крови); др.-инд. srávati (течетъ), прасл. *ostrъ (др.-ц.-сл. остръ, р. острый): ср. съ лит. aštrūs; прасл. *rystrъ (др.-ц.-сл. пыстръ, русс. нестрый, чеш. psistrý) изъ *ръс-гъ—того же корня, что и *ръс-a-ti, *pisati (др.-ц.-сл. пытати, р. пытать), греч. ποικίλος (не斯特рый); *sestra (др.-ц.-сл. систра) изъ *sesra: ср. лит. sesefs gen. s. (ном. sesu).

Примѣчаніе. Недарсентъ предполагаетъ измѣненіе группы dd въ з: I. F. XXVI, 292 с. Предположеніе, основанное на 2 этимологіяхъ,—шатко; ср. Ж. М. Н. Пр. 1910 № 7, 201 с.

§ 60. Сравненіе отдельныхъ словянскихъ языковъ позволяетъ предполагать, что уже въ прасловянскую эпоху могли произойти нѣкоторыя измѣненія въ области количества и ударенія.

Такъ, напримѣрь, языки сербскій, словинскій, чешскій, польскій (въ послѣднемъ слѣдомъ долготы нѣкоторыхъ гласныхъ являются закрытое произношеніе ихъ), кашубскій—сходятся въ томъ, что гласные, полученные долгими изъ индо-европ. языка, являются въ нихъ сократившимися въ известныхъ условіяхъ по отношенію къ мѣсту ударенія.

Сокращеніе произошло въ нихъ: 1) въ конечномъ открытомъ слогѣ: *baba>*bāba, *trāva>*trāva; 2) передъ долгимъ ударяемымъ слогомъ (*družīna>*drnžīna); 3) подъ удареніемъ въ начальномъ слогѣ трехсложныхъ словъ (*já'goda>*jágoda); 4) за два слога передъ удареніемъ (*kł-pováti>*kupováti). Возможно, что нѣкоторыя изъ этихъ сокращеній произошли уже въ праслов. эпоху. Ср. Шахматовъ «Къ исторіи звуковъ» и т. д. (1903 г.) 47 и слѣд.

Примѣчаніе. Въ области ударенія можно предполагать уже въ праслов. перемѣщеніе ударенія съ конечныхъ и срединныхъ въ на предшествующій слогъ: (серб. шток. krl̩, чак. král, русск. король—ген. с. чак. kralà, русск. королѧ; серб. чак. kónj, шток. kbj̩,—г. с. чак. konjà, р. конь—коня; серб. шток. ūzmeši—ūzme—др.-р. возьметъ пять *vъзъметъ). Повидимому, уже въ праслов. языке въ позднѣйшую эпоху его жизни, въ я. и въ могли быть ударяемыми лишь въ начальномъ слогѣ слова.

Впрочемъ, для церк.-слов. языка эти замѣчанія не могутъ имѣть значенія, такъ-какъ дошедшіе до насъ памятники не даютъ твердаго материала для сужденій о количествѣ и удареніи въ др.-ц.-сл. языке.

II. Звуки древне-церковно-словянского языка.

§ 61. Древне-церковно-словянскому языку были известны следующие звуки:

А. Гласные. 1. *Полное образование*.

- а) твердые (велярные): *а*, *о*, *ă*, *ѹ*, *ѿ*.
- б) мягкие (палатальные): *ѣ*, *ѣ*, *и*, *ѧ*.

2. *Неполнное образование* (редуцированные въ количественномъ отношеніи):

- а) твердый *х*,
- б) мягкий *ъ*.

В. Сонорные: 1. *Гласные* *ঁ*, *ং* (слоговые и неслоговые);

2. *Носовые* *ঁ*, *ং*.

С. Шумные согласные. 1. *Брызговые*:

- а) губные *ঁ*, *ং*,
- б) зубные *ঁ*, *ং*,
- с) задне-небные *ঁ*, *ং*.

2. *Длительные*:

- а) губной *ঁ*,
- б) зубные *ঁ*, *ং*,
- с) язычно-небные *ঁ*, *ং*, (*ঁ?*)
- д) задне-небный *ঁ*,

3. *Аффрикаты*: *ঁ*, *ং*, *ঁ*.

Отношение звуковъ древне-церковно-словянского языка къ прасловянскимъ.

§ 62. Древне-церк.-слов. языкъ въ своей звуковой системѣ въ общемъ довольно близокъ къ праслов. языку; отступлени¤ отъ этого послѣдняго въ звукахъ сравнительно немногочисленны.

Гласный *а* др.-ц.-сл. языка, вообще говоря, соответствуетъ прасловянскому *α*: др.-ц.-сл. *трава* изъ прасл. *trava (руск.—трава, чеш. tráva, серб. tráva, пол. trawa и т. д.), др.-ц.-сл. *мати* изъ прасл. *mati (руск. мать, чеш. mati и т. д.).

Кромѣ того въ др.-ц.-сл. находимъ *а* въ сочетаніяхъ *ra*, *la* въ соотвѣтствіи прасловянскому *o* въ сочетаніяхъ *or*, *ol* предъ согласнымъ: др.-ц.-сл. *брада* изъ прасл. **borda* (русс. *борода*, пол. *broda*, чеш. *brada*, серб. *bráda*); *голова* изъ прасл. **golva* (русс. *голова*, чеш. *hlava*, пол. *głowa*, серб. *gláva*); ср. ниже § 72.

Гласные *о*, *ö*, *ou* восходятъ къ прасл. *o*, *o*, *u*: др.-цер.-слов. *нога* изъ прасл. **noga* (р. *нона*, пол. *noga*, чеш. *noha*, серб. *nôga*); др.-ц.-сл. *мужка* изъ прасл. **mǫka* (пол. *mǫka*, чеш. *mouka*, р. *мужка*, серб. *mûka*); др.-ц.-сл. *оуcho* изъ прасл. **uchō* (р. *ухо*, пол. *uchō*, чеш. *uchō* и т. д.). Должно замѣтить, что двойное написаніе *ou* для звука *u* не заключаетъ въ себѣ никакихъ указаний на природу этого гласного: это двойное написаніе механически перенесено изъ греческаго письма (*ou*).

Гласный *я* соотвѣтствуетъ, вообще говоря, прасловянскому *u*: *быти* изъ прасл. **byti* (русс. *быть*, пол. *być*, серб. *biti*, чеш. *býti* и т. д.); кромѣ того въ др.-ц.-словянскомъ гласный *я* является на мѣстѣ прасл. *ъ* въ положеніи предъ *j*: др.-ц.-сл. *мѧж* изъ **mtyo* (ср. р. *мёю*); обѣ этомъ явленіи подробнѣе см. ниже, въ § 69.

Гласные *е*, *и* (также *i*), *ä* соотвѣтствуютъ прасловянскимъ *e*, *i*, *ë*: др.-ц.-сл. *беръ* изъ прасл. **berø* (русс. *беру*, чеш. *beru* и т. д.); др.-ц.-сл. *видѣти* изъ прасл. **videti* (р. *видѣть*, пол. *widzieć*, чеш. *viděti* и т. д.); др.-ц.-сл. *мята* изъ прасл. **męta* (пол. *mięta*, р. *мята*).

Гласный *и* является въ др.-ц.-сл. также на мѣстѣ прасл. *ъ* въ положеніи предъ *j*: др.-ц.-сл. *киж* изъ прасл. **vyljø* (р. *выло*), др.-ц.-сл. *шина* изъ прасл. **šyja* (р. *шеля*); подробнѣе обѣ этомъ явленіи см. въ § 69.

Гласный *ѣ* соотвѣтствуетъ, вообще говоря, прасл. *ě*: др.-цер.-слов. *лѣто* изъ прасл. **lěto* (р. *льто*, пол. *lato*, чеш. *leťo* и т. д.); кромѣ того *ѣ* въ др.-ц.-словянскомъ является на мѣстѣ праслов. *е* въ сочетаніяхъ *рѣ*, *лѣ* изъ прасл. *er*, *el* въ положеніи предъ согласнымъ: др.-цер.-слов. *брѣгъ* изъ прасл. **bergъ* (р. *берегъ*, чеш. *bréh*, пол. *brzég*, серб. *brég*); др.-ц.-сл. *мѣжко* изъ прасл. **mēlko* (корб. *mléko*, чеш. *mléko*, пол. *mléko*, р. *молоко*—вслѣдствіе измѣненія на русской почвѣ *el* въ *öl*, затѣмъ въ *ol*, откуда *olъ*); подробнѣе обѣ этомъ см. ниже, въ § 72.

Др.-ц.-сл. *ъ*, *ь* соотвѣтствуютъ прасловянскимъ *ъ*, *ь*: др.-ц.-сл. *сѧнъ* изъ прасл. **sъnъ* (русс. *сонъ*, чеш. *sen*, пол. *sen*, серб. *sân*); др.-ц.-слов. *дѧнь* изъ прасл. **dъnъ* (р. *день*, чеш. *den*, пол. *dzień*, серб. *dân*).

Трудно, сказать былъ ли др.-ц.-слов. языкъ извѣстенъ неслоговой *і* въ соотвѣтствіи прасловянскому длительному согласному *j*; этотъ *і*, или же *j*, выражается первой частью такъ-называемыхъ йотированыхъ начертаній гласныхъ: *и*, *ie*, *io* (изъ *iu*), *ы*, *ы*; ср. ниже, § 73.

§ 63. Др.-ц.-сл. сонорные *φ*, *λ*, *μ*, и соответствуют прасловянскимъ *г*, *л*, *п*; при этомъ др.-ц.-словянскому языку, какъ и прасловянскому, *г*, *л* были известны какъ въ слоговомъ, такъ и въ неслоговомъ употребленіи, сонорные же *и*, *м* только въ неслоговомъ: ср. уже приведенные выше—др.-ц.-сл. *трака*, *λέγο*, *εγνά*, *μάλ्कο* изъ прасл. **trava*, **lēto*, **sъnъ*, **mlēko*.

Слоговыми были др.-ц.-сл. *φ*, *λ* въ соотвѣтствіи прасл. сочетаніямъ *γ*, *λ* (*γρ*, *λύ*),—ср. ниже, § 71.

Какъ въ прасловянскомъ, сонорные *г*, *л*, *п* могли быть въ др.-ц.-словянскомъ не только твердыми, но и смягченными: др.-ц.-сл. *море* изъ прасл. **moře* (болѣе раннєе **mogje*); др.-ц.-сл. *поле* изъ прасл. **polje* (раньше **polje*) и т. д.

Кромѣ того въ др.-ц.-словянскомъ существовало смягченное *л* въ сочетаніяхъ *ла*, *ла*, *ла* на мѣстѣ праслов. *b+j*, *p+j*, *v+j*, *m+j*: др.-ц.-сл. *земля* изъ прасл. **zemja* (русс. *земля*, пол. *ziemia*, чеш. *země*, серб. *zemla*), др.-ц.-сл. *люблю* изъ прасл. **lubijō* (рус. *люблю*, пол. *lubię*) и т. п.; ср. ниже, § 75.

Др.-ц.-сл. взрывные *п*, *б*, *λ*, *τ*, *κ*, *γ* соответствуютъ прасл. *p*, *b*, *d*, *t*, *k*, *g*: ср. выше приведенные примѣры *поле*, *веръ*, *видѣти*, *вѣкъ*, *мѣка*. При этомъ рядомъ съ задне-небными *κ*, *γ* древне-цер.-словянскому языку были известны также передненебные *κ̄*, *γ̄* въ иностранныхъ (греческихъ) словахъ, какъ *ἀγέλη*, *εὐαγγελίον*, *παρασκευή* и т. д.; для *γ̄*, какъ мы видѣли при ознакомленіи съ глаголической азбукой (введеніе, стр. 16), въ глаголицѣ имѣлся особый знакъ: *ℳ*.

Зубные *τ*, *λ* могли быть твердыми и смягченными, а именно смягченными они были въ сочетаніяхъ *шт*, *жд*, получившихся въ др.-цер.-словянскомъ языке изъ праслов. *τ'*, *λ'* (*τ'* изъ *dj*, *λ'* изъ *tj* и *kt*): *најда*, *ткѣшта*, *ношть* изъ прасл. **nōdja*, **svētja*, **noktъ*, ср. ниже, § 78.

Длительный губной *κ* (ц.-слов.) соответствуетъ прасловянскому *υ*: ср. приведенное выше др.-ц.-сл. *бшкъ*. Соответствующей глухой *φ* (*f*) также былъ известенъ др.-цер.-словянскому языку, но лишь въ чужихъ (греческихъ) словахъ: *φариси*, *филипп* и т. п.

Длительные зубные *τ*, *λ* соответствуютъ прасловянскимъ *s*, *z*: ср. приведенные выше *εγνά*, *земля*. Зубной *с* въ др.-ц.-сл. является также на мѣстѣ прасл. *sh* въ группѣ *shv-* предъ *i* и *ě* изъ дифтонговъ: др.-ц.-сл. *калаши*—пот. *pl.* отъ *калахи*; ср. обѣ этомъ явленія ниже, въ § 81.

Язычнокибнѣс *ш*, *ж* восходятъ къ прасл. *š*, *ž*: ср. *наша*, *пишь*, *лижь* изъ прасл. **našь*, **pišь*, **ližь*; *жена* изъ прасл. **žena* (гдѣ *ž* изъ болѣе древняго *ḡ*): ср. русс. *наша*, *пишу*, *лижу*, *женя*, пол. *nasz*, *piszę*, *liżę*, *żona* и т. д.).

Длительный задненебный *χ* соответствует прасловянскому *съ*:ср. вышеупомянутое *ούχο*. Рядом съ задненебнымъ *χ* въ др.-ц.-сл. существовало передненебное *χ* въ чужихъ (греческихъ) словахъ, какъ *αρχι-*
ερει, *αρχισυναγερη*. Аффрикаты *ч*, *ц*, *ш* восходятъ къ прасл. *č*, *c*, *dž*; оучити изъ прасл. **ic̥iti* (русс. учить, пол. исzуć, чеш. ičítí и т. д.); *овьца* изъ прасл. **owc̥a* (русс. овца, пол. owca, чеш. ovce и т. д.); *новѣкъ* попн. dual. изъ прасл. **nodz̥e* (ср. др.-пол. *nodze*). Аффрикаты *џ*, *զ* являются въ др.-ц.-сл. языкахъ также на мѣстѣ первоначальныхъ *к*, *г* въ группѣ *kv*, *gv* предъ палатальными гласными: ср. ниже, § 81.

Такимъ образомъ, въ звуковой системѣ др.-ц.-словянского языка находимъ слѣдующія отличія отъ системы прасл. звуковъ:

- 1) новое *а* въ группахъ *ra*, *la* изъ прасл. *or*, *ol* предъ согласнымъ;
- 2) новое *ѣ* въ группахъ *rѣ*, *lѣ* изъ прасл. *er*, *el* предъ согласнымъ;
- 3) новое *и* на мѣстѣ прасл. *ъ* предъ *j*;
- 4) новое *и* на мѣстѣ прасл. *ь* предъ *j*;
- 5) группы *pa*, *ba*, *ma*, *la* на мѣстѣ прасловянскихъ *pj*, *bj*, *mj*, *vj*;
- 6) передненебные *к*, *г*, *χ* и глухой губной длительный *ф*—въ заимствованныхъ словахъ;
- 7) группы *шт*, *жд* со смягченными *т*, *д* на мѣстѣ прасловянскихъ *t'*, *d'* изъ *tj*, *kt*, *dj*;
- 8) сочетанія *цк*, *зк*, *шк* на мѣстѣ первоначальныхъ прасловянскихъ *kv*, *gv*, *chv* предъ палатальными гласными.

Формы чередованія гласныхъ въ др.-ц.-словянскомъ языкахъ.

§ 64. Др.-ц.-сл. языки сохранили большинство формъ праслов. чередованія гласныхъ безъ всякаго измѣненія; такъ прасл. чередованіе *о—е—ь* (или звуковой нуль) является и въ др.-ц.-сл. въ видѣ чередованія *о—е—ь* (или нуль), прасл. чередованія *ё—и—ь* (i), *и—ю—ь* (y) —въ видѣ чередованій *ќ—и—ь*, *ѹ—ю—ь*; чередованіе *о—е* въ видѣ чередованія *л—а* и т. д. Примѣры этихъ чередованій изъ др.-ц.-слов. языка уже даны въ § 36 и слѣд.

Здѣсь необходимо отмѣтить лишь тѣ незначительныя измѣненія, которыми подверглись прасловянскія формы чередованій въ др.-ц.-сл. языкахъ.

Такъ-какъ прасл. сочетанія *ог*, *ол*, *ер*, *ел* предъ согласнымъ являются въ др.-ц.-сл. языкахъ въ видѣ сочетаній *ra*, *la*, *rѣ*, *lѣ* предъ согласнымъ, то прасловянскому чередованію *ог—ер*, *ол—ел* соответствуетъ въ др.-ц.-словянскомъ чередованіе *ra—rѣ*, *la—lѣ*.

При этомъ ступень редукціи въ этихъ чередованіяхъ является въ древне-церковно-словянскомъ въ видѣ *рь* (*ρχ*), *ль* (*λχ*), что могло обозна-

чать сочетанія *г*, *гъ* (ъ) неслоговое (ср. по этому вопросу ниже, § 71). Такимъ образомъ, прасловянскому отношенію *vorchtъ—*verchti—*vъгшо соответствуетъ др.-церк.-словянское *врахъ*—*връшти*—*връхъ*.

Далѣе, на мѣстѣ праслов. въ положеніи предъ ј въ др.-ц.-слов. является і, поэтому прасл. чередованіе (ě)—і—ъ (изъ оі—еі—і въ положеніи предъ согласнымъ) является въ др.-ц.-словян. въ видѣ отношенія (ѣ)—і—и: *бити*—*внѣ* изъ прасл. *biti—*вѣю, *бити*—*внѣ* изъ прасл. *viti—*вѣю.

Такимъ-же образомъ праслов. чередованіе у:ъ въ *тутi:тъю (ср. русск. *мѹю*) является въ др.-ц.-сл. въ видѣ отношенія зи:зи въ *мити*—*митѣ*, *корити*—*коритѣ* и т. п.,—въ силу измѣненія ъ въ положеніи предъ ј въ зи (ср. ниже, § 69).

Замѣчанія объ отдельныхъ звукахъ и звуковыхъ сочетаніяхъ др.-ц.-словянского языка.

§ 65. Гласный *а*, судя по показаніямъ дошедшихъ до настѣ памятниковъ древне-церковно-слов. языка, существовать въ этомъ языкѣ не только послѣ согласныхъ, но и въ началѣ слова и послѣ гласныхъ, т. е. безъ предшествующаго ј или і неслогового.

Въ глаголическихъ памятникахъ, какъ извѣстно, нѣть особаго знака для сочетанія *ја* или *ја*, которое выражается въ кирилловскомъ алфавитѣ знакомъ *и*; на мѣстѣ этимологического *ја* (или *ја*) въ глаголическихъ памятникахъ находимъ знакъ *а*, который въ то-же время соотвѣтствуетъ кирилловскому *ѣ*.

Но рядомъ съ *а* въ значеніи *и* въ глаголическихъ памятникахъ находимъ въ томъ же значеніи и простое, нейотованное *а*, какъ внутри слова, такъ и въ началѣ слова; при этомъ въ началѣ слова *а* на мѣстѣ *и* находимъ въ нѣкоторыхъ памятникахъ не только послѣ паузы, что было бы понятно (ср. выше § 58), но и внутри фразы.

Въ Кіевскомъ Миссалѣ встрѣчаемъ два раза *а* (союзъ) послѣ паузы (V 5, 16). Въ Маріинскомъ Ев. начальное *а* находимъ въ словахъ *абиє*—при *ѣбнє* (1 разъ), *абити*, *аваѣннє*, *акѣ*—рядомъ съ *ѣкити*, *ѣкление*, *ѣбѣ*, *азї* рядомъ съ *ѣз* (1 разъ), *аште*,—рядомъ съ *ѣште*, *агода*, *анце*, *али* (союзъ); слова *ико*, *икъ*, *има*, *иможе*, *ирость*, *ирз*, *ирьмничъ* встрѣчаются только съ *ѣ*, какъ и различныя образованія отъ корня *ид-* (изъ єд.). При этомъ формы глагола *акити* находимъ (съ *а*) не только послѣ паузы, но и въ срединѣ фразы: *ѣко плаѧть и крѣх* (sic) *не аки тебѣ* (Мар. Ев. 56, 13) и т. п.

Въ Зографскомъ Ев. также находимъ *ѣкити* и *акити*, *а* (союзъ), *аште*, *абиє*, *анца*, *акъ*, но *ѣко*.

Въ Glag. Cloz. пишется а (союзъ), а не, аште, ашютх, абине, азх, агынъць,—рядомъ съ ёгынъць, но ёвнти, ёблѣти, ёбѣ, ёдх, ёдро, ёсан, ёсти, ёзба, ёко, ёрость.

Въ Ассем. Ев. аки, авити—обычны,—при рѣдкомъ ёви,—азх, агынъць, аинца.

Конечно, греческія слова съ начальными а сохраняютъ свою форму какъ въ глаголическихъ, такъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: ангелъ, апостолъ и т. п.

Если а на мѣстѣ а въ глаголическихъ памятникахъ не представляетъ собою графической неточности такъ же, какъ и а въ значеніи и, то, очевидно, первоначальная условія употребленія а и и (а послѣ паузы, а внутри фразы) въ языке дошедшихъ до насть памятниковъ уже не имѣли значенія.

Въ кирилловскихъ памятникахъ сочетаніе я или ѹа имѣть для своего выраженія особый знакъ—и; тѣмъ не менѣе и здѣсь находимъ факты того-же характера, что и въ памятникахъ глаголическихъ: въ Саввиной книжѣ находимъ исключительно абине, агынъць, агода, азх, аице, аин (союзъ); аице; при этомъ а является не только послѣ паузы, но и внутри фразы: и абине, речетъ емоу абине (64^в), и аще что... (56^в), и азх вами... (67) и т. д.; съ другой стороны, въ Саввиной книжѣ употребляется исключительно глаголь иакти въ различныхъ формахъ, исключительно иако и иакоже, изва, иможе, ирмынникъ, иаки, иости (ииль, исты, иадитъ, иадатъ и т. д.),—при ёдь, ёлих, ёдѣхъ, ёша, ёдашихъ (Щепкинъ Савв. книга, указатель). Въ Остромировомъ Ев. всегда пишется а, абине, азх, аинца, аице; въ Хиландарскихъ Листкахъ находимъ а послѣ паузы (II 13б 12), аице въ сочетаніи: да аще (Аа 5—6); Въ Листкахъ Ундолинского нѣсколько разъ встрѣчается а послѣ паузы: абине и азх. Такимъ образомъ, подборъ словъ, которыя пишутся съ а въ началѣ слова, болѣе или менѣе однороденъ въ глаголическихъ и кирилловскихъ памятникахъ, и возможно, что это согласие отдельныхъ памятниковъ содержитъ въ себѣ общее указаніе относительно древне-церк.-словянскаго языка: повидимому, въ немъ нѣкоторыя слова обобщились въ формѣ съ начальными а, которая употреблялась и послѣ паузы, и въ срединѣ фразы.

Приимъчаніе. По наблюдению Соболевскаго, колебание а и ѹа относится исключительно къ словамъ съ начальными гласными, получившимся изъ первоначального а или ѹа, но не изъ ё: Сборникъ въ честь Ягича 204—205 с.е. Дѣйствительно, вѣрные примѣры колебанія ѹа—а въ словахъ съ ѹа изъ ё указать трудно; такъ происхожденіе а въ азх—азх является спорнымъ (ср. Бернекеръ Slav. Etym. Wörterb., 35 с.). Однако нельзя отрицать возможности возникновенія по аналогіи авити—иакти и т. п. а при ѹа изъ ё тамъ, где рядомъ съ этимъ ѹа не было ё, какъ въ иакти—иакти.

Внутри слова въ др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ а безъ предшествующаго ѿ или і послѣ гласнаго, въ силу его вторичнаго исчезновенія,—въ формахъ г. с. т.—п. прилагательныхъ опредѣленныхъ, какъ добрааго, въ глагольныхъ формахъ *вѣкаштъ*, *сѣвираштъ* и т. п. (Мар. Ев.), а также въ такихъ формахъ, какъ *ѣканіе* Мар., Савв. Остр., *дѣканіе* Glag. Cloz., *дѣти* Мар., *любодѣаніе* Мар. Остр., *чааніе* Мар. Остр. Савв. Отнести эти факты, касающіеся положенія а внутри слова, къ первоначальному чертамъ др.-ц.-сл. языка, т. е. къ языку Кирилла и Меѳодія, врядъ ли можно съ полной увѣренностью.

§ 66. Древне-церк.-словянское ъ не можетъ быть опредѣлено, какъ звукъ, болѣе или менѣе точно. Въ глаголической азбукѣ для обозначенія ъ находимъ знакъ, который въ то-же время служить для выраженія сочетанія ja (ja); если предположить, что это единство знака для двухъ различныхъ по происхожденію звуковыхъ величинъ отражаетъ лишь иеточность слухового восприятія составителя глаголицы, то фактъ этотъ во всякомъ случаѣ указываетъ на значительную близость въ говорѣ составителя глаголицы между ъ и и; различіе между ними, несомнѣнно, было, такъ какъ предъ ъ въ значеніи и въ глаголическихъ источникахъ согласный снабженъ иногда значкомъ мягкости (коиа и т. п.), тогда-какъ предъ ъ въ значеніи ё этотъ знакъ мягкости на предшествующемъ согласномъ не ставится (иѣах и т. п.); возможно, что это различіе было лишь въ томъ, что предшествующій гласному ъ (изъ прасл. ѿ) согласный не былъ въ такой мѣрѣ смягченнымъ, какъ предъ и; быть можетъ, напримѣръ, др.-ц.-сл. ъ представляло сочетаніе неслогового e и слого-вого a или же неслогового ѿ и слогового a. Возможно также, что слоговая часть ъ была не тождественнымъ гласному a, но близкимъ ему акустически широкимъ я. Въ кирилловскихъ памятникахъ для звука ѿ существуетъ особый знакъ ъ, отличный отъ и, но это не противорѣчитъ тѣмъ выводамъ, которые можно сдѣлать на основаніи глаголической графики. Въ кирилловскихъ памятникахъ находимъ, напр., на мѣстѣ этимологического и послѣ смягченныхъ согласныхъ р, л—ъ. Такъ, въ Савв. книгѣ: *мерѣ* g. s., *ткорѣши*, особенно же послѣ л,—колѣ п. с., *зелѣ*, *тыѣ* и т. д.; въ Хиланд. л.л. *погоѹмыѣ*(їѹри), *разарѣетк*. Отражаетъ ли этотъ фактъ измѣненіе согласныхъ р, л изъ смягченныхъ въ полумягкие, вслѣдствіе чего слогъ *ла*, *ри* совпадъ со слогомъ *рѣ*, *лѣ*, или же здѣсь отражается измѣненіе послѣ указанныхъ согласныхъ а въ направлениі къ ъ, но указанные факты, повидимому, также указываютъ на близость др.-ц.-словянского ъ и и.

Приложаніе. Ср. Лескинъ въ Arch. XXVII, 2, 165 с.; Щепкинъ, Раз-
сужденіе, 275 с.; Фортунатовъ, Составъ Остромирова Евангелія З с. (Сборникъ

статьей въ честь Ламанского). Фортунатовъ понимаетъ написанія *лѣ* на мѣстѣ *ли* въ томъ смыслѣ, что «буква *ѣ* выражала *а* съ предшествовавшей ему переходною мягкою гласною *е* или въ неслоговое, разинавшееся при переходѣ отъ смягченной согласной къ *а*».

§ 67. Гласный *е*, подобно гласному *а*, существовалъ въ др.-ц.-словянскомъ языке безъ предшествующаго *ј* или *ј* не только послѣ согласного, но и въ началѣ слова. Въ глаголической азбукѣ *е* безъ предшествующаго *ј* (и) и съ таковыми вообще не различаются: ихъ выражаетъ одинъ и тотъ-же знакъ. Отчасти ту-же черту находимъ и въ кирилловскихъ памятникахъ: въ Хиланд. листкахъ *е* обычно замѣнено знакомъ *е* и въ началѣ, и внутри слова; въ Листкахъ Ундолльского *е* имѣть значеніе *е* и *е*; въ Савв. книгѣ *е* употребляется сравнительно рѣдко. Но въ Супрасльской рукописи, где въ началѣ слова и внутри слова послѣ гласного обычно употребляется *е*, въ извѣстныхъ случаяхъ находимъ *е* въ началѣ слова: въ словѣ *есе* въ началѣ слова при *есе* внутри слова: ср. Meillet въ «Сборникѣ статей по словяновѣдѣнію» II в. (1906 г.), 388 стр. Несомнѣнно, въ такихъ случаяхъ въ живомъ произношеніи, дѣйствительно, слышалось *е* безъ предшествующаго *ј* или *ј*. Въ Остромировомъ Ев., также отличающемся *е* отъ *е*, находимъ *е* въ началѣ слова въ стѣдующихъ примѣрахъ: *еда*, *едка*, *егда*, *ен*, *езро*, *евьма*, *етеръ*, *еце* (при *еце*). Относительно Остромирова Ев. трудно, конечно, сказать, отражаютъ ли приведенные примѣры черту языка писца, или же произношеніе оригинала. Слова *еда*, *ен*, несомнѣнно, относятся къ числу такихъ, которые обычно употребляются въ началѣ фразы. Слова *етеръ*, *езро*, по правильному замѣчанію Меллье (Loc. cit.), были чуждыми живому языку русскаго писца, который знать на ихъ мѣстѣ *иѣкви*, *озро*.

Примѣчаніе. Трудно согласиться съ Меллье, по мнѣнію которого глаголическая графика (*Э = е* и *е*) предполагаетъ произношеніе *е* послѣ согласныхъ такое, какъ въ русскомъ (*небо*) и польскомъ (*niebo*); предположеніе такого южно-слов. говора IX вѣка врядъ ли можно обосновать (Götting. gelehr. Anzeig. 1910 № 5, 367—368 с.с.).

§ 68. Гласные *ъ*, *ь* определены выше (§ 3), какъ редуцированные въ количественномъ отношеніи, т. е. болѣе краткіе въ сравненіи съ краткими гласными.

Примѣчаніе. Въ этомъ же смыслѣ Фортунатовъ и наследователи его школы употребляютъ терминъ «ирраціональные» гласные; по вопросу о терминологии ср. Ягича въ Агн. XXII, 553 с., Лишунова въ Ж. М. Н. Пр. 1900, № 6, 390 и сл. Въ старой научной литературѣ по отношенію къ др.-перк.-слов. *ъ*, *ь* употреблялись термины «глухой», и «полугласный» (*dumpf*, *«Halbvocal»*, — конечно, далеко не отражающіеся точностью; въ болѣе новой литературѣ упо-

требляются кроме термина «иррациональный» и «редуцированный» также термины «überkurz», «schwach», «слабый», «полукраткий». Ни один из указанных терминов, конечно, не может быть признан идеальнымъ, т. е. вполнѣ точно опредѣляющимъ природу звуковъ ъ, ь; да и врядъ ли можно съ полной увѣренностью опредѣлить эту природу. Однако, принимая во вниманіе нѣкоторыя явленія, связанныя со звуками ъ и ь въ отдельныхъ славянскихъ языкахъ (исчезновеніе ъ, ь въ известныхъ условіяхъ; измѣненіе въ малорусскомъ стихѣ въ сон при ПБП, —затѣмъ піп, —изъ попъ), наиболѣе вероятнымъ должно признать, что главное отличие ъ и ь отъ иныхъ гласныхъ лежало въ количественной сторонѣ, а не въ сторонѣ экспираторной и не въ качественномъ моментѣ, изъ которого склонность исходить Ягичъ въ Arch. XXII, 559 с. Терминъ «редуцированный» считаю болѣе подходящимъ, такъ какъ терминъ «редукція» принять въ фонетикѣ, тогда какъ терминъ «иррациональный» взять изъ области математики.

I. Редуцированные ъ и ь, полученные изъ прасловянского тѣмъ говоромъ, который легъ въ основу др.-церк.-славянского языка,—можно думать, —*сохранялись въ немъ, какъ особые звуки ъ и ь, во всѣхъ положеніяхъ въ ту эпоху, когда изготавливали словянскій переводъ богослужебныхъ книгъ.*

Древнѣйшій по языку памятникъ древнѣ-церковно-славянской письменности,—Кievskій Миссалъ, еще сохраняется въ общемъ это старое состояніе словянскихъ языковъ, которое съ увѣренностью можно предполагать для IX вѣка: въ немъ всюду правильно находимъ ъ и ь тамъ, где ихъ можно ожидать въ соотвѣтствии прасловянскимъ ъ и ь,—напр. на мѣстѣ і и ч другихъ индо-европейскихъ языковъ; ни разу на протяженіи всего памятника, состоящаго изъ 7 листовъ (14 страницъ) ъ и ь не пропущены на письмѣ, ни разу не замѣнены эти знаки какими-либо другими. Такъ, въ Kievskомъ Миссалѣ читаемъ: чѣтыкъ, чѣты, чѣтиахъ, чѣтынаго и т. п.,—отъ корня чѣт- (русское чту), въ которомъ ъ соотвѣтствуетъ гласному і въ авест. ēistiš=мысль; далѣе,—въ Kiev. M. находимъ: быфухъ, бысего, быгъ, быгъ(могъ) и т. д.—всегда съ сохраненіемъ ъ, которое соотвѣтствуетъ правильно литовскому і въ visas (весь); отъали, (бѣ)нилемизъ, въ которомъ ъ соотвѣтствуетъ і въ литовскомъ имѣ—imti; такимъ же образомъ правильно сохраняеть Kiev. M. старые ъ, ь и въ другихъ случаяхъ: кржве, киплатити, оупажаніе, любикъ, мышѣ (лат. missa), злока, дѣни и т. д. И между собой ъ и ь, обыкновенно, не смѣниваются,—ъ находимъ тамъ, где въ родственныхъ индо-европ. языкахъ слышится и (кржве ср. лит. krūvinas—кровавый), а ь стоитъ въ соотвѣтствии съ і этихъ языковъ. Только въ двухъ примѣрахъ въ Kiev. M. находимъ ъ на мѣстѣ болѣе старого ь: бысѣхъ на 7 л. (2 раза)—вм. бысѣхъ (лит. visas). Въ Надписи 993 г. находимъ: штица, оугспихш(иҳз), схтбо(ренигѣ).

II. Не то, однако, видимъ въ другихъ древнѣйшихъ памятникахъ др.-цер.-слов. языка: въ нихъ уже находимъ рядъ измѣненій въ области тъ и ь, изъ которыхъ важнѣйшія встрѣчаемъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Эти измѣненія, наблюдаемыя въ др.-цер.-славянскихъ памятникахъ, суть слѣдующія.

1. На мѣстѣ болѣе древняго тъ находимъ ь и, наоборотъ,—на мѣстѣ болѣе древняго ь—ть: вмѣсто тѣма—тѣма и вмѣсто злѣ—злы.

2. Въ извѣстныхъ условіяхъ знаки тъ и ь пропускаются на письмѣ вовсе, что обозначаетъ исчезновеніе звуковъ тъ и ь въ этихъ условіяхъ въ произношеніи: вмѣсто кѣго, злоба пишется кѣго, злоба.

3. Въ иныхъ условіяхъ знаки тъ и ь замѣняются знаками о и є, что обозначаетъ измѣненіе въ этихъ условіяхъ звуковъ тъ и ь въ звуки о и є въ живомъ произношеніи: вмѣсто кѣсь пишется кѣсъ, вмѣсто любкъ—любкѣ.

То-же исчезновеніе тъ и ь въ извѣстныхъ условіяхъ и измѣненіе ихъ въ гласные полнаго образованія произошло, какъ извѣстно, и въ русскомъ, а также въ другихъ славянскихъ языкахъ:ср. russ. все изъ прасл. *уъсе, вѣсъ изъ прасл. *уъсь, зло изъ прасл. *зѣло и золъ изъ прасл. *зѣль.

Звуковыя явленія, которыя отражаются въ указанныхъ выше фактахъ пропуска тъ и ь и замѣны ихъ знаками о и є въ др.-ц.-слов. памятникахъ, конечно, не относятся уже къ кирилло-мѣодіевскимъ оригиналамъ и не характеризуютъ др.-ц.-слов. языки Кирилла и Мѣодія; въ этихъ фактахъ большинства др.-ц.-слов. памятниковъ отражаются болѣе поздніяя явленія X—XI вѣковъ, имѣющія мѣсто въ различныхъ болгарскихъ говорахъ.

III. Условія, въ которыхъ имѣли мѣсто эти звуковыя явленія, могутъ быть точно определены:

1. тъ и ь (звукі) исчезали въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдовала слогъ съ гласнымъ полнаго образованія (т. е. не съ тъ или ь), при условіи неударяемости этихъ тъ, ь; такимъ образомъ кѣсъ, кѣса, кѣнѣ, кѣго, злѣ, супѣаніе, склѣти, склѣзати и т. п. измѣнялись въ кѣсъ, кѣса, кѣнѣ, кѣго, злѣ, супѣаніе, склѣти, склѣзати и т. д.

2. тъ и ь не могли исчезать, а измѣнялись въ о, є (или тъ сохранялось, какъ тъ) въ тѣхъ случаяхъ, а) когда за ними слѣдовала слогъ онѣть таки съ тъ или ь или же съ і и у изъ тъ, ь (предъ ѿ); б) когда тъ или ь были ударяемыми, причемъ обыкновенно первое и второе условіе совпадали. Такимъ образомъ кѣсъ, дынь, злѣ, склѣзъ съ удареніемъ на первомъ слогѣ измѣнялись въ кѣс(ъ), ден(ъ), зол(ъ), гол(ъ), какъ въ силу положенія

перваго тъ, б предъ слогомъ съ тъ, ь, такъ и въ силу ударяемости. Точно такъ-же дѣніе измѣнялось въ дѣніе, ибо и во второмъ слогѣ получилось изъ ь въ положеніи предъ ж и въ количественномъ отношеніи было такимъ же, какъ и тъ, ь. Указанныя условія, очевидно, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что измѣненіе тъ, ь въ о, е было обусловлено потерей въ послѣдующемъ слогѣ: превращеніе тъ, ь или и въ неслоговые звуки или же ихъ исчезновеніе вызывало измѣненіе предшествующаго тъ, ь въ о, е. Отсюда ясно, что выше сдѣланное опредѣленіе условія перехода тъ, ь въ о, е должно быть болѣе точно формулировано слѣдующимъ образомъ: тъ, ь переходитъ въ о, е предъ слогомъ съ тъ, ь (или и изъ ь), если за этимъ слогомъ не слѣдуетъ опять таки слогъ съ тъ, ь; въ самомъ дѣлѣ, въ формѣ *правъдъна*—ь во второмъ отъ конца слогѣ, находясь предъ слогомъ съ полнымъ гласнымъ (а) становился неслоговымъ или исчезалъ; а потому предшествующее ь переходило въ е—*пракедъна*; но въ формѣ *правъдъна*,—раньше всего ослабились конечные тъ, ь,—второе отъ конца ь усилилось въ силу звуковой потери въ конечномъ слогѣ, а потому третье отъ конца ь не могло уже усилиться: оно находилось уже предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія; слѣдовательно, форма *правъдъна* должна была дать—*пракденъ(з)*; такимъ же образомъ форма дѣніи должна была дать—дѣніи, ибо конечное и изъ ѿ стало неслоговымъ, предшествующее и (изъ ь предъ ж) усилилось, а потому ь находилось предъ слогомъ полнаго образованія и должно было исчезнуть. Въ формѣ *рѣпѣтъ* среднее тъ должно было дать о въ силу положенія предъ слогомъ съ тъ, первое же въ силу ударяемости.

Примѣчаніе. Возможно, что въ некоторыхъ случаяхъ препятствиемъ къ исчезновенію тъ и ь могла быть природа соѣднѣхъ согласныхъ, составлявшихъ съ тъ (ь) звуковую группу.

IV. Звуковое явленіе, указанное подъ 1, объясняетъ между прочимъ то обстоятельство, что въ др.-ц.-слов. памятникахъ тъ и ь смыкаются на письмѣ; это происходило а) отчасти въ силу дѣйствительныхъ измѣнений въ произношеніи этихъ звуковъ, отчасти же б) въ силу причинъ графического характера.

а) Дѣйствительныя измѣненія въ произношеніи тъ и ь можно предполагать, напр., въ тѣхъ случаяхъ, когда тъ замыкается чрезъ ь предъ мягкимъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, а ь замыкается чрезъ тъ предъ твердымъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія; такимъ образомъ, вместо старого *вѣдѣти*, *сѣнѣ*, *зѣлѣ* находимъ *вѣдѣти*, *сѣнѣ*, *зѣлѣ*, а вместо старого *правъда*—*пракъда*. Въ этихъ случаяхъ тъ и ь, находясь предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія,—могли подвергаться влиянию послѣдующаго слога еще прежде, чѣмъ стали исчезать:

твърдое ъ предъ мягkimъ слогомъ измѣнялось въ мягкое ь, а мягкое ь предъ твърдымъ слогомъ—въ твърдое ъ.

Примѣчаніе. О кынѣ ср. Zuhatу Сборн. Ятича, 396 с.

β) Графически ъ и ь могли симѣниваться въ такомъ же положеніи (предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія) въ силу того, что въ произношеніи писца они уже не существовали т. е. исчезли, и писецъ не имѣлъ живого критерія для правильной постановки этихъ традиціонныхъ знаковъ. Болѣе правильной является постановка ъ и ь въ концѣ слова, чѣмъ внутри,—отчасти потому, что конечное ъ или ь опредѣляло цѣлую грамматическую категорію, отчасти же потому, что критеріемъ иногда служило различіе мягкости конечнаго согласнаго (предъ старымъ ь, затѣмъ исчезнувшимъ) и твердости его (предъ тъ, затѣмъ исчезнувшимъ); мягкость же конечнаго согласнаго поддерживалась аналогіей: кост(ъ), гост(ъ), гол(ъ), сохраняли мягкость конечнаго согласнаго въ виду того, что она поддерживалась формами кости, гости, голи (gen. dat. loc. s.), гдѣ конечные согласные были мягки предъ н.

По отношенію къ симѣнію ъ и ь слѣдуетъ добавить, что данныя нѣкоторыхъ памятниковъ позволяютъ предположить измѣненіе ь въ ъ подъ вліяніемъ предшествующихъ согласныхъ (ш, ж).

V. Такимъ образомъ мы видимъ, что исчезновеніе ъ и ь, а также ихъ взаимная мѣна, съ одной стороны, и измѣненіе въ гласные полнаго образованія (о, е) съ другой—зависятъ отъ причинъ фонетического характера, опредѣляются известными звуковыми условіями. Однако и въ данномъ случаѣ, какъ и вообще въ языке, дѣло не обошлось безъ вмѣшательства психологического фактора въ видѣ таѣ называемой аналогії.

Согласно выше установленнымъ условіямъ исчезновенія и вокализаціи (т. е. перехода въ о, е) ъ и ь, форма *пракъдънъ* должна была дать *пракъденъ*, форма же *пракъдънъ*—форму *пракедънъ*; взаимодѣйствіе этихъ формъ создало форму *пракедънъ* (Мар. Ев. 3, 2) или, иначе говоря, подъ вліяніемъ формы *пракедънъ* явилось *пракъденъ* вместо фонетической *пракъдънъ*. Форма *сънъмъ* должна была фонетически дать *снемъ*, но рядомъ съ этой формой (*сънъмъ* Мар. Ев. 176, 27) находимъ и форму *сънъмъ* (Мар. Ев. 302, 9); эта форма могла явиться подъ вліяніемъ формъ *сънма*, *сънмоу*, гдѣ въ правило выпадъ предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія.

VI. Описанные выше явленія, связанныя съ судьбой ъ и ь, какъ уже было отмѣчено, относятся къ древне-болгарскимъ говорамъ болѣе поздняго времени. Однако явленія эти содержатъ въ себѣ нѣкоторыя указанія относительно др.-ц.-словянскихъ ъ, ь кирилло-мѣѳодіевской эпохи: различная судьба, которую имѣли ъ, ь въ зависимости отъ того, слѣдо-

валь ли за нимъ слогъ съ тъ (б) или съ гласнымъ полнаго образованія,— позволяет думать, что тъ и ь въ этихъ различныхъ положеніяхъ не были вполнѣ одинаковы и въ эпоху, болѣе древнюю. Возможно, что уже въ болѣе древнюю эпоху тъ и ь въ конечномъ слогѣ ослабѣли въ количественномъ отношеніи, а предшествующее имъ тъ и ь усилились: конечное тъ въ формѣ правъдънъ, быть можетъ, уже въ кирилло-мѣѳодіевскую эпоху было неодинаковымъ въ количественномъ отношенію съ тъ предшествующаго слога.

Примѣчаніе. Фортунатовъ предполагаетъ, что «изъ общеславянскаго языка перешли въ отдельные славянскіе языки вращающаяся гласная тъ и ь двухъ видовъ по количеству: большаго и меньшаго количества». Изв. (1908) ХІІ, кн. 2, 5 с. прим.; тъ и ь большаго количества Фортунатовъ предполагаетъ въ положеніи предъ слогомъ съ тъ или ь (или і изъ тъ предъ ј).

VII. Указанный въ предыдущемъ изложениіи явленія взаимной мѣны тъ и ь, ихъ полнаго исчезновенія и перехода въ о, е,—вмѣстѣ или порознь—замѣщаются во всѣхъ дошедшихъ до настѣ древнѣйшихъ церк.-слов. памятникахъ, за исключеніемъ Кіев. Миссала, который, какъ мы видѣли, отступаетъ отъ правильной постановки тъ и ь лишь въ двухъ случаяхъ: замѣпы въ черезъ тъ.

1. *Взаимная мѣна тъ и ь лишь въ немногихъ памятникахъ болѣе или менѣе ясно отражаетъ въ себѣ известные фонетические процессы болѣе ранней эпохи.*

Яснѣѣ всего законъ измѣненія тъ въ тъ предъ мягкимъ слогомъ и ь въ тъ предъ твердымъ, установленный впервые Ягичемъ,—проведенъ въ Зографскомъ Евангеліи. Такъ, здѣсь находимъ вѣрати, дѣрати, пѣрати, зѣдати, вѣдока, вѣдокица, тѣма и т. д. вмѣсто первоначальныхъ вѣрати, дѣрати, пѣрати, зѣдати, вѣдока, тѣма и т. д. Съ другой стороны въ Зogr. Ев. находимъ вѣдѣти, зѣлѣ, зѣли, дѣбѣ, дѣбѣма и т. п. вмѣсто вѣдѣти, зѣлан, дѣбѣ и т. д. Такимъ образомъ, мягкий слогъ, съдовавшій за тъ, измѣнялся его въ тъ, а твердый слогъ, съдовавшій за ь, мѣнялся это въ на ь.

При этомъ необходимо принять во вниманіе два обстоятельства: а) тъ и ь оставались безъ измѣненія, если за ними следовалъ слогъ опять таки съ тъ или ь: кѣрънъ не измѣнялось въ кѣрънъ; дѣнъ не измѣнялось въ дѣнъ; б) законъ измѣненія тъ въ тъ предъ твердымъ слогомъ, а ь въ тъ предъ мягкимъ слогомъ не проведенъ въ Зографскомъ Ев. вполнѣ послѣдовательно: такъ, суффиксъ -ъск- не мѣняется своего тъ предъ твердымъ гласнымъ, формы дѣшти, вѣзипити, кѣде, кѣназъ и др. не мѣняютъ своего тъ на ь.

Первое изъ указанныхъ обстоятельствъ, повидимому, нужно понимать въ томъ смыслѣ, что ассимилирующему вліянію послѣдующаго слога

подвергались лишь ъ, ь слабые, т. е. находившиеся предъ слогомъ съ полнымъ гласнымъ, которые впослѣдствіи исчезали; ъ и ь въ слогѣ предъ ъ, ь достигали нормальной краткости и не подвергались вліянію послѣдующаго слога.

Второе обстоятельство показываетъ, что измѣненіе ъ въ ь и наоборотъ, въ зависимости отъ послѣдующаго слога, не относится къ эпохѣ писца Зографскаго Ев.; это звуконизменіе, вѣроятно, болѣе послѣдовательно отражалось въ графикѣ оригинала Зографскаго Ев., а подъ первомъ писца первоначальная правильность сильно пострадала, ибо для него ъ и ь въ этихъ случаяхъ уже не были звуками живыми,—онъ произносилъ крати, юка, зли, лѣ и т. д.

Законъ измѣненія ъ въ ь и ь въ ъ въ зависимости отъ качества слѣдующаго слога, дѣйствовавшій въ эпоху, болѣе раннюю сравнительно съ дошедшими до насть др.-ц.-слов. оригиналами, отражается также въ Мар. Ев., въ Glag. Cloz., въ Син. Молитв., а изъ кирилловскихъ памятниковъ въ Савв. книгѣ и Супрасльской рукописи. Во всѣхъ этихъ памятникахъ рядомъ со значительнымъ количествомъ примѣровъ, подтверждающихъ правило, можно указать немалое число отступлений, причемъ полного согласія въ характерѣ отступлений между отдѣльными памятниками нѣть. Но это еще разъ подтверждаетъ мысль, что въ фактахъ Зогр., Мар., Клоц., Син. Мол., Савв., Супр. отражаются дѣйствительные факты языка *болѣе ранней эпохи*. Подробная характеристика фактовъ отдѣльныхъ памятниковъ дана Лескиномъ въ Arch. XXVII, 1, 3, 4 вып., 1—41, 321—350, 481—513 с.с.

Другого рода мѣна ъ и ь, отражающая дѣйствительно фонетические процессы болѣе ранней эпохи, это—замѣна ъ черезъ ѿ послѣ согласныхъ ѿ, ж, ч, жа, ѿ: *шюдъ, дложинъ, вишнѣнъ, начнѣтъ, книжъ, тѣщино* и т. п. вмѣсто *шюдъ, дложинъ, вишнѣнъ, начнѣтъ, книжъ, тѣщино*. Это измѣненіе не зависитъ отъ характера слѣдующаго слога и вызвано было, повидимому, самимъ характеромъ предшествующаго согласного, т. е. способомъ его артикуляціи.

Явленіе это документируется Саввиной книгой: ср. Щепкина Рассужденіе 150 и сл., Лескина въ Arch. XXVII, 15 и сл. То-же отражается и въ графикѣ Маринскаго Евангелія и Glag. Cloz.; въ Мар. Евангеліи: *кракнинъ, кинѣштѣнъ, грѣшилъ, дложнинъ, ходжашоу* и т. п.; ср. Arch. XXVII 336 с.; въ Glag. Cloz.: *что* (всегда), *нашъ, можъ, гиштъ, рождъ*. Въ Синайскомъ Молитвеннику то-же наблюдается послѣ *ж и ш, но послѣ ч, жа, шт* старое въ сохраняется: ср. Arch. XXVII, 31—32 с.с.

Иные памятники смѣняютъ ъ и ь и виѣ указанныхъ выше условій, т. е. независимо отъ характера слѣдующаго слога или предшеству-

ющаго согласнаго: таковы изъ глаголическихъ памятниковъ Ассеаніево Ев. и Синайская псалтырь; изъ кирилловскихъ—небольшіе Хиландарскіе отрывки сохраняютъ большою частью и старое ѿ, и старое ѹ: книгами, тѣцемъ, чтеціе, къснѣ, благодатное и т. п., но въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣняютъ старое ѿ черезъ ѿ: тѣмъ, непцикаше, грѣховно, рабко и т. и.; въ Листкахъ Ундельского эта замѣна ѿ черезъ ѿ является обычной: вѣла, полѣза, пшеница, коупко, гажице и т. п.; Македонскій листокъ употребляетъ на мѣстѣ ѿ и ѹ исключительно ѿ.

2. Испечновеніе ѿ и ѹ какъ въ концѣ слова, такъ и внутри—предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія замѣчается за исключеніемъ Киевскаго Миссала во всѣхъ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ. Такъ, уже въ Зограф. Ев. находимъ: многъ, мнѣ, пыти, кто и т. п. (вместо многъ, мнѣ, пыти, къто). То-же наблюдается въ Мар. Ев., Glag. Cloz., Асsem. Ев., Синайск. Пс., Син. Молитв., Савв. кн., Супрасл. рук., Листкахъ Ундельского, Македонскомъ листкѣ. Очень рѣдко пропускается ѿ, ѿ въ Остр. Ев., особенно во 2-й части, для которой можно предполагать непосредственно др.-ц.-слов. оригиналъ (съ 24 л.): всего 6 случаевъ въ евангельскомъ текстѣ; почему можно думать, что др.-ц.-слов. оригиналъ Остромирова Ев. не знать вовсе пропуска ѿ, ѿ (ср. Фортунатова «О составѣ Остромирова Ев.» 6—20 сс.). Въ Хиландарскихъ листкахъ пропускъ ѿ, ѿ всегда обозначается надстрочнымъ знакомъ: прѣдоѣ, пшеницѣ и др. Такая постановка надстрочного знака на мѣстѣ пропущенного ѿ или ѿ наблюдалася и въ другихъ др.-ц.-слов. памятникахъ.

Пропускъ ѿ и ѿ въ концѣ слова замѣчается сравнительно съ пропускомъ ихъ въ срединѣ гораздо рѣже; чаще другихъ пропускаетъ конечные ѿ, ѿ писецъ Ассеаніева Евангелія; наоборотъ, писецъ Саввиної книги (также Остромирова Ев.) не пропускаетъ ихъ вовсе. Изъ этого однако нельзя сдѣлать заключенія, что въ языке писца Саввиної книги конечные ѿ и ѿ еще существовали. (Иначе—Щепкинъ, Разсужденіе 224 с.). Постановка этихъ знаковъ въ концѣ словъ въ древне-церк.-слов. памятникахъ, вѣдь сомнѣнія, была своего рода грамотностью.

3. Постановку є и о на мѣстѣ болѣе древнихъ ѿ и ѿ въ извѣстныхъ условіяхъ находимъ въ большинствѣ памятниковъ. Различіе между отдельными памятниками въ данномъ случаѣ заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ однихъ—на лицо какъ замѣна ѿ/е, такъ и замѣна ѿ/о, въ иныхъ же имѣется лишь первая; однако есть и такие памятники, которымъ незвѣстна ни та, ни другая замѣна. Различія эти отражаются діалектическія различія въ древне-болгарскомъ языке, которыя наблюдаются и въ языке современномъ: въ однихъ говорахъ ѿ, ѿ въ извѣстномъ положеніи достигавшій нормальной краткости,—сохранялся,

какъ ъ, въ другихъ говорахъ — переходить въ о; въ третьихъ, болѣе архаическихъ, не было и перехода въ е.

Въ Зографскомъ Ев. находимъ **ѣснѣ**, **шѣдѣ**, **тѣльници** — изъ **ѣснѣнъ**, **шѣдѣ**, **тѣльници** и такъ-же: **любовь**, **цѣкѣсь**, **народо-сь**, **раво-тѣ** изъ **люкѣвь**, **цѣкѣвь**, **народж-сь**, **равѣ-тѣ**; впрочемъ, и то, и другое (**ѣ/е** и **ѣ/о**) — очень рѣдко.

Въ примѣрахъ **народо-сь**, **раво-тѣ** — тѣ, формально конечное, — въ живой рѣчи являлось срединнымъ, такъ-какъ мѣстоименная форма (**тѣ**, **и**) тѣсно примикиала къ предыдущему слову, составляла съ нимъ одно цѣлое.

Въ Маринскомъ Ев. замѣна **ѣ/е** и **ѣ/о** представлена болѣе частыми примѣрами; и та, и другая замѣна встречается также въ Glag. Cloz., Ассем., Син. Молитв., Син. Пс. Въ параллель вышеуказаннымъ примѣрамъ Зографского Ев. можно поставить встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ вокализацію конечнаго ъ предлоговъ, которые въ живой рѣчи также составляли одно цѣлое со слѣдующей именной формой: **ко миѣ** изъ **вѣ-миѣ**. Въ противоположность глаголическимъ памятникамъ, которые, оставляя въ сторонѣ Киевскій Миссалъ, всѣ знаютъ замѣну **ѣ/о** рядомъ съ замѣной **ѣ/е** — кирилловскіе памятники представляютъ иную картину: въ Савв. книгѣ замѣны **ѣ/о** нѣть вовсе, замѣна **ѣ/е** также не представлена несомнѣнными примѣрами (**е** въ формѣ **именемъ**, **людехъ**, **людемъ** — можетъ быть, морфологического происхожденія); въ Супр. рук. замѣны **ѣ/о** почти не находимъ (на всю рукопись можно указать лишь: **любокниги**, **гмоокынаго**, **кѣпокъ**), а замѣну **ѣ/е** находимъ лишь въ первой части памятника; въ Хиландарскихъ листкахъ и листкахъ Уидольскаго находимъ лишь переходъ **ѣ/е**; впрочемъ, старого тѣ въ положеніи, допускающемъ переходъ въ о, въ этихъ отрывкахъ (Хиланд. и Уид.) не находимъ; въ Македонскомъ листкѣ замѣны **ѣ/о** и **ѣ/е** не наблюдается; и древ.-цер.-слов. оригиналъ Остромирова Ев., повидимому, не зналъ перехода **ѣ/о** и **ѣ/е**, таъ-какъ первый оказывается въ Остромировомъ Ев. ливъ въ 3 случаяхъ формы **гмоокыница**, а вѣрныхъ примѣровъ второго нѣть.

Приложение. По вопросу объ ъ, въ спр. Ягича *Studien über das Zographos-evangelium Arch. I—II*, его-же *Die irrationalen Vocale въ Arch. XXII* (1900), Щепкина, *Разсужденіе о языѣ Саввицкой книги 1899 г.*, Лескина, *Noch einmal ъ und ѿ in den altkirchenslavischen Denkmälern въ Arch. XXVII*, 1—40 сс. *Die Vocale ъ und ѿ in den Codices Zographensis und Marianus ibid. 321—350 cc.*, *Die Vocale ъ und ѿ im Cod. Supraslensis ibid. 481—513.*

Въ послѣдней работѣ въ Arch. XXVII Лескинъ предложилъ новое объясненіе явленій взаимной мѣны ъ и ѿ въ зависимости отъ твердости или мягкости послѣдующаго слога. По мыслию Лескина (345 с.), означенная мѣна запаковъ ъ и ѿ на письмѣ относится къ той эпохѣ, когда уже ъ и ѿ не производились вовсе въ тѣхъ мѣстахъ, где они писались, что это графическое явленіе обозначасть скорѣе извѣстное измѣненіе согласныхъ: **ѣ**ѣръна и **ѣ**ѣръни дали

уѣрна и уѣрні со смягченіемъ г; подъ вліяніемъ слѣдующаго твердаго слога г отвердало, что и выражалось написаніемъ кѣфрии; такимъ же образомъ написаніе зыѣ выражало зѣлѣ въ которомъ з смягчилося уже послѣ выпаденія з подъ вліяніемъ слѣдующаго мягкаго слога; при этомъ иѣкоторые согласные не подвергались такому смягченію подъ вліяніемъ слѣдующаго слога, почему и находились, напримѣръ, въ Зографскомъ Ев., въ на мѣстѣ въ предѣ мягкихъ слогомъ болѣе или менѣе послѣдовательно лишь послѣ извѣстныхъ согласныхъ (б, в, з, д). Хотя пониманіе Лескина и соблазняетъ своей простотой и тѣмъ, что объясняетъ непослѣдовательность въ проведеніи замѣты чрезъ въ послѣ иѣкоторыхъ согласныхъ, однако оно врядъ ли вѣрно: 1) всей послѣдовательности, какую находимъ въ Зогр. и другихъ памятникахъ по отношенію къ взаимной мѣни тъ и въ, гипотеза Лескина все равно не объясняетъ; почему напр. правилу замѣты чрезъ въ предѣ твердымъ слогомъ не подчиняются въ Зогр. формы съ суффиксомъ -ѣскъ?—объясненіе всякаго рода отступлений отъ основного правила кроется, по всей вѣроятности, въ томъ, что фонетическій законъ, о коемъ идетъ рѣчь, относится не къ эпохѣ писцовъ Зогр., Мар., Савв., Супр., а къ болѣе ранней. 2) Если такъ, то гипотеза Лескина мало вѣроятна, такъ-какъ трудно относить выпаденіе зъ и въ въ кѣфрии, зыѣ и т. и. къ эпохѣ болѣе ранней, — къ оригиналамъ Зогр. или Мар. Ев. Наконецъ 3) Лескинъ упускаетъ изъ виду факты, которые объяснямы лишь съ точки зрѣнія дѣйствительного измѣненія тъ въ тъ и въ въ зависимости отъ характера слѣдующаго слога: есть данные, указывающія что тъ изъ тъ предѣ мягкихъ слогомъ или наоборотъ (тъ пѣ въ предѣ твердымъ) переносилось въ положеніе, въ коемъ оно не могло исчезнуть. Такъ, въ Савв. книгѣ находимъ вѣсто кѣпль, которому соответствуетъ средне-болгарское вѣпль, и которое, очевидно, полунилось подъ вліяніемъ вѣпли, вѣплю и т. д. Такимъ же образомъ объясняются средне-болг. гѣдѣвъ, бѣтопѣ вѣсто ожидаемыхъ гѣдѣвъ, бѣтепѣ (изъ гѣдѣвъ, бѣтѣвъ)—подъ вліяніемъ гѣдѣба, бѣтѣпа (тъ изъ тъ предѣ твердымъ слогомъ); сюда же относится ново-болг. вѣзми изъ вѣзьми (вѣсто вѣзьми). Въ русскомъ языке такое толкованіе могутъ получить тонкій (изъ тѣнкій подъ вліяніемъ тѣнкѣ изъ тынкѣ), дѣберъ (изъ дѣбъръ, а это изъ дѣбъръ, что въ свою очередь изъ дѣбъръ: ср. городъ Добрянскъ палихъ лѣтописей). Подробнѣе объ этомъ см. Щепкина Разсужденіе 209 с. и Фортунатова въ Изв. XIII т. 2 кн. 4 и сл.

§ 69. На мѣстѣ прасл. тъ, въ въ положеніи предѣ ѡ въ др.-цер.-словянскихъ памятникахъ находимъ отчасти тъ, въ, отчасти же жъ, и. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что факты эти отражаютъ извѣстное звуковое измѣненіе тъ, въ подъ вліяніемъ послѣдующаго ѡ, и вопросъ можетъ быть лишь относительно характера и условій этого звуконизмѣненія, а также относительно пониманія того колебанія, которое находимъ въ графикахъ др.-церк.-словянскихъ памятниковъ.

Измѣненіе тъ въ жъ и въ и датируется въ цѣломъ рядѣ грамматическихъ категорій: такъ, полныя формы прилагательныхъ *добръ-+ъ, синъ-+ъ измѣнились въ добрки, синни; такъ-же формы род. мн. ч. *добръ-+

jichъ, *sínъ-[—]jichъ дали довжихъ, синнихъ; форма имен. мн. ч. именъ м. р. основъ на -i *gostъje дала гостию, форма род. мн. тѣхъ же именъ *gostъjъ дала гостину; форма именъ ср. р. *izbaуjепъе и т. п. дала избак-
лениe; формы им. ед. *braтъja, *sôdijí, *mъnъjí дали—кратина, сѣдин, мазни; форма твор. над. *kostъjo измѣнилась въ kostинъ; въ глагольныхъ формахъ примѣрами могутъ служить виѣ изъ *въjo, миѣ изъ *pitъjo (ср. русск. бью, мбю).

I. Однако рядомъ съ формами, въ которыхъ на мѣстѣ прасл. тъ, въ находимъ я, и,—въ древ.-церк.-словянскихъ памятникахъ существуютъ и формы съ ѿ, ѿ.

Такое колебаніе между ѿ и и находимъ уже въ Кіев. Миссалѣ: рядомъ съ чистыjъ, милостыjъ, помоцыjъ,—милостиjъ, избавленія, спасеніе, издрѣшеніе; рядомъ съ заповѣдьm gen. pl. (гдѣ ы, несомнѣнно, означаетъ ѿ-и)—меди.

Въ Зографскомъ Ев., по наблюденіямъ Лескина Handbuch¹, 43 с.,—сочетаніе ы очень рѣдко, представлено лишь единичными примѣрами (боы им. ед. ч. м. р. сравн. ст.); относительно иныхъ соединеній (ые, ѿѣ, ыи или ие, иѣ, иа) памятникъ распадается на двѣ части: въ Ев. Матея и Иоанна ѿ—лишь въ единичныхъ случаяхъ, въ Ев. Марка и Луки правописаніе колеблется между и и ѿ съ предпочтеніемъ послѣдняго.

Въ Мариинскомъ Ев. находимъ также колебаніе между и и ѿ, но съ преобладаніемъ первого: знаніе, лиѣти и т. п. при киенъ, дынъ и т. п.; въ то же время здѣсь находимъ формы киенъ, дынъ и т. п., гдѣ ѿ явилось на мѣстѣ ѿ.

Въ Glag. Cloz. находимъ: болин им. ед., житин мѣстн. ед., вожиѣ, вожию, но паданыемъ, оумиленыемъ, покелѣныемъ при испытаниmъ, ванс-
цианиmъ.

Ассеманіево Ев. знаетъ только и: братиѣ, прѣположение, обучение и т. п. Синайск. Псалтырь колеблется между ѿ и и; въ Син. Молитвен. находимъ обычно -ии (и изрѣдка и) при -ыи, -ью, но -иie, -иѣ, -иѣ, -иѣ; Саввина книга за немногими исключеніями послѣдовательно проводить и; Супрасльская рукопись колеблется между ѿ и и; въ Хиландарскихъ листкахъ преобладаетъ -ии, -иie, -иемъ, -иѣ, -ию, -ии, но встрѣчается нѣсколько случаевъ -ыи, -ье, -ымъ (димволъ, обучение, нахіченъе, дыаколъ); въ формѣ gen. pl. основъ на i—въ Хиланд. листкахъ находимъ -ии и просто и, получившееся изъ стяженія (заповѣди).

Анализъ примѣровъ, относящихся къ сочетаніямъ ѿ-и, представляетъ нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ различная глаголическая на-
чертанія i, и входятъ въ составъ буквы, означающей одинъ звукъ ѿ

(изъ прасл. у), и потому приходится решать вопросъ, обозначаетъ ли данное напертаніе одинъ звукъ ти или сочетаніе тъ+ji.

Примѣчаніе. Глаголическое **ȝ**, обыкновенно, передаютъ кирилловскимъ и, глаголическое **ȝo** — кирилловскимъ i, а глаголическое **ȝi** — знакомъ i, вместо которого мы будемъ употреблять знакъ i.

Въ Киевскомъ М. находимъ формы: **ьыемогзи** и **ьынастигзи**, **ьыемогзи**, **ьечмызи**; въ послѣднихъ 3 формахъ ти, несомнѣнно, обозначаетъ сочетаніе тъ+ji (ъ+ji), такъ какъ одинъ звукъ ти (лат. буква у) обозначается въ этомъ памятнике написаніемъ ии (напр. иши, тхи, бгити).

Въ Зогр. Ев. очень часто—**дөкәзі**, **зәләзі** и т. п. при болѣе рѣдкомъ **богатзы**, **благы**; повидимому, ти должно читать, какъ тъ+ji (ъ+ji), и изъ такихъ формъ получились и встрѣчающіяся въ Зографск. Ев. формы на -он: **иқатон**; между тѣмъ формы **богатзы**, **благы**, очевидно, представляютъ въ своемъ ти—одинъ звукъ ти (лат. буква у), получившійся透过 стяженіе ии; написанія ти встречаются и въ формахъ косвенныхъ нацежей: **жизжанъ**, **мұраттазыз** и т. п.

Примѣчаніе. Нѣть основанія видѣть въ ти послѣднихъ формъ сокращенное написаніе ии, какъ думаетъ Лескинъ Handbuch⁴, 102 с. въ виду того, что въ основахъ -ю послѣдовательно пишется ии; вѣдь и въ пом. с. написаніе -ыи очень рѣдко, тогда какъ ти очень часто.

Маринское Ев., въ противоположность Зографскому Ев., обычно употребляетъ формы типа **дөврәзі** и **дөкәзі**, — въ послѣдней формѣ ти представляется, очевидно, результатъ стяженія ии; однако, встречаются въ Мар. Ев. и формы типа **иқатон**, где -он получилось изъ ти. Интересные примѣры измѣненія ти въ ти Мар. Ев. даютъ по отношенію къ конечному ти, когда оно находилось въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующимъ ji: **кы-истинѣ** изъ *u̯t̪-jistinē, **поставты-и** изъ *postavit̪-t̪y и т. п. Если послѣдняя форма параллельна по образованію формѣ **иқатон** изъ *su̯čet̪-y, то формѣ **вәлен** изъ *bo̯l̪y+ji параллельно сочетаніе **прѣдамъ-и** Маринского Ев.—изъ *perdamb̪-y:ср. Glag. Cloz. прѣдамъ-и.

Въ Ассеманіевомъ Ев. параллельно формамъ на -ии употребляются, обычно, формы на ии; тутъ же находимъ, какъ и въ Мар. Ев., примѣры ии изъ тъ+ji въ тѣсномъ сочетаніи словъ: **сүвиңтзи-i**, **кәзжзи-i**.

Въ Син. Пс. при формахъ на ии и я, получающемся изъ стяженія ии, находимъ формы **ләкакон**, **благон**, **иқаден**. Въ Син. Молитв. часты формы на ии при еще болѣе частыхъ на -и и рѣдкихъ на ии. Саввина книга предлагаетъ формы на ии, получившееся путемъ стяженія изъ ии, и параллельное и въ мягкихъ основахъ.

Супрасльская рукопись знает формы на *ти*: *благти*, *макини* и т. п., тогда какъ одинъ звукъ, получившійся изъ прасл. *у*, обозначается знакомъ *ти*.

II. Какъ же должно понимать всѣ вышеприведенные факты?

Въ такихъ написаніяхъ, какъ вѣлии изъ **boљъ-јъ*, *сийни* изъ **sinјъ-јъ*, *костиж* изъ **kostјо*, *киж* изъ **kyjo* и т. п., очевидно, отражается фонетическое измѣненіе, которое, вѣроятно, было известно и др.-церк.-словянскимъ оригиналамъ. Это звукоизмѣненіе можно формулировать, какъ *переходъ редуцированного въ положеніи предъ ѡ въ гласный і, переходъ, являющійся результатомъ ассимиляціи звука ѡ послѣдующему ѡ.* Въ результатѣ такой же ассимиляціи ѡ послѣдующему ѡ получилось *ти*. Однако это измѣненіе заключалось, повидимому, только въ измѣненіи ѡ, ѿ въ звуки болѣе закрытые, и не касалось количественной стороны звуковъ ѡ, ѿ: они оставались редуцированными; такъ можно думать въ виду того, что въ живыхъ словянскихъ языкахъ, знающихъ то-же измѣненіе ѡ, ѿ въ *у*, *и* предъ ѡ, эти *у*, *и* въ известныхъ условіяхъ исчезли вовсе: ср. русскія *бью*, *костю*, *ученье*, *братья* и т. п. (= *b'ju*, *kost'ju* и т. д.). На то же указываютъ и факты самого др.-церк.-слов. языка: въ Мар. Ев. находимъ брание на мѣстѣ первоначального брание, въ *Glag. Cloz.* — *креbнij* на мѣстѣ *кряжnij* т. е. предъ слогомъ съ и изъ ѿ — тъ иль трактуются такъ же, какъ и предъ слогомъ съ редуцированными ѡ, ѿ. С

Редуцированные *х* и *и*, подобно редуцированнымъ ѡ и ѿ, въ зависимости отъ положенія, могли быть сильными и слабыми. Сильными они были подъ ударениемъ или въ слогѣ предъ гласными редуцированными; въ такомъ положеніи они достигали полной краткости.

Такимъ образомъ, *ти* изъ ѿ въ первомъ слогѣ словъ *край*, *маж*, повидимому, было сильнымъ подъ ударениемъ и достигало полной краткости; такими же были *ти* и *и* въ формахъ *добрин*, *сийни* изъ **dobгъ-јъ*, **sinјъ-јъ* въ виду того, что конечное и изъ ѡ стало неслоговымъ; то-же нужно признать относительно gen. pl. *запокѣдин*, *кости*, *гости* и т. п.

Однако въ др.-ц.-слов. памятникахъ, какъ ясно изъ предыдущаго, встрѣчаемъ и формы типа *добрин*, *воль-и*, *запокѣди*, *гости*; такъ какъ мы не встрѣчаемъ формъ *край*, *маж*, а исключительно *крайj*, *мажj*, то врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что формы эти, — *гости*, *добрин* и т. п., — нефонетического происхожденія: подъ вліяніемъ формъ *гостьих*, *гостьих* могла возникнуть форма *гости*, подъ вліяніемъ *запокѣдий*, *запокѣдых* — форма *запокѣдин* и подъ вліяніемъ краткихъ формъ прилагательныхъ *добрин*, *гинин* могли возникнуть формы *добрин*, *гинин*, съ нефонетическими ѿ, ѿ. Эти формы затѣмъ давали *добрин*, *гинин*, *гости*, *запокѣдин*.

Такого же нефонетического происхождения приведенная выше форма **brādame-n* Маринского Ев. при фонетической **brādami-n* (Glag. Cloz.).

По предположению Шахматова, редуцированные *zi*, и были сильными также въ положеніи предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, когда этотъ слогъ былъ ударяемымъ, следовательно въ такихъ формахъ, какъ *свинина* (ср. русск. *свинъя*). Предположеніе это весьма вероятно, хотя доказать его въ отношеніи къ древне.-церк.-словянскимъ фактамъ нѣть возможности; на мѣсто ударенія въ др.-ц.-слов. памятникахъ твердыхъ указаній нѣть, да и аналогія могла очень рано переносить сильное редуцированное и изъ формъ типа **svinijá* въ формы типа **brātija*.

Во всѣхъ иныхъ положеніяхъ т. е. 1) не подъ удареніемъ, 2) не предъ слогомъ съ *ть*, *ь* и 3) не предъ ударяемымъ слогомъ—можно предполагать слабые редуцированные *zi* и *i*: напр. въ формахъ *гостию* им. мн. ч., *братья*, *честитъ*, *коржинъ*, *крынисъ*, *пластинъ*. Относительно слабаго редуцированного *i* мы и замѣщаемъ въ др.-церк. слов. памятникахъ колебаніе между *i* и *ь*, которое, въпрочемъ, объясняется иначе, чѣмъ двойственность формъ *сватки* и *сваты*, *синни* и *сини*, где *ть* и *ь*—происхожденія нефонетического.

Можно предположить, что и редуцированное слабое или совпало съ *ь*, или же акустически было близко къ слабому редуцированному *ь* настолько, что явилось на письмѣ обозначеніе его чрезъ *ь*; при этомъ путаницу въ графику писцовъ внесло взаимное влияніе формъ съ и слабымъ и сильнымъ и несоответствіе фактовъ оригинала, отражавшаго иной говоръ, фактамъ собственнаго говора писца. Такъ, подъ вліяніемъ формы *гостию* могла явиться форма *гостию* вмѣсто *гостию*; или наоборотъ, если предположить совпаденіе и слабаго съ *ь*, могло имѣть мѣсто вліяніе формъ типа *свинна* съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ на формы типа *братна* съ удареніемъ на первомъ; въ говорѣ писца могло существовать *свиныя*, явившееся подъ вліяніемъ *свиныя* им. мн. ч. (ср. рус. *свинъя*—*сайнъи*), тогда какъ въ говорѣ оригинала существовало *свинна*; это несоответствіе могло вызвать неустойчивость въ правописаніи данныхъ группъ вообще; писецъ, въ виду *свинна* своего оригинала на мѣстѣ *свинны* своего говора, могъ писать *братна* рядомъ съ правильнымъ *братна*. Въ формѣ *кинж*, *кинешы*—и во всякомъ случаѣ (подъ удареніемъ или предъ удареніемъ) было сильнымъ, по въ формѣ сложной съ предлогомъ, *прѣкинж* съ удареніемъ на предлогѣ (ср. малор. подібje) и было слабымъ, и потому рядомъ могли стоять формы *кинжкъ* и *прѣкинжкъ*; взаимное ихъ вліяніе могло создавать формы *выжкъ* и *прѣкинжкъ* (Мар. Ев.).

Такимъ же образомъ возможно было взаимное вліяніе именныхъ формъ съ и сильнымъ и съ и слабымъ, въ зависимости отъ мѣста ударенія,—какъ житиѣ и видѣніе:ср. русск. *житиѣ, шитиѣ, франѣ, и гадѣніе, учѣніе;* въ русскихъ говорахъ встречается *прѣполовеніе;* если въ русскихъ формахъ *житиѣ, шитиѣ* слабое ь, потомъ исчезнувшее, могло явиться подъ вліяніемъ формъ *учѣніе, колбѣте;* то, наоборотъ, подъ вліяніемъ житиѣ и т. д. съ и сильнымъ могли явиться и такія др.-цер.-слов. формы, какъ *спасеніе* Кіевскаго М., *ученіе* Хізанд. листковъ. Колебаніе между ь и и могло въ силу такихъ же причинъ явиться и въ твор. и. ед. ч. формъ *костинѣ, милостинѣ, пахтиѣ;*ср. русск. *милостію и ночью* (чакавское посѣп, ротобѣп).

По отношенію къ сочетанію ии (ij) можно предполагать вмѣстѣ съ Шахматовымъ очень раннее фонетическое стяженіе группы въ и: жити мѣстн. ед. ч. Мар. Ев.; *къ стечѣткѣ Ассем. Ев., къ щрѣткѣ йжи Савв.*, *къ махни им. ед. ч. Савв. ки,* на расплатахъ Савв. кн. и т. п.

Примѣненіе. Шахматовъ („Къ вопросу о различіи юта и неслогового і“ Р. Ф. В. 1903 г.) относить это стяженіе къ „общеславянскому языку“, какъ „общеславянскимъ“ считаетъ и измѣненіе ь, ь предъ ј въ у, і: великорусское -ой, бѣлор.-ай онъ выводитъ изъ общесл. ўї, ії. Не отрицаю возможніи такого объясненія и прасловянскаго происхожденія измѣненія ь, ь+ј въ у, і+ј: такое измѣненіе знаютъ болгарскій, сербскій, словинскій, малорусскій, чешскій, польскій, лужицкій. Положеніе Шахматова о томъ, что і изъ ь было сильнымъ предъ удареніемъ слогомъ подтверждается цѣльмъ рядомъ фактами изъ отдельныхъ славянскихъ языковъ: напр. болгарскими *сѫния*, *зѫни*, *жѫзия* и т. п. Различіе между и и сильнымъ предъ удареніемъ и слабымъ послѣ ударенія можно объяснять гипотезой Шахматова, что предъ удареніемъ слогомъ было і неслоговое, а послѣ ударенія ј: въ самомъ дѣлѣ на такое различіе указывается, напримѣръ, польскій языкъ: *tajać, tajab* (русс. *лять, таять*) и *bać się, smiać się* съ потерей і неслогового и стяженіемъ (ср. р. *бояться, смѣяться*). Подробѣѣ по данному вопросу—въ указанной статьѣ Шахматова; ср. также Ялунова, Изслѣдованіе 119 и сл.

§ 70. Праслов. *о, ө* сохранились въ др.-ц.-слов. языкахъ, какъ носовые о, ө; это ясно изъ анализа глаголическихъ начертаній для носовыхъ звуковъ: первую часть глаголического ѿ (о) составляетъ буква о, первую же часть глаголического ѿ (ө)—буква ө. Вторая часть этихъ знаковъ—*С* первоначально, повидимому, обозначала носовой характеръ гласного, и знакъ *ЭС* одинаково обозначалъ а и ѧ, (какъ Э обозначало є и ѹ): въ древнѣйшемъ церк.-слов. памятникѣ—Кіевскомъ М. находимъ именно такое употребленіе этого знака; въ другихъ памятникахъ онъ употребляется лишь для обозначенія ѧ, а вторая часть его—для обозначенія А. Ту-же, болѣе древнюю, стадію развитія глаголической графики, что и

Кievskij Missalъ, отражаютъ Синайская Псалтырь, Охридское Ев., Пражские Отрывки.

Въ дошедшихъ до настъ памятникахъ др.-ц.-слов. языка находимъ факты, указывающие на измѣненія въ первоначальномъ употреблении носовыхъ о и ё. Однако факты эти не характеризуютъ языка первоначальныхъ кирилло-мѣодіевскихъ переводовъ; они отражаютъ явленія болѣе поздней эпохи, относящіяся къ говорамъ цисловъ.

Уже въ Kievскомъ М. находимъ форму *ижестькоуїж* твор. п. ед. ч.; однако здѣсь врядъ ли можно видѣть замѣну ж чрезъ оу—въ виду того, что вообще говоря носовые въ Kievскомъ М. употребляются вполнѣ правильно; скорѣе здѣсь оу является опиской вместо о т. е. *ижестькоуїж*; ср. *сѣчынскій* въ томъ же памятникѣ (Грунскій «Памятники и вопросы» III, 28 с.).

Въ другихъ памятникахъ замѣчаемъ или случаи замѣны ж чрезъ оу и с, ж—чрезъ є, или же случаи смѣшанія ж и ж.

Въ Зографскомъ Евангеліи, кромѣ обыкновенныхъ знаковъ для носовыхъ, встрѣчается еще особый знакъ носового *Ѣ*, который употребляется въ одной опредѣленной категоріи случаевъ, а именно въ формѣ им. ед. м. р. прич. наст. вр., оканчивающихся обыкновенно на ж: вместо *граджи*, *живкин*, *сли*, *ѣдзи*, *нееки* находимъ формы съ указаннымъ знакомъ, замѣняющимъ обычное ж. Тотъ-же знакъ и въ такихъ же формахъ находимъ въ Mariинскомъ Ев., причемъ въ послѣднемъ памятнике встрѣчаются и формы *сли*, *живѣн*, а также *граджан* съ обыкновеннымъ знакомъ ж; въ Клоц. Сб. находимъ въ соотвѣтствии этимъ формамъ *граджи*, въ Син. Молитв. *живки* и *сли*, въ Син. Иса. *граджи*, въ Савве. кн. *живки*, *сли*, въ Супр. *жира*, *ѣдза*.

Врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что въ данныхъ формахъ старое ж было вытѣснено дѣйствительно носовымъ гласнымъ подъ влияниемъ формъ *видж*, *глаголъ* и т. п.

Однако трудно решить вопросъ, какого именно характера носовой гласный здѣсь произносился.

Ягичъ, — Зографск. Ев. XXIV, — склоненъ предполагать въ этихъ формахъ глухой звукъ, какой имѣмъ на мѣстѣ ж въ современномъ болгарскомъ языкѣ. Лескинъ, — Handbuch⁴ 85 с., — полагаетъ, что указанные формы Зогр. и Мар. Ев. возникли въ ту эпоху, когда на мѣстѣ ж явился гласный съ характеромъ тъ. Щенкіпъ, — Рассужденіе 89 с., — видѣть въ особомъ знакѣ Зографского и Mariинского Ев. ё безъ предшествующей мягкости. Предположеніе Лескина о столь раннемъ измѣненіи ж въ гласный съ характеромъ тъ, во вслѣкомъ случаѣ, не обосновано и невѣроятно.

Примѣчаніе. Въ Зографскомъ Ев. Ягичъ,—Зографек. Ев. ХХ с.,—отмѣчаетъ слѣдующіе примѣры неправильнаго употребленія ю и а: 1) оужасише (вм. -шѧ), 2) етъ (вм. юнгъ), 3) отълѣтътилааго (вм. отѣ-), 4) баштильни (вм. кѣ-), 5) ко крѣму ѿба (вм. ѿбо-), 6) что кѣаша щѣже глааша вя. кѣаше), 7) кристашта поим. рл. masc. gen. вм. кристаште, 8) очкашта—такая же форма, 9) вѣжиня—таже форма, 10) ѿбоке каша вя. каши, 11) ми вм. мѧ, 12) ги см. гѧ, 13) чисти вм. части, 14) придалъ вм. предалъ, 15) када вм. кида, 16) складатъ вм. складитъ, 17) скорзнатъ вм. скоржнитъ, 18) глаазатъ вм. глазитъ, 19) оузиритъ вм. оузъратъ, 20) кодыѣ вѣлаѣп-
лѣштиль юм. -штѧмъ, 21) къзелмѣкъ, part. prast. act. (вм. -ѣмъ), 22) июденъ вя. иудеиъ, 23) градоушти юм. градднитъ, 24) иноудоу вм. инидоу, 25) отъ тоудоу вм. отътайдоу, 26) андеркоу вм. андерѣа. Групскій,—Сборн. 83 № 3, 25 с.,—прибавляется: 27) приыше вм. -шѧ, 28) I овъ...их €... бѣззагады
рѣцѣ на ю, 29) вѣ ляже калининъ, 30) мѣдднаа при моуднитъ вм. иномъ мѣстѣ, 31) гѣди при гѣди. Изъ этихъ примѣровъ многие должны быть исключены: 5, 6, 7, 8, 13, 15—описки; въ некоторыхъ случаяхъ, вѣроятно, имѣть мѣсто неправильное пониманіе иносомъ текста; такъ, въ 28) писецъ могъ написать є, євъ въ виду предшествующаго ...ъко отроча; сомнительно значеніе тѣхъ случаевъ, гдѣ имѣтъ я являемся и или наоборотъ; опиской является, быть можетъ, и 29; если писецъ списывалъ строка въ строку, то же вм. жѣ могло явиться въ виду же въ концѣ предѣлной строки. Случаи 30) и 31) должны быть исключены, такъ какъ въ формѣ гѣди имѣется смышеніе основъ гѣд- и гад-, а корень мѣд- имѣть параллель съ оу- моуд-. Въ Марин. Ев. довольно часто встрѣчаются смышеніе ю и оу, ю и ю: мѣдже вм. мѣдже, вѣ неамъ, грошины дат. од. ч. м. р., вѣбрѣшти, вм. вѣбру-, мѣдже, вѣ коупѣли, мѣдю, вѣметаемоу вин. од. ч. ж. р. и т. п.; см. Ягичъ Марин. Ев., 423 с. Нѣсколько скучаетъ замѣнѣ ю чрезъ о въ Мар. Ев., вѣроятно,—описки: изъ чертаний ю и о въ глаголицѣ близки. Случаи смышенія є и а въ Мар. Ев.—*тѣбѣзакише* (вм. гѣвѣзакише) и кѣса, сѣдѣштилихъ (вм. гѣдаштилихъ),—видимому,—описки, а иные случаи, указанные Ягичемъ, имѣютъ иное значеніе:ср. Фортунатова „О составѣ Остромирона Ев.“ 57 с. Единитое (и юноша) и юноша вм. юношиѣ Марк. XIV, 51, вѣроятно,—описка. Въ Ассем. Ев. находимъ нѣсколько примѣровъ а на мѣстѣ ю и наоборотъ: плачасти, лѣжаши, приемляти, блѣплачатъ, помажатъ и, съ другой стороны,—тѣбѣзакиѣ (вм. тѣбѣзакиѣ), отъстоїштилихъ (вм. отъгоїштилихъ). Въ Синайской Псалтыри о на мѣстѣ ю встрѣчаются настолько часто, что возможно предполагать въ этомъ отраженіе диалектическаго произношенія ю, какъ о, которое наблюдалось въ извѣстной части говоровъ современнаго болгарскаго языка. Въ Синайск. Молитв. встрѣчаются иногда о, оу вм. ю: отровъ вм. лѣтровъ, лоуциѣ вм. лѣцѣ; а на мѣстѣ є—по приматалихъ. Въ Glag. Cloz. наблюдается смышеніе ю и оу: моукхи, моукѣ, моука, разлючите и др.,—ср. издание Вондрака 5 с. Въ Савв. кн. достоївѣрными можно признать лишь два случая смы-.

шепія ю и я: стояціа вм. стояціа и юк вм. ял асе рl., —ср. Радуженіе Щепкина 72 и сл. Въ Супрасл. рукоп. встречаются случаи оу вм. ю, какъ какоуштоу, мноукашоу, држноука, имоуштоукоу и, изборотъ, сїштоу вм. сїштоу; впрочемъ, большая часть этихъ случаевъ похожа на описки: ё вм. юк тъ єзїкк, огадиши (см. шк); иные (единичные) случаи я вм. ёк, юк вм. юк —скорѣе всего описки; ср. Лескина Handbuch⁴ 39 с.

Фортунатовъ предполагаетъ случаи смышенія оу и ю въ др.-церк.-слов. оригиналѣ Остромирова Ев.: „О составѣ Остромирова Ев.“ 52 и сл.

При анализѣ примѣровъ смышненія носовыхъ гласныхъ съ чистыми должно исключить случаи, въ которыхъ имѣло мѣсто чередованіе о и у, ё и ѿ въ корне еще въ прасловянскомъ: таковы южда и ноужда, гиющати и гиоу-шати, смиюти и гоумиѣти, мѣд- и моуд-, помилюти и помѣни-ти. Точно такъ-же неѣтъ смышненія ю и я въ тхішанта при тхішашта: ср. серб. тїшаћа, но р. тмечача.

§ 71. Въ соответствіи праслов. сочетаніямъ ы, ы], ыг, ы] (со словами г, л), которыхъ имѣли мѣсто между согласными, въ др.-церк.-слов. памятникахъ находимъ сочетанія ръ, рх, лъ, лх. Въ русскомъ языке, въ соответствіи тѣмъ же праслов. сочетаніямъ, находимъ сочетанія съ прасловянскимъ порядкомъ звуковъ и съ е, о на мѣстѣ прасл. ы, ы].

Такимъ образомъ, др.-ц.-словянскому гымрть, ткрадъ соответствуетъ р. смерть, твердъ; др.-ц.-сл. скржъ — р. скорбь; др.-ц.-сл. вльхъ — р. волкъ; въ соответствіи др.-ц.-слов. длхъ — русск. домъ.

Примѣчаніе. Въ Зогр. Ев. пишется клькк, такъ-же въ Савв., что древнѣе, чѣмъ блажкъ Маринского Ев.: ср. польское wilk.

Предъ нами является вопросъ: что именно скрывалось подъ др.-ц.-словянскими написаніями въ указанныхъ случаяхъ?

Тѣ-же написанія ръ, рх, лъ, лхъ находимъ въ др.-ц.-сл. памятникахъ и въ тѣхъ сочетаніяхъ, кои соответствуютъ прасловянскимъ —гъ, гъ, ы, ы] и русскимъ ре, ро, ле, ло. Такъ др.-ц.-сл. кржъ, кы-кѣрхъ, плять, тльза соответствуютъ русскимъ кровъ, воскресъ, плонъ, слеза.

Однако написанія рх, ръ, лх, лъ ятъ случаиахъ первой категоріи (гымрть — р. смерть и т. п.) и въ случаиахъ второй категоріи (кржъ — русск. кровъ и т. п.) имѣли неодинаковое значеніе. На это указываютъ данныя самихъ древне-церк.-слов. памятниковъ.

Въ Киевскомъ Миссалѣ еще нельзя подмѣтить никакого различія между примѣрами первой и второй категоріи; и ятъ не подвергаются въ этомъ памятникѣ никакимъ измѣненіямъ и не смышиваются между собою ни въ такихъ случаиахъ, какъ кржъ — кржки, ни въ такихъ, какъ гымрть — гымрты; пишется правильно кржки, кхлаждити (ср. русск. крови, вспло-

тити), а также: скврностн (ср. р. скверность), оуткфд (ср. р. утвержднть), ғрьдыцѣ (рус. сердце), држимѣ (р. держимъ), скржн (р. скорбный). Въ словѣ напльнени-и Кіевскаго Миссала является болѣе старымъ, чмъ о изъ ъ въ русскомъ полныи: ср. літ. rīnas.

Обращаясь къ Зографскому Ев., замѣчаемъ уже нѣкоторое различие между тѣми группами ғx, ғy, ԓx, ԓy между согласными, которымъ соответствуютъ русскія сочетанія ор, ол, ер, ел, и тѣми, кои имѣютъ своимъ соответствиемъ русскія рo, лo, ре, лe.

1. Въ группахъ ғx, ԓx, ғy, ԓy изъ прасловянскихъ *гъ, *ғъ, *ԓъ (русс. рo, лo, ре, лe), если въ слѣдующемъ слогѣ стоять опять таки ԓъ, ԓъ, — ъ и ԓъ всегда строго различаются, никогда не смѣшиваются между собою: пишется ғржкъ (р. бровь), ғржкъ (р. кровь), пахъ (р. плоть), ғржнн, држомъ (р. дрожомъ), скржестъ (р. скржестъ), трѣхъ (р. трехъ); это различие бзышею частью сохранено и въ тѣхъ случаяхъ, когда сочетаніе ғx(ғy, ԓx, ԓy) стоять предъ слогомъ съ гласнымъ полного образования, хотя въ этихъ случаяхъ изрѣдка находимъ уже смѣшеніе ъ и ԓъ: правильно пишется въ заимствованномъ изъ греческаго языка словѣ ғрѣстъ -ъ и такъ-же пишется ъ въ глаголѣ ғрѣстити, правильно пишется вльштати (ср. р. блестѣть), ғлынѣ (р. клену правильнѣе, чмъ ғлѣну), трѣмъ (ср. р. трѣмъ), плѣбати (русс. плевать); однако находимъ и важко вмѣсто ожидаемаго вж-крыснѣти.

Значеніе этихъ фактовъ понятно: въ разматриваемыхъ группахъ ъ и ԓъ имѣли ту-же судьбу, что и послѣ иныхъ согласныхъ (ср. § 68); въ положеніи предъ слогомъ съ гласнымъ полного образования они были слабыми, и потому ъ предъ твердымъ слогомъ могло измѣняться въ ъ; но въ положеніи предъ слогомъ съ ъ, ъ — и ъ въ указанныхъ сочетаніяхъ ғx(ғy, ԓx, ԓy) были сильными и потому смѣшиваются не могли.

2. Если бы написанія ғx, ғy, ԓx, ԓy въ словахъ второй категоріи (prasл. тѣ, ԓъ, тѣ, ԓъ, рус. ор, ол, ер, ел) означали въ древне-церк.-словянскихъ памятникахъ то-же самое, что и въ словахъ первой (см. 1) категоріи, то ожидали бы столь же строгаго различенія между ъ и ԓъ и туть, — въ томъ положеніи, когда даѣтъ слѣдуетъ ъ, ԓъ. Однако этого какъ разъ и не находимъ: въ Зогр. Ев. пишется прикx и прѣкx, — правильно, конечно, второе (ср. russ. первый), ғрждыцѣ и ғрѣдицѣ (ср. russ. сердце), скмѣржѣ вмѣсто правильнаго гмѣржѣ (р. смерть), похѣстx вм. прѣстx (р. перестѣ). Тамъ же формы найдемъ и въ другихъ др.-ц.-сл. памятникахъ: Мар. ғрждыцѣ, ғрѣдицѣ, скмѣржѣ; Glag. Cloz. ғрждицї, ғрѣдица, скмѣржѣ; Син. Мол. ғрждыцѣ; наоборотъ, въ Савв. кн. находимъ скржнъ вм. скржвъ. Такое же неразличеніе ъ и ԓъ найдемъ, конечно, въ этихъ сочетаніяхъ

и предъ слогомъ съ гласнымъ полнаго образованія, т. е. *скрѣти*, *жрѣтка*, *дѣжати*, — какъ въ Зогр. Ев., такъ и въ другихъ памятникахъ.

Ясно, что въ случаяхъ второй категоріи написанія *рѣ*, *рѣ*, *лѣ*, *ль* обозначали не то, что въ случаяхъ первой категоріи. Выводъ этотъ подтверждается еще однимъ обстоятельствомъ: въ случаяхъ первой категоріи *ть* и *ь* въ положеніи предъ слогомъ съ *и* и *и* (или *i*-*j*) могутъ измѣняться въ др.-ц.-сл. памятникахъ въ *е*, *е*, какъ и посль иныхъ согласныхъ: въ Мар. Ев. находимъ *крѣніе* изъ **вѣнье*, *кхскрѣсъ* изъ болѣе древняго *вѣскрѣсъ*, въ Glag. Cloz. находимъ *крестъ* изъ *крѣстъ*, *кроинъ* изъ прасл. **кѣнъю*, *кхскрѣшюмоу* изъ *вѣскрѣшюмоу*, въ Асс. Ев.—*вхскрѣсъ*, въ Син. Пс. *креніе*, *глѣзъ* (изъ *глызъ*), *вхскрѣсъ*, *кроинъ*, *плоть* (изъ *пахть*), *поскрѣжштетъ* изъ *поскрѣжштетъ*, въ Син. Мол. *креніе*, *глѣзъ*.

Между тѣмъ ип въ одномъ изъ указанныхъ памятниковъ, несмотря на ихъ значительный объемъ, нельзя указать положительно ни одного примѣра, где бы такому измѣненію въ такомъ же положеніи подвергся *ть* или *ь* въ сочетаніяхъ *рѣ*, *рѣ*, *лѣ*, *ль* второй категоріи, т. е. изъ прасл. **ть* и т. д. (руссек. *ор* и т. д.); невозможно какое нибудь *скробъ*, *чревъ* изъ *скрѣбъ*, *чрѣкъ*. Изъ этого ясно, что въ написаніяхъ *скрѣбъ*, *чрѣкъ*, *пѣнъ*, *тьѣрѣдъ*, *гхмѣть* и т. п. *ть* и *ь* не обозначали слоговыхъ звуковъ, которые въ силу ослабленія конечныхъ *ть*, *ь* могли усиливаться и измѣняться въ гласные полнаго образованія.

Слогъ образовали въ этомъ сочетаніи *р*, *л*; т. е. *рѣ*, *лѣ*, *рѣ*, *ль*, въ такихъ словахъ (руссек. *ор*, *ол*, *ер*, *ел*) обозначали слоговые *р*, *л*, сопровождавшіеся слабымъ гласнымъ элементомъ, переходнымъ неслоговымъ звукомъ, который обозначался буквами *ть* и *ь*. Вероятно, подумятъ слововой *г* (*й*), сопровождавшійся мягкимъ переходнымъ гласнымъ, обозначался написаніемъ *рѣ* (*лѣ*), а твердый слововой *г* (*й*)-*+твердый переходный гласный*—написаніемъ *рѣ* (*лѣ*). Ср. 1) Фортунатовъ «О составѣ Остромирова Ев.» 22 с. 2) Meillet въ Göt. g. An. 1910 г., № 5, 370 с. Итакъ, на основаніи анализа фактovъ др.-ц.-сл. памятниковъ можно думать, что праслов. сочетанія *тгъ*, *тгъ*, *тѣ*, *ѣ* (съ неслоговыми *ть*, *ь*) въ др.-ц.-сл. языкеъ являлись съ перестановкой въ видѣ *гть*, *гть*, *гѣ*, *ѣ*—также со слоговыми *г*, *г* и неслоговыми *ть*, *ь*. Эти сочетанія (*гть* и т. д.) въ словахъ **скгѣбъ* и т. п. не были вполнѣ тождественными съ сочетаніями *гть* и т. д. въ **кгѣвъ*, **кгѣві*, но тѣ и другія были въ извѣстной степени сходными на слухъ, чѣмъ и объясняется одинаковое изображеніе ихъ въ др.-церк.-словянской письменности.

Причины. Относительно болѣе поздней эпохи въ др.-церк.-слов. письменности можно предположить отожествленіе сочетаній *гть* и сочетаній *гѣ* въ живомъ произношеніи писцовъ, какъ основаніе одинакового правописанія.

Въ текстахъ XI вѣка—въ Маріїнскомъ Ев., Клоц. Сб., Ассем. Ев., Си-
нейск. Пс., Синайск. Мол., Супр., Савв.—первоначальное различие между ѿ и ѿ
въ формѣ типа крѣби, креста, пласти утрачено. Въ Мар. пишется крѣтиша,
крѣтише, съязами, дрѣколѣни—съ ѿ вм. ѿ (ср. соответствующія русскія
формы); въ Glag. Cloz.—крѣтѣ (въ подѣ вѣяніемъ такихъ формъ—крѣста), въ
Ассем. крѣтити, крѣтишати, въ Син. Псалт. крѣтишити, крѣтиши и
наоборотъ—кѣви ѿ вм. крѣби; въ Хил. л.л. крѣтишие, крѣтишика; въ Савв.
книгѣ—кѣбѣ, кѣби при крѣби, крѣко-, пльть при пльти и съязами при
съязами; въ Супр. рук. скрѣжети, крѣщеніи и пльти; и даже въ Надписи
993 г. читаемъ на крѣтѣхъ. Съ некоторой вѣроятностью можно предполагать,
что въ этихъ фактахъ отражается измѣненіе первоначальныхъ группъ
ѹ и т. д. съ неслоговыми г, ӏ—въ группы со слоговыми ѹ, ӏ и неслоговыми
ѹ, ӏ и позже въ слоговые ѹ, ӏ. Такое предположеніе поддерживается и
нѣкоторыми иными фактами: 1. Въ памятникахъ XI вѣка встрѣчаю, правда
немногое, количество случаевъ пропуска ѿ, ѿ въ разматриваемыхъ группахъ
на письмѣ; такъ въ Мар. Ев. Игнѣтъ отмѣчасть,—кѣбѣ, крѣтила, сутрни;
то-же—и въ группахъ ѹ, ѹ и т. д. изъ прасл. ѿ, ѿ и т. д.: ишиогреоуѣ,
милогрѣдабѣ, геконаштаа, о цркви Мар. Ев. 438 с. Въ Glag. Cloz. находимъ
крѣти (2 раза), креста (2 раза), крѣтѣ; въ группахъ ѹ, ѹ изъ прасл.
ѹ, ѹ—то-же: кѣкѣ, бѣ цркви.

2. Сами по себѣ приведенные случаи настолько немногочисленны, что
могли бы быть приняты за описки, если бы на измѣненіе группъ ѹ, ѹ и т. п.
въ слоговое ѹ не указывалъ также Македонскій листокъ,—памятникъ, по па-
леографическимъ примѣтамъ, XI вѣка: въ немъ находимъ написанія бѣрѣ,
пльти, дѣрзостнѣй, дѣрзѣ, гирдѣ, дѣлжнѣ; въ формахъ 1, 3, 4, 5, 6 написанія
ѹ, ѹ, ѹ, ѹ обозначаютъ ѹ, ӏ, явившіяся изъ старыхъ сочетаній ѹ, ӏ, яхъ съ искони
слоговыми ѹ, ӏ, (ср. русск. верхъ, дерзкій, гордый, долгъ); форма пльти
показываетъ, что такое-же ӏ явилось и на мѣстѣ старого лж съ неслоговымъ ӏ.

Для XII—XIII вѣка ѹ, ӏ на мѣстѣ прасл. гѣ, ӏѣ, гѣ, ӏѣ въ болгарской
письменности уже не подлежитъ сомнѣнію. Явившись первоначально предъ
слогомъ съ гласнымъ полного образованія, эти слоговыя ѹ, ӏ затѣмъ проникали
и въ тѣ положенія, где фонетически получилось ѹ, ѹ, ло, лѣ т. е. подъ вѣ-
яніемъ крѣки, креста со слоговыми ѹ явилось и кѣбѣ, креста, вытѣснивъ фоне-
тическое кѣбѣ (или кѣбѣ со слоговыми нормальной краткости ӏ), крестѣ.
Отражаетъ ли крестѣ Сборника Кдоца живое крест, или же ѹ представляеть
лишь графическую аналогію, решить трудно.

По отношенію къ Савв. книгѣ, изъ которой выше было приведено скрѣбь,
должно замѣтить, что написаніе ѹ въ этомъ памятнике вообще сильно пре-
обладаетъ надъ ѹ, какъ въ примѣрахъ типа крѣби, такъ и въ примѣрахъ
типа скрѣби, что Щепкинъ объясняетъ особой природой слогового ѹ, получив-
шагося въ тѣхъ и другихъ сочетаніяхъ.—Разсужденіе, 219 с.

Ср. по данному вопросу—о сочетаніяхъ плавныхъ съ ӏ, ӏ—Липунова:
Изслѣдованіе 245 и сл., Шахматова: Къ исторіи звуковъ русскаго языка. О
полногласіи, 1 и сл., 137 и сл., 178 с., Лескина: Handbuch⁴ 32—37 с. и Gram-
matik 61 с.

§ 72. Изъ прасл. сочетаний *or*, *ol*, *er*, *el* между согласными въ др.-сл. языкахъ получились сочетания *ra*, *la*, *rѣ*, *lѣ* между согласными, т. е. въ этихъ сочетанияхъ произошло удлиненіе гласнаго о, е и перестановка. То-же находимъ въ современномъ болгарскомъ языке, въ языкахъ сербскомъ, словинскомъ и чешскомъ.

Такъ: др.-ц.-сл. *врада*, серб. *bráda*, слов. *bráda*, чеш. *brada* (prasл. **borda*); др.-ц.-сл. *градъ*, серб. *grâd*, слов. *grâd*, чеш. *hrad* (prasл. **gôrdъ*); др.-ц.-сл. *кофъгъ*, серб. *brêg*, слов. *brêg*, чеш. *vřeh* (prasл. **bergъ*); др.-ц.-сл. *глака*, серб. *gláva*, слов. *gláva*, чеш. *hlava* (prasл. **golva*); др.-ц.-сл. *млѣко*, серб. *mléko*, слов. *mléko*, чеш. *mléko* (prasл. **mélko*).

Въ чешскомъ языке старое ё въ сочетанияхъ *rѣ*, *lѣ* дало е. Въ польскомъ языке изъ прасл. *or*, *ol* получились сочетания *rô*, *lô*, а изъ сочетаний *er*, *el*—*rē*, *lē*, откуда затѣмъ *ro*, *lo*, *re*, *le*,—съ сокращеніемъ долготы, или же *rô*, *lô*, *rѣ*, *lѣ*, гдѣ ' означаетъ закрытый характеръ гласныхъ о, е,—съ сохраненіемъ долготы, слѣдомъ которой является въ настоящее время закрытое произношеніе; ср. Кульбакина въ Сборн. Отд. русск. яз. и сл. 73 т. 48 стр. Сходную судьбу имѣли данныея сочетанія и въ лужицкихъ языкахъ: ср. луж. *brjôh* (изъ **breg*), *hroch*, *broda*, *hlos*, *mloko* изъ *mleko*.

Въ русскомъ языке, въ соотвѣтствии приведеннымъ формамъ, какъ известно, имѣлись *полигласные* формы: *борода*, *городъ*, *берегъ*, *молоко*.

Не ту судьбу имѣли прасл. сочетанія *or*, *ol*, *er*, *el* въ начальѣ слова. Здѣсь, говоря вообще, во всѣхъ языкахъ имѣла мѣсто перестановка. Въ серб. языкахъ изъ начального *or*, *ol*—получилось *ra*, *la*: *râsti*, *lâkat* (prasл. **orsti*, **olkъstъ*), то-же—въ словинскомъ; въ русскомъ находимъ *ра*, *ла* и *ро*, *ло*: ср. великор. *робить*, *робкій*, *робить*, *ростъ*, *ровный*, *локоть*, *лодка* и,—съ другой стороны,—*рало*, *ратай*, *лакомый*, *лань*. Ту-же двойственность обнаруживаются и зап.-слов. языки: чеш. *rob*, пол. *rob*, верхнелуж. *robotu*; чеш. *role*, пол. *rola*, луж. *rola*; чеш. *gówny*, пол. *gówny*, нижнелуж. *rowny*; чеш. *loket*, пол. *łokieć*, в.-луж. *łoké*, а съ другой стороны—чеш. *râdlo*, пол. и луж. *radło*; чеш., пол. и в.-луж. *gataj*, чеш. *lákati*, пол. *łakomy*, в.-луж. *läcny*.

Эту двойственность *ra/ro*, *la/lo* въ русскомъ и зап.-слов. языкахъ объясняютъ различно: ср. Tore Torbiörnsson, Die Gemeinslavische Liquidametathese I (1901); Эндзелинъ, Сборникъ статей, посвященныхъ Ф. Фортунатову, 560 и слѣд.

Для начальныхъ сочетаний *er*, *el* несомнѣнныхъ примѣровъ указать нельзя.

Др.-ц.-сл. языки въ судьбѣ начальныхъ праслов. сочетаний **or*, **ol* примыкаль къ другимъ южно-слов. языкамъ, т. е. имѣлъ на ихъ мѣстѣ

ра, аа, каковое находимъ обычно въ др.-ц.-сл. памятникахъ: раги, рагни, рагти — рагти, рагти, ладин, лакитъ, раго, раган, лакати — лачынъ — лакета, ланина.

При этомъ, однако, встрѣчаемъ въ единичныхъ случаяхъ группу аа: въ Зогр. *къ* аади Марк. I, 19 при — *къ* лади Марк. I, 20; въ Мар. амчыша, амчышти, амчыштил (Ягичъ, Мар. Ев. 478 с.), Остром. *къзлакъ* 121^a, 121^b, 151^c, 122^a, *къзлакъ* 127^d, 261^e, *къзлакъ* 93^f, аача 239^g, аамчыша 121^h, 122ⁱ, 161^j, 152^k; *къзлакати* 20^l. —ср. *къзлака* Зограф.; въ Супр. амчени, амчига, амчига (Leskien, Handbuch^m 32 с.); въ Син. Эвхол. аак-, аакч- 69ⁿ, 90^o, 103^p, 104^q, Савв. амчыша, амчышчи (Щенкинъ, Савв. кн. 153 с.); въ иныхъ памятникахъ ц.-слов. письменности встрѣчается также аамнин при лани (или аамнин, лани). Условія возникновенія этихъ формъ безъ перестановки не выяснены; нужно думать, что первоначальными среди вариантовъ съ аак-, аа-, а- являются варианты съ з, который отражалъ неполнаго образованія звука, развившійся между а и слѣдующимъ согласнымъ и обусловившій отсутствіе перестановки. Кромѣ указанныхъ отступлений отъ обычныхъ др.-ц.-сл. ра, аа изъ начальныхъ ог, ол должно отмѣтить примѣры съ ро: въ Супр. находимъ рөвя, рөбота, рөз-, рөзкѣ, рөкынъ (при рагв, рагкѣ, рагынъ:ср. Leskien, Handbuch^t, 32 с.). По отношенію къ Супрасл. рукописи можно допустить въ данномъ случаѣ вліяніе словянскихъ говоровъ, относящихся къ западнымъ или восточнымъ вѣтвямъ:ср. Вондракъ въ Sitzungsber. 122 т., Облакъ въ Arch. XV, 338 и сл. Въ Зогр. и Син. Пс. находимъ: рөзга — при рагга, рагдне. (Зогр. Іоа. 15. 4, 6; Син. Пс. 215, 7, изд. Гейтлера).

Примѣчаніе. То обстоятельство, что прасл. ог, ег при перестановкѣ получило удлиненіе о въ а и съ изъ ё, указываетъ на глубокую древность этого измѣненія праслов. сочетаний: обыкновенно, считаютъ южно-слов. и чешское га, ла, тѣ, лѣ діалектическими явленіеми прасловянской эпохи. При этомъ въ наукѣ существуетъ теорія, что различные рефлексы праслов. сочетаний ог, ол, ег въ отдѣльныхъ слов. изыкахъ, т. е. южно-слов. ра, аа, пол. го, ю, русск. оро, оло, кашубское аг, — все прошли черезъ посредствующую ступень го, ю со слоговыми г, л; по этой теоріи, следовательно, и др.-ц.-слов. ра, аа получилось непосредственно изъ го, ю; Torbjörnsson Die gemeinslav. liquida — metathese I — II (1901, 1903 гг.). Теорію эту, однако, не считаемъ доказанной; ср. по этому вопросу Торг. Torbjörnsson'a въ В. В. XXX (1906 г.), 62—99 с., гдѣ указана и вся предшествующая литература; также Brückner'a въ К. Z. XLII (1908 г.) 39—52 с. и Torbjörnsson въ Mat. i prace IV т. (1909 г.) 25 и сл. Объ ааккати ср. К. Z. XXXVIII, 314 с., Фортунатовъ „О составѣ Остром. Ев.“ 21 с. Относительно жладъ, встрѣчающагося въ Супр. при жаѣдѣ (изъ *Želdq) —ср. Meillet въ Götting. gelehr. Anz. 1910, № 5, 372 с.: предполагается измѣненіе el послѣ смягченныхъ є, ї, ѕ въ ѿ, откуда затѣмъ оѣ и, наконецъ, la. Относительно др.-цер.-слов. члакѣкъ ср. Leskien'a Gramm. 62 с., Шахматова

Къ исторії звуковъ. 1903 г. 58 с. Русск. человѣкъ, пол. człowiekъ, в.-луж. čłowjek предполагаютъ прасл. *čelvěkъ; въ соотвѣтствіи этой прасл. формѣ ожидали бы въ др.-ц.-сл., болг., серб., словин., чешскомъ группы čla, однако въ др.-церк.-слов. находимъ чловѣкъ, въ серб. čovek, въ словен. človek, въ чешск. člověk. Лескинъ выводить др.-ц.-сл. чловѣкъ изъ *čylověkъ. Но др.-ц.-сл. памятники говорятъ противъ этой гипотезы: они не знаютъ вовсе формы съ т. Шахматовъ предполагаетъ прасл. *čelvěkъ въ двухъ вариантахъ: съ сокращеніемъ l въ силу положенія предъ долгимъ ударяемымъ слогомъ и съ долгимъ l подъ вліяніемъ формы зват. пад. *čelvěče; форма čelvěkъ, сохранившая долготу подъ вліяніемъ čelvěče, — измѣнилась въ čelvěkъ отъ краткимъ удареніемъ ě; изъ формы čelvěkъ Шахматовъ ведетъ русскую полночленную форму, а изъ формы čelvěkъ — др.-ц.-сл. и южно-слов., чен. člo-; предполагается, что группа ga, la фонетически получалась лишь изъ ог, оl изъ ог, ol должно было получиться go, lo и въ южно-славянскихъ языкахъ, и въ чешскомъ. Предполагается также, что законъ сокращенія долготы подъ удареніемъ въ третьемъ отъ конца словѣ (*čelvěče) действовалъ позже закона сокращенія предъ ударяемымъ долгимъ слогомъ. Объясненіе страдаетъ искусственностью.

§ 73. Вопросъ, что именно имѣлось въ древне-церк.-словянскомъ языке — ѹ или же і неслогоное, не можетъ быть решенъ ни въ ту, ни въ другую сторону: анализъ графики древнѣ-церк.-словянскихъ памятниковъ не даетъ для этого никакихъ опредѣленныхъ указаний. Въ глаголицѣ йотація при гласныхъ e, a, i, y не обозначается вовсе: ѿ выражается простымъ e, и — знакомъ ꙗ; первоначально не знала глаголица особаго знака и для іѧ (ср. выше, § 70); знаки глаголицы, соответствующіе кирилловскимъ ѿ и іѧ, неясны. Въ кирилицѣ находимъ йотацію выраженной при a (а), e (е), ou (ю), a (ѧ) и i (ѩ); при этомъ ясно, что ѹ или і въ этихъ сложныхъ знакахъ выражено знакомъ i, который въ отдельномъ употреблении выражалъ і слогоное. Отсутствіе въ глаголицѣ и кирилицѣ особаго знака для ѹ, на которое указываетъ Meillet, объясняется естественнѣе всего отсутствіемъ такого знака въ греческомъ алфавитѣ, и дѣлать изъ этого отсутствія какія-либо заключенія о природѣ др.-ц.-сл. рефлекса прасловянскаго ѹ (и) было бы рисковано. Наличность въ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ такихъ формъ, какъ съаніе, чааніе; добрааго, доброуому, добрааго, доброуму, получившихся изъ *dobra-jego, *dobra-jemъ, или формъ: подобаатъ, вѣроуутѣ, вѣкаатъ изъ *podobaјетъ, *vѣruјete, *buvaјетъ — указываетъ, что др.-церк.-слов. языкъ получилъ изъ прасловянского въ известныхъ условіяхъ не ѹ, а і неслогоное; это і неслогоное затѣмъ исчезало, сдѣствиемъ чего была ассимиляція гласныхъ: ae измѣнялось въ aa, oue — въ oou, откуда затѣмъ a, ou.

Примѣчаніе. Ср. по данному вопросу Meillet во II вып. «Статей по славяновѣдѣнию» (1906 г.) 390 с.; Шахматова — «Къ вопросу о различеніи йота и

неологового і въ исторії славянскихъ языковъ» (изъ Р. Ф. В. 1903 г.): Шахматовъ предполагаетъ, что «въ общеславянскомъ языке» было Ѵ предъ ударяемымъ гласнымъ и Ѵ предъ неударяемымъ. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія др.-ц.-сл. языкъ подучилъ изъ прасловянского—ј въ однихъ случаяхъ и неологовое—въ другихъ. Гипотеза Шахматова поддерживается фактами польского языка:ср. пол. *tajać*, *Tajać* и русс. *таять*, *ложить*, но *bać się*, *smiać się*—съ нечленовенiemъ и неологичнemъ,—и русск. *бояться*, *смеяться*.

§ 74. Праслов. г', Ґ, п', получившися изъ гj, Іj, пj, повидимому, были и въ др.-церк.-слов. языке смѣгченными. Въ глаголическихъ памятникахъ эта мягкость выражается надстрочнымъ знакомъ надъ указанными согласными или тѣмъ, что послѣ нихъ ставится знакъ йотованного гласного: послѣднее имѣеть мѣсто предъ а, оу, ю и ж въ тѣхъ памятникахъ, которые различаютъ ж и ѿ. Такимъ образомъ, въ Зогр. Ев. находимъ *моѣ*, сочетаніе га выражается написаніемъ ѿ (форма йигара предполагаетъ имъ ед. *йигаръ*); слогъ го выражается обычно написаніемъ рю, слогъ го—написаніемъ рж; иногда находимъ и надстрочный знакъ, и йотованный гласный. Такъ-же въ Мар. Ев. находимъ написанія рѣ, рю, рж; въ Ассем. рѣ (*йигара*, *лазара* предполагаютъ *йигаръ*, *лазаръ*), рж, рю при рѣдкомъ роу.

Въ кирилловскихъ памятникахъ—тѣ-же два приема обозначенія мягкости указанныхъ согласныхъ: надстрочный знакъ и соединеніе съ йотованными гласными. Въ Савв. книгѣ обычно являются написанія рѣ, лѣ, нѣ; въ Супр. рук. при обычномъ рѣ находимъ однако столь же обычное роу и преобладающее рж. Въ Остр. Ев. случаи необозначенія мягкости при а, и весьма рѣдки, но при рѣ перѣдко встрѣчается ра, обычно роу (редко рю), преобладаетъ рж. Приставной звончакъ мягкости при а, написанія рѣ, лѣ, нѣ—находимъ въ Хиланд. Отр. Судя по этимъ даннымъ, можно предполагать, что исконная мягкость ъ, ѿ, ѿ (изъ гj, Іj, пj) не въ одинаковой мѣрѣ сохранилась въ говорахъ, отразившихся въ нашихъ памятникахъ: нѣкоторое отвердѣніе ъ, повидимому, относится къ весьма древней эпохѣ въ жизни болгарскихъ говоровъ.

§ 75. Прасл. сочетанія губной (б, р, в, м) + Ѵ имѣли не вполнѣ одинаковую судьбу въ отдѣльныхъ славянскихъ языкахъ. Въ начальномъ слогѣ слова группы *губной* + Ѵ во всѣхъ славянскихъ языкахъ измѣнилась въ сочетаніе *губной* + 1 смѣгченное: ср. горск. *bjude* и русс. *блудо*, серб. *bludo*, пол. *bludo*, или лит. *spiáju*—*spiáuti* и русс. *плюю*, серб. *pljuem*, пол. *plcię* и т. д. Но внутри слова между отдѣльными славянскими языками замѣчается различіе: въ зап.-слов. языкахъ (пол., чеш., луж., кашуб.) не находимъ измѣненія группы *губной* + Ѵ въ группу *губной* + 1: пол. *kubję*, *ziemia*, чеш. *země*, луж. *zemja*; въ языкахъ же вос-

точной и важной вѣтви находимъ то-же, что и въ начальномъ слогѣ слова: рус. земля, люблю, жалю и т. п., серб. землѧ, словен. земља. Большинство говоровъ современного болгарского языка сближается въ этомъ пункте не съ сербскимъ, словинскимъ и русскимъ, какъ можно было ожидать, а съ зап.-славянскимъ (сочетанія губной + ѣ встречаются въ зап.-болгарскихъ говорахъ).

Древне-церк.-слов. памятники въ этомъ отношеніи даютъ следующій материалъ. Въ Киевскомъ Миссалѣ находимъ исключительно сочетанія губной + ѣ предъ гласными и, ѣ, є, тѣ: премл, земльскѣ, извѣлениѣ, премлѣнїе, премлѣнїе. Въ Зогр. (древняя часть), Мар., Сб. Клоц., Син. Тр., находимъ сочетанія губной + и губной + є (Зогр. аѣшасѧ, дѣвьши сѧ, коракъ при коупль, погуемъ, коракъ), но предъ гласными є, є (=и), є, є, є — сочетаніе губной + ѣ является почти безъ исключений: въ Зогр. находимъ 1 разъ лишь приставы; форма благословенїя, вѣроятно, — нефонетического происхожденія. Въ Ассем. и Син. Пс. находимъ губной безъ ѣ и предъ иными гласными, помимо є, и, т. е. сочетанія є (=и), є (=и), є, є, є; въ Син. Пс. находимъ также написанія: землѣ, землѣнѣ, ѿковъ, глоумженїе. Савв. книга знаетъ сочетанія губной + є (=и), губной + є (=и), губной + є (и) и написанія земѧ, земѣ. Въ Супр. сочетанія губной + ѣ сравнительно рѣдки, и обычны написанія -кѣл, -пѣл, -кѣе, -пѣе, -вѣе, -вѣл, -пѣ и т. п. Въ Остром. употребленіе сочетаній губной + ѣ очень выдержано (отступленіе: земльска 1 разъ и основа коравиц- 3 раза). Хиланд. л. имѣютъ сочетанія губной + ѣ (но коравъ).

Такая картина распределенія фактовъ позволяетъ думать, что говоръ, легший въ основу кирилло-мѣодѣвскаго перевода, и внутри словъ измѣнилъ прасл. сочетанія губной + є въ сочетанія губной + ѣ (ср. Киев. М., Остром. Ев.). Если и другіе болгарскіе говоры IX в. имѣли тѣ-же сочетанія, то, судя по показаніямъ Зогр., Мар., Клоц., Син. Тр., они потеряли это ѣ изъ ѹ прежде всего въ положеніи предъ гласными и, ѣ, а затѣмъ уже и предъ иными гласными (Асс., Син. Пс., Савв., Супр.). Значеніе написаній Супр. рук. типа — вѣе, кѣл и т. п. — не вполнѣ ясно: возможно, что эти написанія обозначали сочетанія -ѣл, -ѣа, -ѣе, -ѣа, въ которыхъ є, є относились къ одному слогу, а ѹ было въ началѣ слѣдующаго слога (т. е. сочетаніе — вѣе произносилось приблизительно, какъ рус. современное бѣо).

Приложение. Фактический материалъ изъ древне-церк.-слов. памятниковъ собранъ въ статьѣ Орѣникова «Отношенията на старобългарските паметници къ спектетично ѧ» въ Прѣстия на семинара по славянска филология при университета въ София, кн. II 1907 г., 1—65 с.с. Тамъ же указана литература вопроса.

§ 76. Согласные **ш**, **ж**, по своему происхождению мягкие (ср. § 53, 57 в. 7), можно считать таковыми и по отношению къ древнейшей эпохѣ въ жизни др.-церк.-слов. языка. Древнейший по языку памятникъ, Кіев. М., имѣть въ большинствѣ случаевъ написанія **шѣ**: **мьшѣ** (7 разъ), **нашѣ** (4 раза), **доушѣми**, но при этомъ **сгражшати** (2 раза) и **напежа**.

Написанія **шѣ**, **жѣ** можно встрѣтить и въ другихъ памятникахъ, глаголическихъ и кирилловскихъ, но уже рѣдко: обычными являются написанія **жа**, **ша**; напр. Зогр. Ев. **оужасише**, **множаша**, **баша**, Мар. Ев. **баша**, **доуша**, **глажшати**, **оужасъ**, Слоз. **доуша**, **послеушан**, **оужасъ**, Савв. **баша**, **глажша-**, **оужасише**, Хиланд. **притажание**, **даша**, (**стажавъ**), **глажшати** и т. д.

Эти написанія, повидимому, указываютъ на отвердѣніе въ говорахъ, отразившихся въ этихъ памятникахъ,—согласныхъ **ш** и **ж**. При этомъ въ тѣхъ же памятникахъ, въ которыхъ преобладаютъ написанія **ша**, **жа**, а также обычны **ша**, **жа**, **шѣ**, **жѣ**,—обыкновенно, пишется послѣ **ш**, **ж**—**ю**, а не **оу**: Зогр. **мѣжю**, Мар. **шиомъ**, **жюпелъ**, Савв. **шюма**, **шюща**, **рекши**, **взпадши**.

Этотъ фактъ графики др.-церк.-слов. памятниковъ объясняется или тѣмъ, что предъ **ю** согласные **ш**, **ж** дольше сохраняли мягкость, чѣмъ предъ иными гласными, или же тѣмъ, что буква **ю** въ этихъ написаніяхъ выражала гласный, качественно отличный отъ **оу**,—а именно известного рода **й** (объясненіе Фортунатова, ср. Щепкина Рассужденіе 291 с.). Это предположеніе не относится къ Супрасл. рук. и оригиналу Остромирова Ев.: въ этихъ памятникахъ находимъ обычно **жоу**, **шоу** (въ Остр. Козловскій отмѣчаетъ лишь **каждакшю**). Въ Ассем. находимъ **мѣжоу**, **о шоуїж** и **шиомъ**, **о шиомъ** (несколько разъ).

§ 77. На-ряду съ **ш**, **ж**, получившимися еще въ прасловянскую эпоху изъ **s+j**, **z+j** или изъ **sh**, **g** въ положеніи предъ **ј** и палатальными гласными, въ др.-ц.-сл. языкахъ находимъ **ш**, **ж** нового происхождения: они получаются изъ **с**, **з** въ положеніи предъ смягченными согласными. Такъ, въ Кіев. М. находимъ **вѣжловленіи** V 6, 5 изъ **вѣзловленіи**, **вѣж-нѣго же** VI, 15 изъ **вѣз нѣго же**; въ Зогр. Ев. **иж-нѣго**, Марк. I, 26, **вѣжловль** Ioa. XIV, 21; въ Мар. Ев. **вѣж нѣго** 314, 4 (по изд. Ягича), **иж-нѣнь** 184, 7, **иж-нѣго** 11810, 2097, **помѣшленіе**, **помѣшишати**—всегда: ср. **мѣсль**, **мѣсити**; последнія формы (**мѣсль**, **мѣглити**) показываютъ, что такое измѣненіе согласныхъ **с**, **з** въ **ш**, **ж** имѣло мѣсто лишь предъ сильно смягченными согласными **й**, **й** (изъ **lj**, **nj**).

§ 78. Др.-церк.-слов. группы **шт**, **жд**—различного происхождения.

1. Онъ получились изъ прасл. сочетаний **lj**, **dj**, а **шт**, кроме того, изъ группы **kt** въ положеніи предъ палатальными гласными. Однаковая судьба

въ др.-ц.-сл. и въ другихъ слов. языкахъ группъ тj и kt въ указанномъ положениі даётъ указание на процессъ измѣненія данныхъ группъ въ праслов. языкѣ: и группа kt въ положениіи предъ палатальными гласными, и сочетаніе тj, въ силу взаимной ассимиляціи, давали t' (смягченное) долгое. Такъ-же dj дало d' (смягченное) долгое. Долгіе смягченные t', d' имѣли неодинаковую судьбу въ говорахъ праслов. языка; общее условіе ихъ измѣненія заключалось въ томъ, что при условіи доаготы зубного палатального взыва онъ сопровождался суженіемъ въ томъ же мѣстѣ, въ силу чего въ однихъ говорахъ изъ t', d' получалось t's', d'z', въ другихъ t's, d'z. Изъ t's', d'z' получились западно-славянскіе c', dz', затѣмъ отвердѣвшіе:ср. пол. świeca, miedza изъ *světja, *medja; въ чешскомъ яз. dž кромѣ отвердѣнія упростились въ z: meze. Изъ t's', d'z' получились русскіе ч, ж. Изъ t's, d'z' должно вести и др.-ц.-сл. шт, жд; эти сочетанія получились или путемъ перестановки, или же чрезъ посредство št's', žd'z'.

Примѣчаніе. Посредствующую ступень št's', žd'z' предполагаютъ: Вондракъ, Vergl. Gr. 276 с. и Лескінъ, Gramm. 39 с. Перестановку Лескінъ считаетъ невозможной въ виду того, что č (=tš), dž изъ kj, gj не подвергались такой перестановкѣ; однако č въ kj и dž изъ gj могли быть отличными по артикуляціи отъ группъ t's', d'z', что признаетъ и самъ Лескінъ; поэтому возникновеніе шт, жд путемъ перестановки вполнѣ возможно.

2. Др.-ц.-сл. группы шт, жд получились изъ сочетанія sk, zg въ положениіи предъ j или палатальными гласными не изъ дифтонговъ. Такъ какъ согласный k въ такомъ положениіи измѣнялся въ прасловянскомъ въ č, то изъ sk+j (или палатальный гласный) получилось šč и затѣмъ въ силу ассимиляціи съ слѣдующему č — šč. Эта группа šč сохранилась, напримѣръ, въ малорусскомъ и польскомъ языкахъ:ср. малорус. щирий, пол. szczerы изъ прасл. *skirъ:ср. гор. skeirs. Въ др.-ц.-сл. языкахъ эта группа šč упростилась въ št (ибо č=tš, слѣд. šč=štš): штиръ (циркъ), шитъ (ицъ). Прасл. *dъsk-ica давала въ др.-ц.-слов. джтица; прасл. *bъlksteti—бывштати. Аналогично этому процессу группа zg+j (или палатальный согласный) давала группу žg, т. е. zdž, и затѣмъ žg; группа žg (ždž) упрощалась въ др.-ц.-сл. въ жд: рождише изъ *rozdyje:ср. розга, рожданѣ изъ *mzgēptъ; иждивеніе изъ *iz-givenje.

3. Сочетанія шт, жд получались въ др.-ц.-слов. также изъ группъ st + j, zd + j въ силу того, что tj, dj давали t', d' и затѣмъ t's', d'z', слѣдовательно, stj измѣнялось въ st's' и затѣмъ št's, а zdj — въ zd'z' и затѣмъ въ žd'z'; эти группы št's, žd'z' упрощались въ št', žd'. Такъ по-

лучились: др.-ц.-сл. *прігвождєнї*, — форма причастія отъ глагола *прігвоздити*, получившаяся изъ *prigvozidjetъ*, и *кryщенїе* изъ **krystjene*.

4. Наконецъ, сочетанія шт., жд получаются въ др.-цер.-словянскомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда согласные т, д или группы ст, зд подвергаются влиянию послѣдующихъ сильно смягченныхъ согласныхъ: 1 л. ед. ч. наст. вр. отъ глагола *остріти* — *оістрѣж* (т. е. *oштрѣж*) — изъ **ostrjo*, та-же форма отъ *пестріти* — *пенрѣж* — изъ **pestrjо*, отъ *смотріти* — *смоірѣж* — изъ **sъmotrjo*, отъ *хлітріти* — *хліпрѣж* — изъ **chlytrjо*, отъ *мѣдріти* — *мѣждрѣж* — изъ **mѣdrjо*, отъ *вздріти* — *важдрѣж* — изъ **vѣdrjо*.

Группы шт., жд въ др.-ц.-слов. языке первоначально были такъ-же смягченными, какъ и согласные ш, ж. Однако въ памятникахъ находимъ очень часто написанія шта, жда: въ Зогр. *Шпоушталих*, *шѣвштасъ*, *отемлаштаго*, рождаєтъ Ioа. XVI, 21 и т. п.; въ Мар. — *шкѣшта* — (всегда), *шпоушта* — (всегда), рождаєтъ, рождааетъ (см. указатель Ялича). Но при этомъ въ тѣхъ-же памятникахъ обычны написанія штию (цию), ждю; такъ, напримѣръ, въ Мар. и Савв. находимъ всегда между, въ Мар. *оіютиша*, *сънишию*, *шпоуштию*, *викнитилюу*, *нишию* и т. д., въ Савв. книгѣ *инрююу*, *ғайшю* и т. д.

Къ этому различію въ обозначеніи первоначально смягченныхъ шт., жд предъ гласнымъ а и предъ гласнымъ оу — приложимо то-же объясненіе, какое дано относительно написаній шю, жю при ша, жа (§ 76).

Особое положеніе среди др.-ц.-слов. памятниковъ занимаетъ Кіев. М., въ которомъ на мѣстѣ шт., жд изъ тj (kt), dj находимъ ц, з (подазъ, отхазъ, помоцъж и т. п.), — а на мѣстѣ шт изъ sk, st предъ ю (или, — при sk, — предъ палатальнымъ гласнымъ) — ю: *зашчити*, *очищение*.

§ 79. Первоначально смягченными были въ др.-ц.-сл. языке и согласные ц, с, ч. По отношенію къ ц, ч наблюдается въ др.-ц.-сл. памятникахъ то-же явленіе, что и относительно согласныхъ ш, ж, шт, жд: частое употребленіе написаній цю, чю при обычныхъ ца, ча. Такъ, въ Мар. Ев. находимъ *притча*, *притчами*, *притчахъ*, *чаше*, *части*, *часкъ*, *чаша* и т. д., но чюдо, чюдитися, чютъ, чюхъ, чюсте и т. д. при рѣдкомъ чоу (чоудити); такъ-же отыца, отъца, отїца очень часто, окциамъ, окциахъ, но отыю, отъю, отїю (18 примѣровъ) при отъкоу, отїкоу (4 примѣра). То-же, напримѣръ, — въ Савв. книгѣ. Объясненіе этого явленія — то-же, что и выше, въ § 76. Въ Кіев. М. два раза находимъ цѣ: *г҃ьдьцикъ II b*, 15, VII b, 12. Сочетанія за, soy или sz, sy — сравнительно рѣдки. Въ Зогр. Ев. встрѣчается одинъ разъ за, въ Мар. 4 раза — за, 3 раза soy и 1 разъ sy, въ Асс. 4 раза soy и 2 раза за, въ Савв. с замѣнено чрезъ з, при этомъ 2 раза находимъ — за (*книазъ*, *пѣназъ*): ср. Рассужденіе Щепкина 290 с.

Звукъ **s**, получившійся изъ прасл. **dz**, сохранялся въ др.-церк.-слов. языке, т. е. въ языке Кирилла и Меодія, какъ особый звукъ, какъ видно изъ того, что въ глаголической азбукѣ имѣется для него особый знакъ, отличный отъ **z**. Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятникахъ (напр. въ Хиланд. лл.) звукъ этотъ означается особымъ значкомъ при **z**. Однако въ отдельныхъ болгарскихъ говорахъ звукъ этотъ (**dz**) измѣнился въ **z**, и это измѣненіе отражается уже въ др.-церк.-слов. памятникахъ.

Изъ глаголическихъ памятниковъ правильнымъ употребленіемъ знака **s** отличается Ассеаніево Ев., Син. Пс. и поздняя часть Зографскаго Ев.; въ нихъ **s** употребляется правильно въ такихъ словахъ, какъ **zvѣzda** (ср. пол. gwiazda), **zvѣlo**, **zvѣzda**, **stvѣza**, и въ формахъ loc. s., пом. pl. **mnosѣ**, **mnosen**, **krasѣ**, **krasi**, пом. dual. **nosѣ** и т. п.

Наоборотъ, древнѣйшая часть Зогр. Ев., Мар. Ев. употребляютъ нерѣдко вместо **s**—**z**: Зогр. **mnosи**, **пельза**, **книазь**, Мар. **ptniazъ**, **ptniazю**, **носѣ**. Клоц. и Син. Эвхол. обозначаютъ всегда почти звукъ **s** тѣмъ-же знакомъ, что и звукъ **z**. Въ крупныхъ кирилловскихъ памятникахъ: Савв. и Суир. также звукъ **s** обозначается знакомъ **z**, что указываетъ на упрощеніе въ говорѣ писцовъ **dz** въ **z**; Остромирово Ев. знаетъ знакъ **s** только въ числовой значеніи; повидимому, и древне-болгарскій говоръ, отразившійся въ оригиналѣ этого памятника, не зналъ звука **s**=**dz**.

Въ Хиланд. листкахъ звукъ этотъ въ двухъ случаяхъ правильно обозначается особымъ **z** (**mnosи**, **кѣ**); этотъ же знакъ извѣстенъ и Листкамъ Ундолльскаго и Македонскому листку.

Изъ этихъ данныхъ ясно, что сохраненіе **dz** и совпаденіе его съ **z** было въ др.-болгарскомъ языке діалектическимъ явленіемъ: одни говоры потеряли различіе между **s** и **z** (**dz** и **z**) очень рано, другие сохранили его позже, нѣкоторые сохранили до сихъ порь. При этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ развилось новое **s** (**dz**) на мѣстѣ прасл. **z**: такое фонетическое значеніе имѣть, очевидно, прозаки въ Ассеем. Ев. (Мате. 13, 26) и въ лл. Ундолльскаго, такъ-какъ прозаки находились въ нѣкоторыхъ среднеболгарскихъ памятникахъ, напр. въ Болонской Псалтыри (Щелкинъ, Болонская Пс. 209.).

Что касается Киевскаго Миссала и Пражскихъ листковъ, то въ послѣднихъ, какъ чешской копіи съ др.-ц.-слов. оригинала, естественно не находимъ **s**,—оно замѣнено черезъ **z**, а въ Киевскомъ Миссалѣ нѣть вовсе формъ съ прасловянскимъ **dz**.

§ 80. Группа **sk** въ положеніи предъ **é**, і изъ дифтонговъ является въ др.-ц.-слов. памятникахъ, дошедшихъ до наст., въ видѣ **сц** или въ видѣ **ст**. Въ Киевскомъ М. находимъ **навѣтицѣ** III в., 23; въ Зогр. Ев.—въ древнѣйшей его части, находимъ преимущественно **сц**, но изрѣдка и

тт; Мар. Ев. предпочтаетъ цц: земыции, людьици, морыциемъ и т. п., но употребляется и ст: людьтии, архнегенстии, фаригенстии, морытии и т. п. Иногда писецъ пишетъ стц: люденици,— или же пишетъ ц надъ группой ст (Ягичъ, Мар. Ев. 435 с.). Въ Клоц. Сборнике, въ Савв. книгѣ, Син. Мол. послѣдовательно употребляется цц, наоборотъ въ Асsem. и Супр. всегда почти ст; въ Остромировомъ Ев.—ст рядомъ съ цц. Сочетаніе ст является упрощеніемъ цц (=st̄s), которое аналогично упрощенію группы št̄s въ шт въ формѣ штѣ, штѣши и т. п. (ср. выше, § 78): такъ какъ к предъ палатальными гласными изъ дифтонговъ измѣнялось въ ц, то изъ группы sk въ такомъ положеніи получилось sc: форма мѣстн. п. ед. ч. отъ людьицъ давала людьицѣ, форма им. мн.—людьици. Судя по показаніямъ Кіев. М., Зогр. Ев.—первоначальные др.-ц.-слов. оригиналы знали группу цц; нѣкоторые древне-болгарскіе говоры сохранили эту группу и въ XI в., другіе упростили ее въ ст.

Параллельно группѣ sk, группа zg въ положеніи предъ палатальными гласными изъ дифтонговъ давала zdž, такъ-какъ g измѣнялось въ такомъ положеніи въ dz (ср. § 54). Группа эта упрощалась въ др.-ц.-сл. языкѣ въ zd такъ-же, какъ группа ždž—въ žd (ср. выше, § 78). Въ этомъ отношеніи въ др.-ц.-сл. памятникахъ нѣть колебаній: мѣстн. ед. ч. отъ драžга—драžдѣ (Супр.).

Примѣчаніе. Написаніе стц и ст съ ц надъ т Ягичъ, Мар. Ев. 435 с., понимается въ смыслѣ исправленія писцомъ ст своего оригинала на цц своего говора, что весьма сомнительно: скорѣе писецъ выправилъ проскользнувшую черту своего говора въ угоду оригиналу.

§ 81. Задненебные согласные k, g, если они отдѣлены отъ послѣдующихъ палатальныхъ гласныхъ согласнымъ v, имѣли различную судьбу въ отдельныхъ славянскихъ языкахъ; въ западно-славянскихъ группахъ kv, gv оставались безъ измѣненія: ер. пол. gwiazda, kwiat, чеш. hvězda, květ; въ русскомъ языкѣ и въ южно-славянскихъ группахъ эти измѣнениялись въ группы цв, ѿк, т. е. k, g подвергались влиянию послѣдующаго палатального слова, несмотря на отдѣлявшее ихъ отъ этого слова v: ер. русс. цветъ, звезда,— во второмъ примѣрѣ имѣемъ упрощеніе э (dz) въ з; то-же наблюдается въ болгарскомъ и сербскомъ, и то-же находимъ и въ др.-ц.-словянскомъ звѣзда, цвѣтъ. Такимъ-же образомъ др.-церк.-слов. цвѣтти, звѣздати соответствуетъ чешскимъ kvíti, hvízdati.

Группа chv имѣла ту-же судьбу въ др.-ц.-словянскомъ: им. мн. ч. отъ жахъ—хахъ, причемъ встрѣчается форма зват. п. близкъ (Супр. рук.).

Примѣчаніе. Такъ-какъ рядомъ съ цвѣтъ, въ которомъ ё происходитъ изъ дифтонга, стоитъ въ др.-ц.-слов. цвѣтъ—цвѣсти, где въ изъ i, а и изъ I,— то можно предполагать, что измѣненіе группы kv, gv, chv въ су, dzv, sv имѣло

место въ южныхъ и восточныхъ вѣтвяхъ словянского языка предь всяческимъ парадатальнымъ гласнымъ въ эпоху, сравнительно позднюю. На то же указываетъ **збиздати** (*збиздати*) изъ *gvizd-a-ti (ср. Etym. Wörterb. Бернекера 365 с.). Форму **блажбе**, въ такомъ случаѣ, пришлось бы считать нефонетической (**блажке** при **блажбъ**, **блажи** по аналогии отошенній **доушъ** — **доухъ** — **доуси?**).

§ 82. Предлоги **везъ**, **къзъ**, **разъ-**, **изъ** въ древнейшихъ церк.-слов. памятникахъ пишутся всегда безъ ъ въ концѣ, т. е. являются въ видѣ **вез**, **къз**, **раз**, **из**: ср. напримѣръ въ Мар. Ев. **вез отца** 321а (изд. Ягича), **къз народа** 297а, **из ней** 219, **из овала** 237а, **къзведе** 58а, **къзбрата** 102а 9, **къзгласи** 73а-4, **раздѣлитъ** см. 12524—25, **разверштенъ** 23727 и т. п. Въ Киевскомъ Миссалѣ, который въ иныхъ словахъ не знаетъ ни одного случая пропуска ъ или ь,—находимъ: **издрѣшениѣ** II 10, V 69, **изжоли** II въ 12, **въздастетъ** III 15, **избаки** III 23, **възможемъ** III въ 12, V 7, V 23, VI 16, **възюли** III въ 20, **извѣшениѣ** IV 10, **избаки** IV 24, **раздрѣшненіе** V 15, **възѣдиги** V 20, **избаки** V въ 14, **възбеселія** VII 12; ср. съ этими примѣрами: **откладъ** VI въ 10, **наця оплаты** III 24 и др., **възъ насъ** II въ 19, **отъ грѣхъ** I въ 14, **въ чисти** и т. п.

Эти факты дѣлаютъ несомнѣннымъ, что предлоги **вез**, **изъ**, **къзъ**, **разъ** были получены др.-ц.-сл. языкомъ изъ ирасловянского безъ конечного ъ, съ окончаніемъ на согласный. Согласный этотъ не отпалъ по общему закону отпаденія конечныхъ согласныхъ въ виду того, что фактически онъ никогда въ живой рѣчи не былъ конечнымъ: предлоги прымыкали къ слѣдующей именной формѣ и составляли съ ней одно цѣлое: **из-коды**, **вез-рѣки**.

Такимъ образомъ, др.-ц.-слов. языкъ получалъ различные группы согласныхъ, состоявшихъ изъ конечного з предлоговъ **везъ**, **разъ**, **къзъ**, **изъ** и начального согласного именной или глагольной формы. Въ этихъ группахъ затѣмъ происходили различные измѣненія: ассимиляція, упрощенія, или же развитіе нового гласного. Нѣкоторыя изъ этихъ измѣненій уже были отмѣчены.

Такимъ образомъ, изъ соединеній **из-нѣго**, **вез-нѣго**, **възлюбленыхъ** получились сочетанія **иж-нѣго**, **веж-нѣго**, **въжлюбленыхъ**.

Соединенія z+g еще въ ирасл. давали z+g̡ (dž), откуда затѣмъ въ др.-церк.-словянск. жд (чрезъ посредство ždž): **ижденѣ**, **въждѣніе**, **раждѣгъ**, **иждити** — **иждикъ** (ср. **женѣ** — **гнѣти**, **желати**, **жегъ**, **жити** — **живѣтъ**). Соединенія z+s давали въ др.-ц.-слов. s+z, затѣмъ š+z и наконецъ št (чрезъ посредство štš): **иштистити**, **вештильни**, **иштезнити**, **иштаднє** (ср. **чистити**, **числьни**, **чезнати**, **чадо**).

Въ положеніи предъ согласнымъ глухимъ з измѣняется въ г: икоу-
нити, непалнити, испокѣдати, истешти, каскѣнти, каспитѣти, рас-
точнити, рагхитити, и-кораватѣ, бес-плода и т. п.

Если послѣдующее за предлогами слово начинается согласнымъ з или с, то конечное з предлога исчезаетъ вовсе: **беззаконие** изъ **беззаконие**, **расхипати**, **расхипаніе**, **расхаждати** изъ **раз-хипати**, **раз-хипаніе**, **раз-хаждати**; **бе-страха**, **бе-злокази** изъ **без-страха**, **без-злокази**, **и-съныништа** (Мар. 118:7).

То-же происходитъ, если начальнымъ согласнымъ слѣдующаго за предлогомъ слова является ш: **раширеѣти** изъ **раз-ширеѣти** (з+ш, с+ш, ш+ш, ш) **ишаѣдѣ** изъ **изшаѣдѣ** — **изшаѣдѣш**.

Изъ сочетанія з+ц получается въ силу ассимиляціи с+ц: **исцѣ-
лити** изъ **из-цѣлити**. При исцѣлити, исцѣлѣти находимъ однако ицѣлѣ (Мар. Ев. 2761в); форма эта получилась при простомъ цѣлѣти подъ влі-
яніемъ отношеній ишаѣдѣ при шадѣ. Такъ-же нефонетически явились фор-
мы **лечести** (Мар. 135в), **ичистити** (Асsem.), **и-чреѣва** (Мар. 6625), **вчиельни** —
изъ **из-чистити**, **без-чисти**, **из-чреѣба**, **без-чиельни**.

Фонетически, какъ мы видѣли (§ 82), группа з+ѣ давала шт, и
рядомъ съ указанными формами находимъ **иштистити**, **вштисти**, **иштроѣка**,
вштильни. Форма **и-чреѣба** и т. п. получились, быть можетъ, подъ влія-
ніемъ формъ **ишаѣдѣ**, **и-съныништа** и т. п., форма **вчиельни** подъ влія-
ніемъ **бе-злокази** и т. п.

Наконецъ, въ сочетаніи конечнаго з предлога съ начальнымъ р
слѣдующаго слова развивалось новое д: при переходѣ отъ зубного
суженія (з) къ слѣдующему р образовался зубной взрывъ (д); такъ
получились формы др.-ц.-слов. памятниковъ: **издрѣшеник** Киевск. Мис.,
вздрастѣк Киев. М., **без-д-разумъ** Мар. Ев., **вздрасти** Мар. Ев., **вздра-
деватися** Мар. Ев., **вздыхати** Мар. Ев. и т. п.

При обг (обь), быть можетъ еще въ праслов., было об-, почему въ
др.-ц.-сл. памятникахъ находимъ обгихшати изъ *об-вѣтъшати: ср. об-игти-
обидѣ. Рядомъ съ отг существовало, быть можетъ, от-, въ силу чего на-
ходимъ **оходити**, **ошьдѣ** изъ **отходити**, **отшьдѣ**.

§ 83. Предлоги **въ**, **изъ**, **изъ** первоначально оканчивались согласнымъ
носовымъ н: прасл. *утын, *сън, *кън,—ср. греч. ἐν, лат. in; др.-и. sám;
др.-и. kám.

Въ положеніи предъ гласнымъ конечное н этихъ предлоговъ сохра-
нялось, и такимъ образомъ въ др.-ц.-слов. памятникахъ находимъ пра-
вильно **внити**, **снити**, которая слѣдуетъ понимать, какъ **вн-нити**, **сн-
нити**. Сохранялось н и въ положеніи предъ j+гласный, измѣняясь въ ю
(смягченное н): **внѣмъ**, **снѣмъ**, **кнѣмоу**, которая получились изъ *утын-
jemъ, *сън-jemъ, *кън-jemъ.

Въ положениі предъ иными согласными (не предъ ѡ) и сливалось съ предшествующимъ тъ въ носовое ѿ (и), которое теряло носовой резонансъ и давало ѿ; такъ получились сочетанія къ воеѣ, къ сеѣ, сътво-рити, къ доброу и т. п. изъ *уѣн-bodzѣ, *уѣн-selѣ, *sъntvoriti, *kъn-debru.

Въ виду такихъ сочетаній, какъ къ воеѣ, къ сеѣ и т. п.—и въ сочетаніяхъ ехнѣмъ, ехнѣмъ, къ-нѣмоу въ сознаніи говорящихъ относилось къ послѣдующему слову, т. е. сочетанія эти дѣлились въ сознаніи говорящихъ на части такимъ образомъ: ехнѣмъ, ехнѣмъ, къ-нѣмоу. Этимъ объясняется появленіе и въ такихъ сочетаніяхъ, какъ прѣдз-нѣмъ, отъ него, донѣдѣже, донѣдѣже при болѣе старой донѣдѣже (изъ *do-жь-де-жѣ). Такое же отнесеніе и, принадлежавшаго предлогамъ ехи, ехи, кхи, находимъ въ русскомъ языке, серб. vjѣdra, чеш. nѣdra; послѣдняя форма (чешская) представляетъ комтаминацію формъ jadra и nѣdra. Форма nѣdra отвлечена изъ сочетанія уѣн-ѣdra, существовавшаго при jadra.

Примѣчаніе. Ср. Meillet въ Götting. gelehrt. Anz. 1910 г. № 5, 373 с.